

100 лет
СТАВРОПОЛЬСКОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ
КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ
им. Е.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА и Е.К. ПРАВЕ

ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

выпуск 1

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМ. Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г.К. ПРАВЕ

*155-летию Г.Н. Прозрителева и
100-летию Ставропольского государственного
краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева
и Г.К. Паве посвящается*

ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВЫПУСК 1

Сборник материалов
научно-практической конференции

г. Ставрополь, 2005 г.

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

Редакционная коллегия: Охонько Н.А., ответственный редактор;
Савенко С.Н., научный редактор;
Котовская Л.Н., редактор.

П 78   **Прозрителевские чтения:** Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. — 152 с.

ISBN 5-7644-0999-3

Сборник выпущен при содействии Ставропольского книжного издательства. Материалы сборника посвящены краеведческой тематике и представляет историческое прошлое и настоящее, культурную жизнь города и края.

ISBN 5-7644-0999-3

- © Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, 2005.
- © Авторы, 2005.
- © Ставропольское книжное издательство, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Ашихмина А.В.** [Благотворительная библиотечная деятельность Г.К. Пправе и Г.Н. Прозрителева](#)
- Андрющенко Т.Н.** [Прошлое и настоящее Святого колодца](#)
- Беликов Г.А.** [Лермонтовский Ставрополь](#)
- Булыгина Т.А.** [Музей в повседневной жизни Ставрополя в 1920-е годы](#)
- Бурков С.В.** [Историческое краеведение как составная часть историко-культурного наследия Ингушетии: вопросы теории и практики](#)
- Гайдидей С.А.** [Выставочная деятельность – ведущее направление в работе музея](#)
- Галаева В.Н.** [Коллекция археологических предметов Татарского городища в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе](#)
- Гальфингер Н.А.** [Коллекция «Отряд Курообразные» в Ставропольском государственном краеведческом музее им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе](#)
- Годзевич Б.Л.** [Номо erectus в Пятигорье](#)
- Годзевич Б.Л., Шальнев В.А.** [Виргиния Владимировна Савельева](#)
- Гончарова Г.А.** [Становление керамического производства Ставропольской губернии в конце XIX – XX в.](#)
- Гриценко О.В.** [Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в картографической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе](#)
- Гудалин В.В.** [Памятники скифской культуры в районе города Ставрополя и его окрестностей](#)
- Данилевич В.Г.** [Новые ботанические находки](#)
- Дронов А.В.** [Вклад Г.Н. Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района](#)
- Еремина Е.И.** [Волостное правление Ставропольской губернии](#)
- Колесникова М.Е.** [Начало историографического изучения Северного Кавказа: Г.Н. Прозрителев](#)
- Конощенко Т.В.** [Роль сельскохозяйственных и промышленных выставок в пропаганде НЭПА на Ставрополье](#)
- Король Л.П.** [Музей в структуре общества](#)

- Корчевная А.В.** [Некоторые аспекты изучения мемориальных фондов в Эссентукском краеведческом музее](#)
- Кравцова С.Л.** [О коллекции египетских древностей из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея](#)
- Кругов А.И.** [Крестьянское хозяйство Ставрополя в годы гражданской войны](#)
- Лабур В.Н.** [Устойчивость трудовых отношений в семье ставропольских сел и станиц на публицистических материалах конца XIX века](#)
- Маловичко С.И.** [Новые исследовательские практики изучения местной истории: новая локальная история](#)
- Малявко И.Б.** [Ставропольский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны](#)
- Мозгова Т.В.** [Физико-географическая характеристика станицы Беломечётской и её окрестностей](#)
- Нахаева И.В.** [Рукописи Г.Н. Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – нач. XX вв.](#)
- Нечитайлов М.В.** [Мифы Кавказской войны](#)
- Ногина Е. В.** [Краеведческие экскурсии как форма организации досуга городского населения Ставрополя в 1920-1930-е годы](#)
- Овдиенко Н.И.** [Место Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве в естественнонаучной и просветительной деятельности Ставропольского края](#)
- Отюцкий И.В.** [О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа](#)
- Охонько Н.А.** [Г.Н. Прозрителев и его вклад в развитие музейного дела на Северном Кавказе](#)
- Поддубная О.Е.** [Отсутствующая «Другая» в трудах Г.Н. Прозрителева](#)
- Прокопенко Ю.А.** [Фибулы среднелатенской схемы из памятников Центрального Предкавказья](#)
- Савенко С.Н.** [Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н.Прозрителева с Д.М.Павловым и другими Кавминводскими археологами-краеведами](#)
- Савенко С.Н.,
Лачинов И.А.
Сокол О.В.** [Лапидарий Кисловодского музея](#)
[Г.Н. Прозрителев – сотрудник Ставропольского губернского статистического комитета](#)

- Стрекалова Е.Н.** [Социальное положение технической интеллигенции Северного Кавказа в 20-30-е гг. XX века](#)
- Судаев Н.Д.** [Г.К. Праве как общественный деятель](#)
- Хомченко Е.В.** [Энтомологическая коллекция Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Сообщение 1. Hemiptera – Полужесткокрылые](#)
- Чаплыгина О.Н.** [Начало историописания Северного Кавказа: взгляд «новой историографии»](#)
- Швырева А.К.** [Палеонтологические коллекции музея Северного Кавказа в начале XX века](#)
- Штайн К.Э.,
Бобылев С.Ф.,
Зуев К.В.,
Петренко Д.И.** [Камень и солнце: традиционный уклад Ставрополя в семиотической перспективе](#)
- Шумакова Е.В.** [Кочевники Северного Кавказа в трудах ставропольских исследователей \(конец XIX – начало XX в.\)](#)
- Яцукова Л.В.** [Вклад Г.Н. Прозрителева в развитие периодической печати Ставрополя](#)

От редакции

23–24 ноября 2004 г. на базе Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе прошла научно-практическая конференция «Первые музейно-краеведческие Прозрителевские чтения», посвященная 155-летию известного северокавказского ученого-краеведа, историка, археолога, архивиста, музейного и общественного деятеля Григория Николаевича Прозрителева и 100-летию основанного им Музея Северного Кавказа – Ставропольского краеведческого музея. В конференции приняли участие около 100 музейных работников, ученых, преподавателей высших и средних учебных заведений, представителей общественных организаций, действующих в сфере сохранения и использования историко-культурного и природного наследия. В адрес участников поступила приветственная телеграмма из Москвы от внука, правнука и праправнуков Григория Николаевича Прозрителева.

На двух пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено более 40 докладов и сообщений, 9 из них (Ашихминой А.В., Дронова А.В., Колесниковой М.Е., Нахаевой И.В., Охонько Н.А., Поддубной О.Е., Савенко С.Н., Сокола О.В., Яцуковой Л.В.) были посвящены непосредственно разносторонней деятельности Г.Н. Прозрителева. Открыл конференцию директор музея Н.А. Охонько. Его выступление о роли Г.Н. Прозрителева в создании Ставропольского краеведческого музея вызвало особый интерес. Общетеоретический, научно-методологический и инновационный характер носили другие пленарные доклады. Например, выступление доктора исторических наук, профессора Ставропольского государственного университета С.И. Маловичко – «Новые исследовательские практики изучения местной истории: новая локальная история». Любопытным по форме и по содержанию был коллективный проект: «Камень и солнце: традиционный уклад Ставрополя в семиотической перспективе», выполненный группой авторов под руководством профессора СГУ, доктора филологических наук К.Э. Штайн. Смысловая трактовка малых архитектурных форм и декоративных элементов исторической застройки Ставрополя в преломлении пережиточных элементов древнеславянской мифологии отличалась оригинальностью подхода и научной новизной. Широко и нестандартно предстал на конференции образ еще одной яркой личности – краеведа и общественного деятеля Григория Константиновича Пправе, имя которого также носит Ставропольский государственный краеведческий музей. Ему были посвящены доклады профессора СГУ, доктора исторических наук Н.Д. Судавцова и заведующей отделом редкой книги краевой библиотеки им. М.Ю. Лермонтова – А.В. Ашихминой.

На первых Прозрителевских чтениях работало 3 секции: исторического краеведения и региональной археологии, музейного дела и литературного краеведения, природно-географического (естественно-научного) краеведения. Первая была особенно насыщенной докладами и сообщениями. Серия выступлений по археологии и древней истории была посвящена характеристике коллекций и фондов Ставропольского краеведческого музея (Галаевой В.Н.,

Гудалина В.В., Кравцовой С.Л., Отюцкого И.В.), в том числе подборок египетских древностей, памятников скифского времени, находок на территории музея-заповедника «Татарское городище» и других. Участник палеолитических экспедиций на Ставрополье доцент СГУ, кандидат геолого-минералогических наук Б.Л. Годзевич рассказал о находках орудий древнейших жителей нашего края в Пятигорье. Прислушаны и другие сообщения данного блока.

Как своеобразный этнографический мост между археологической и историко-краеведческой проблематикой прозвучал доклад ведущего методиста музея Г.А.Гончаровой, о становлении керамического производства в Ставропольской губернии конца XIX – начала XX вв.

Широкий спектр проблем сохранения и использования богатого историко-культурного наследия Ингушетии рассмотрел заместитель директора НИСа Северо-Кавказского государственного технического университета в г. Назрань С.Б. Бурков. Заслушаны выступления о трудах ставропольских исследователей рубежа XIX - XX вв., посвященных кочевым народам региона (Шумаковой Е.В.), об оценках трудовых отношений в семьях ставропольских сел и станиц в публицистических материалах конца XIX в. (Лабур В.И.), об особенностях развития волостного правления в Ставропольской губернии (Ереминой Е.И.). В докладах преподавателей СГУ, кандидатов исторических наук А.И. Кругова и Е.Н. Стрекаловой исследовалось экономическое и социальное положение ставропольских крестьян в годы гражданской войны и технической интеллигенции Северного Кавказа в 1920-1930-х годах. А по ходу сообщения младшего научного сотрудника музея О.В. Гриценко – «Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в картографической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе» были воспроизведены на электронных носителях образцы исторических карт региона.

Среди 12-и докладов, прозвучавших на секции музейного дела и литературного краеведения, были особо отмечены те, в которых говорилось о формах работы периферийных музеев – с. Татарка (Андрющенко Т.Н.) и г. Новоалександровска (Король Л.П.). Выгодно отличалось выступление заведующей сектором выставочных работ Ставропольского краеведческого музея С.А. Гайдидей – о выставочной деятельности как ведущем направлении работы современного музея. Глубокую эрудицию, всестороннюю осведомленность показала в своем докладе (о музеях в повседневной жизни Ставрополья 1920-х годов) профессор СГУ, доктор исторических наук Т.А. Булыгина, в трудовой биографии которой были годы сотрудничества со Ставропольским музеем. Формы выставочной и экскурсионной работы в крае в 1920-1930-х годах рассматривались аспирантами СГУ Т.В. Коношенко и С.В. Ногиной. Заметным явлением в культурной жизни Кавминвод стало недавнее открытие экспозиции крупномасштабных археологических, этнографических и исторических находок, расположенной во дворе историко-краеведческого музея «Крепость» и приуроченной к 40-летию Кисловодского лапидария. Его характеристике было посвящено совместное сообщение заместителя директора краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, кандидата исторических наук С.Н. Савенко и

заместителя директора музея «Крепость» И.А. Лачинова. Множество вопросов и предложений породило исследование старшего научного сотрудника краеведческого музея И.Б. Малявко – о работе Ставропольского музея в годы Великой Отечественной войны.

Юбилейная историко-литературная тематика затрагивалась в докладе известного ставропольского краеведа, старшего научного сотрудника краеведческого музея, доцента Г.А. Беликова. Он еще раз вернулся к проблеме «Лермонтовских мест» в Ставрополе. Как исторические и историографические мифы периода Кавказской войны XIX в. были оценены аспирантом СГУ М.В. Нечитайловым литературные сведения об особенностях использования казаками пик и игольных зарядов в пистолетах во время боя с кавказскими «кольчужниками» и «панцырниками».

Цельной по своему содержанию и уровню представленных докладов выглядела небольшая секция природно-географического краеведения. Здесь прозвучало пять сообщений сотрудников музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В них характеризовались коллекции «отряда курообразных» (Гальфингер Н.А.), энтомологического собрания «полужестокрылых» (Хомченко Е.В.), новые ботанические находки в районах края (Данилевич В.Г.). Т.В. Мозгова представила результаты локальных полевых физико-географических разработок в станице Беломечетской и ее окрестностях. Настоящим открытием (нового вида эласмотериев) увенчался анализ палеонтологических образцов из Хапrowsкого фаунистического комплекса, проведенный заведующей отделом природы музея А.К. Швыревой, которая дала, помимо этого, характеристику палеонтологических коллекций музея начала XX века.

При подведении итогов конференции было принято решение о публикации ее материалов. Прозрителевские чтения станут теперь ежегодными и будут проводиться в ноябре, к дню памяти Григория Николаевича Прозрителева.

Уважаемые участники конференции!

В год 155-летия известного северокавказского ученого краеведа, археолога, архивиста, музейного и общественного деятеля, человека широких взглядов, интересов и души – Григория Николаевича Прозрителева и накануне 100-летия его любимого «детища» – Музея Северного Кавказа – Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе мы открываем эту новую региональную научно-практическую конференцию – «Первые музейно-краеведческие Прозрителевские чтения».

Подобные мемориальные конференции не новы для нашего края. Сотрудники краеведческого музея и его структурных подразделений на Кавминводах немало сделали для того, чтобы одна из наиболее авторитетных и долговечных, научных конференций по археологии Северного Кавказа – «Крупновские чтения», возникшая ещё в СССР в отдаленном 1971 году, сохранилась и получила новый импульс развития в сложные 90-е годы ушедшего столетия. В 1996 г. в стенах Ставропольского краеведческого музея зародился ещё один важный мемориал, связанный с крупным археологом – кавказоведом – Тамарой Максимовной Минаевой, которая долгие годы являлась сотрудником музея и Ставропольского государственного университета (тогда Пединститута). Эстафета конференций была подхвачена СГУ, и на его базе, в апреле 2003 года, прошли уже VI-е «Минаевские чтения».

Но открываемые ныне Прозрителевские чтения во многом своеобразны и не дублируют содержание работы указанных форумов. Во-первых, они значительно шире по проблематике, потому что не ограничиваются конкретными науками – археологией, этнографией, историческим краеведением. Многоплановая личность и интересы Г.Н. Прозрителева позволяют объединить под его именем усилия музееведов, литературоведов, природоведов обширного спектра направлений и других специалистов. Во-вторых, конференция позволяет «подтянуть» не только ученых, но и практиков музейной работы, как центра, так и отдаленных уголков нашего края; представителей общественных организаций и движений, инициаторов позитивных социально-культурных кампаний, акций и т.п., действующих в сфере сохранения и популяризации культурного и природного наследия. И уже на нашей Первой конференции мы видим и ученых, и музейщиков, и преподавателей вузов, и учителей школ, государственных и муниципальных служащих, активистов-общественников.

Следует подчеркнуть, что возрождение и подъем природоохранного, историко-культурного, краеведческого движения являются яркими показателями нашей реформационной эпохи, факторами сохранения сложившихся добрых традиций и поддержания новых социальных сдвигов.

Хочется надеяться, что Прозрителевские чтения не останутся только первым и единственным опытом, а со временем приобретут характер периодически созываемого престижного собрания; приводимого в действие отлаженного механизма развития региональной науки и поддержания позитивных общественных тенденций.

Желаю докладчикам и всем участникам
Первых музейно-краеведческих Прозрителевских чтений
творческих успехов в благородном деле!

В.М. Лычагин – заместитель министра культуры Ставропольского края

Благотворительная библиотечная деятельность Г.К. Пправе и Г.Н. Прозрителева

Люди, имена которых присвоены Ставропольскому краеведческому музею, известны не только на поприще музейной деятельности, но и во многих областях народного просвещения. Одной из таковых являются библиотеки.

Самой крупной в губернии, да и на всем Северном Кавказе, стала публичная библиотека основанного в 1904 году музея им. Пправе. Вначале –

о собирателе этой частной библиотеки, о том, как формировалась личность прежде всего читателя, а впоследствии и библиотекаря Г. К. Пправе. Ответ находим в его автобиографии. Интерес к книге и чтению прививался отцом, который, несмотря на занятость, находил время заниматься с детьми. Выписал, например, журнал «Вокруг света», издававшийся в 60-х годах Генкелем. Особенно привлекательны были многочисленные статьи по естествознанию и описание путешествий. Первая же книга, которую Пправе прочел и затем много раз перечитывал, выучившись хорошо читать в 6-летнем возрасте, была «Мир Божий» - книга для чтения Ушинского. Решающее влияние на всю деятельность имела статья «Дядя и племянник», в которой описывалось, как дядя, приехав из-за границы, привез в подарок племянникам целую коллекцию животных, сделанных из папье-маше. С этого момента любимыми играми стали устройство зоологического сада и собиранье всевозможных коллекций. В распоряжении Пправе были еще и выписываемые отцом книги: «Колокол» Герцена, полное собрание сочинений Гоголя и «Горе от ума» Грибоедова. С 12-и лет он смог начать пользоваться богатейшей библиотекой князя Урусова, опекуном для которого был назначен его дядя по матери. К 14-и годам мальчиком была перечитана вся бульварная французская литература той библиотеки, навсегда избавившая его от увлечения легким чтением. До 17 лет он перечитал всех русских и главнейших европейских классиков, начав изучать философию.

Дальнейшее приобщение к книге, причем библиотечной, происходило во время обучения в коммерческом училище. С особой благодарностью вспоминал он профессора Петербургского университета Василия Дмитриевича Смирнова, под руководством которого прошел курс русской словесности и литературы. С его же помощью он мог (не имея собственных книг за недостатком средств) использовать богатства Санкт-Петербургской публичной библиотеки. Это обстоятельство дало возможность значительно расширить свои знания путем самообразования.

Несомненно, весь опыт, добытый из этих книг, и возможности,

открываемые библиотеками для тех, кто жаждет знаний, оказали решающее влияние на Г. К. Пправе, как организатора своего книжного собрания, так и устроителя библиотек.

16 октября 1904 года в Ставропольскую городскую управу поступило заявление Г. К. Пправе о его желании передать коллекцию и научную библиотеку в собственность города. Дар был принят 3 декабря 1904 г., ассигнованы средства на его содержание. Георгий Константинович сам определяет свое книжное собрание как научную библиотеку. В основу ее легла частная коллекция, состоявшая из 2000 названий книг по всем отраслям знания, наиболее богатая естественно-научными произведениями, с довольно большим отделом художественных изданий, русскими и иностранными новейшими и старинными атласами, энциклопедически-словарным отделом.

Первоначально музей имел очень скромный объем, так что для него было отведено всего две комнаты при бесплатной библиотеке, но собрание довольно быстро росло, пополняясь пожертвованиями. Сам основатель музея постепенно передал сюда всю свою личную библиотеку, насчитывавшую 16 000 томов. Из других приношений называют книги от общества врачей, очень ценные дары со стороны частных лиц. Уже в 1913 году музей совершил переход в помещение, занимаемое им и сегодня.

Все книги вносились в 2 карточных каталога: алфавитный и систематический, по десятичной классификации. Следует отметить, что последняя введена в библиотеке с самого ее основания, т. е. в то время, когда она еще не вошла в обиход даже крупных библиотек Москвы. Достаточно редкий для того времени и показательный пример хорошей постановки каталогизации, как признака научной библиотеки.

К 1917 году библиотека имела более 15000 томов книг, общей стоимостью около 30 тысяч рублей. Посещений – свыше 3000, книг выдано 8000. Это при том, что лица, пользовавшиеся книгами в помещении самой библиотеки, не учитывались, а с 20 мая по 20 сентября библиотека была закрыта.

Г.К. Пправе считал: провинциальный музей, будучи научно-исследовательским учреждением, должен в то же время вести просветительскую работу среди населения, давая максимум знаний, прививая интерес ко всему миру. Разносторонность не могла искусственно ограничиваться. Принципу универсальности комплектования отвечает и созданная им библиотека. Георгий Константинович Пправе только в 1920 году становится платным директором музея, до этого оставаясь его бескорыстным заведующим и хранителем.

Деятельность Григория Николаевича Прозрителева также неразрывно связана с музейным делом и с библиотеками. При его непосредственном участии был создан Ставропольский музей Северного Кавказа, открытие которого состоялось 5 ноября 1906 г. Как впоследствии указывал сам Г. Н. Прозрителев, музей возник по частной инициативе, основателями были А. С. Собривский и он. С 1907 года музей остался всецело на попечении Г. Н. Прозрителева и развивался его трудами, на его личные средства. При губернском статистическом комитете, деятельность которого после значительного перерыва возобновилась в 1905 году, существовала библиотека. Ее решено было присоединить к музею и передать в

заведование попечительства о музее. Поступали и деньги, назначенные по смете из штатных сумм комитета на пополнение и содержание этой библиотеки.

Принципиальной особенностью этого книжного собрания является сбор литературы, не только Ставропольской губернии, но и всего Северного Кавказа, который комитет, как ученое общество, считал своим районом. Исторически живший общей жизнью и связанный общими условиями экономического развития, Северный Кавказ был единым физически, а не разделялся по территориям, случайно разграниченным кем-то.

Расположились музей и библиотека комитета в помещении, занимаемом ранее канцелярией губернатора. Сотрудниками комитета были разобраны по отделам книги и составлен карточный каталог. В фонды музея поступили и книги из личных собраний Г. Н. Прозрителева, А.С. Собривевского. Особенно интенсивно велся книгообмен. Причем, сведения о книгообмене мы находим как в дореволюционных документах, так и в советских.

Труды самого Г.Н. Прозрителева представляют собой лучшую главу в истории изучения Северного Кавказа. Деятельность Ставропольского Статистического Комитета с 1905 по 1920 год называется почетной в ряду других просветительных учреждений, благодаря Григорию Николаевичу, бескорыстно служившему Комитету и сумевшему сделать из него живое научное общество. Разрешенная к открытию в феврале 1906 года, Ставропольская Ученая Архивная Комиссия развила свою энергичную работу также с его участием, под его руководством и немалой материальной поддержкой.

В 1907 году Попечительство о Ставропольском Музее Северного Кавказа, Ставропольское Церковно-Археологическое общество, Ставропольская Ученая Архивная Комиссия и Ставропольский городской Музей поставили вопрос о территориальном соединении своих музеев и библиотек в одном здании или на одной усадьбе, чтобы создать единое учреждение просвещения местного населения. Соединение обоих Ставропольских музеев в единое учреждение произошло позднее, уже в советское время. Об этом свидетельствуют, в частности, книги библиотек, хранящиеся ныне в основном в фондах краевой библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. Г. Н. Прозрителев в 1927 г., уже после смерти Г.К.Праве, становится Председателем музейного совета и берет на себя общее руководство его деятельностью.

Помимо музейного дела, оба краеведа вели огромную общественную работу, где также просматривается участие в создании и развитии библиотек. В автобиографии Г. К. Праве отмечает, что по приезде в Ставрополь главное внимание обращал на распространение всех видов внешкольного образования среди народа, для чего пробыл 35 лет гласным Городской Думы, участвуя почти во всех ее комиссиях, особенно в комиссии, заведовавшей народным образованием. Был сначала членом общества для содействия развитию народного образования в г. Ставрополе, а впоследствии и председателем его Правления. Участвовал в распространении как в городе, так и в губернии, воскресных школ, библиотек, народных чтений.

Именно Г. К. Праве открыл в г. Ставрополе первую народную бесплатную библиотеку-читальню 7(21) апреля 1896 года. На частные пожертвования

приобретено было до 600 названий книг, более 700 томов по разным отраслям знаний. Комната для читальни была нанята в окраинном районе – Форштадте, в довольно удобном месте. Заведовать библиотекой предполагалось предложить учительницам Форштадтского и Мамайского училищ. Так начато было дело открытия. В первые 2 года в городе были открыты еще 4 бесплатные народные библиотеки. В их открытии принимал участие Г. К. Пправе – вначале как частное лицо, а затем – по поручению Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. С согласия Общества и самого основателя первая библиотека впоследствии была передана в ведение уездного попечительства о народной трезвости.

1 мая 1897 г. открыта школа грамотности при Ставропольской тюрьме. Участие в этом Г.К. Пправе выразилось в том, что он обратился в местный тюремный комитет с предложением открыть библиотеку – читальню для заключенных. Получив разрешение, доставил для библиотеки-читальни 370 названий разных книг, к которым присоединено также свыше 300 духовных книг от Андреевско-Владимирского братства. Заведовал школой и библиотекой-читальней о. Григорий Ключарев.

В 1897 году Г. К. Пправе представил в Комитет общества для содействия распространению народного образования Устав для библиотек-читален и предложил открыть сразу две библиотеки. 21 декабря 1897 г. открыта Ташлянская библиотека. Книги ее были выписаны на средства Общества грамотности, были пожертвованы. 26 апреля 1898 г. открылась Ново-Форштадтская библиотека-читальня при начальном училище в доме Кравцовой.

Количество народных библиотек пополнилось в мае 1898 года одной платной дешевой библиотекой, открытой в память Виссариона Григорьевича Белинского. Первоначально предполагалось устройство бесплатной библиотеки, но сравнительное обилие подобного типа библиотек в городе (их было уже 7) и ограниченность отбора книг в такие библиотеки заставили предпочесть вариант дешевой библиотеки. Избрана комиссия, рассмотревшая проект Устава, после чего было получено разрешение властей на открытие. В открытии и этой библиотеки участвовал Г. К. Пправе. Были приложены значительные усилия для обеспечения организуемой библиотеки денежными средствами. Собраны они на вечере в память Белинского, других платных собраниях, таких, например, как гулянье. И здесь пути двух известных просветителей еще раз пересекаются. Г.Н. Прозрителев уступил под библиотеку (бесплатно, на год) помещение в своем доме на 1-й Воробьевской улице.

К заслугам Г. Н. Прозрителева в научно-просветительской деятельности относят участие в создании газеты «Северный Кавказ», организации «Убежища для бесприютных детей», дома для беспомощных.

Развитие просвещения и библиотечного дела в России конца XIX века находилось в прямой зависимости от осознания важности его со стороны интеллигенции. Народные библиотеки походили скорее на филантропическую организацию, созданную, правда, в интересах населения либо его истинными друзьями, либо опекунами. Таковыми в г. Ставрополе мы и называем Георгия Константиновича Пправе и Григория Николаевича Прозрителева.

Учитывая все вышеизложенные факты, мы можем утверждать, что по прошествии столетия справедливая история не зря поставила рядом в названии музея имена этих выдающихся просветителей и общественных деятелей Северного Кавказа.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК.- Ф. 1043.- Оп. 1.-Д. 73
2. Краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. Ф. № 1. Ед. хр. 1
3. Краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. Ф. № 7. Ед. хр. 5
4. Лучник В. К. Памяти Георгия Константиновича Пправе. - Ставрополь, 1926.-12 с.
5. Прозрителев Г. Н. Музей Северного Кавказа (в Ставрополе Кавказском).- Владикавказ, 1924.- 12 с.
6. Собриевский А. Отчет по изданию трудов Ставропольского статистического комитета, его библиотеке и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905 и 1906 гг. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1908. - 59+9 с.
7. 45-летний юбилей Г. Н. Прозрителева.- Ставрополь-на-Кавказе.-1929. - 32 с.
8. Г. К. Пправе//Материалы по изучению Ставропольского края.- В.5.- Ставрополь: Кн. Изд-во, 1953.- С. 191-199
9. Северный Кавказ. - 1896.- № 29 (1067).- 11 апр.
10. Северный Кавказ. - 1897.- № 35(1176).- 1 мая.

Прошлое и настоящее Святого колодца

*Есть в Татарском лесу
Богом данный родник,
С серебристым журчаньем
Из скалы он возник.
И молва о «народном»,
Чудотворном ручье
Разнеслась далеко
По родимой земле.
И паломники или,
И идут до сих пор.
Чтоб водицы испив,
Дать болезням отпор.*

О. Драчёва

Многочисленные родники – одна из достопримечательностей Татарского леса. Они рождаются на свет там, где обнажаются залегающие пласты двух водоносных горизонтов: верхнего, сложенного из морских отложений, и нижнего, состоящего из пористого ракушечника. Накоплению подземных вод способствует наличие под ними пластов водоупорной глины. При отсутствии крупных рек и водоёмов родники Ставропольской горы испокон веков служили основным источником питьевого снабжения населения.

Огромной популярностью в народе пользуется родник Святой колодец. На опушке леса, на живописной лесной поляне, окружённой вековыми деревьями, в великолепном цветущем убранстве мелодично журчит ручей. Он берёт своё начало в пещере, расположенной в глубине склона, куда уводит сводчатый каменный грот. Здесь современность встречается с прошлым. Сказаниями и легендами овеяна история Святого колодца.

Существует поверье, согласно которому нашему источнику уже около двух веков. Через Татарку проходил известный Черкасский почтовый тракт. Обозы были многочисленны, с вооружённой охраной. В нижней части села, где сейчас пекарня, располагался постоялый двор. Здесь, по рассказам старожил, и остановился знатный барин из Петербурга с больной женой. К сожалению, барыне не помогли целебные ванны Кавказских Минеральных Вод. Многочисленные раны на ногах не заживали. На обратном пути на ночь супруги остановились в Татарке. Перед сном барыня обмыла ноги в ручье и с удивлением

почувствовала облегчение: раны стали подсыхать. Она уговорила мужа совершить прогулку к истоку ручья, где также брала целительную воду. После полного и удивительного исцеления супруги пожертвовали деньги, на которые и была построена часовня.

Одна из легенд донесла до нас информацию, что в пещере находился подземный ход, сообщающийся с городом Ставрополем. В другом сказании, дошедшем до нас, говорится, что на дне каменного колодца, находящегося там, в пещере было изображение Иконы Казанской Божьей матери. Кристально чистая вода, без осадочных пород, никогда не заливала Святой лик и от иконы исходило сияние.

Ранние официальные сведения о Святом колодце относятся к середине XIX века. С именем казачки Елены Бабичевой связано первое упоминание о нём. Её бурёнушки особенно вкусной находили воду в дальнем ручье, и трава там была нетронутой, сочной. Хозяйка часто обнаруживала там своих заплутавших коровиц. Однажды ей приснился сон, будто бы разыскивает она своих коров и идёт по лесной дорожке к колодцу, а навстречу ей древний старец-странник попадает. Заговорил старик с Еленой о чудодейственной силе воды и повелел сруб у колодца поставить, ибо вода в нём святая. Обо всём этом рассказала Елена Бабичева настоятелю Татарской Казанской церкви отцу Мефодию, который и отслужил первый молебен. Тогда же был поставлен сруб с крышей и большой деревянный крест с двумя иконами и лампадой.

Слава и молва о «народном» чудотворном очаге всё более и более распространялись по всему Кавказу, и источник благоустроили. «... В 2,5 верстах от Ставрополя открыт жителями одного колодец, из которого они признают воду за целебную для верующих больных, почему по просьбе их, священник Мамайской Георгиевской церкви Алексей Семёнов служил у того колодца молебен и при этом от добротных людей собрано 96 руб.38 коп. серебром...» (ГАСК, ф. 135, оп. 3, Од. 280, л. 1-25, год 1872). На эти средства, как говорится в том же деле о колодце, был устроен каптаж родника, представлявший из себя уходящий в глубь лесного склона сводчатый каменный грот. Попасть в грот можно было через дубовую, окованную железом дверь, устроенную в центре полукруглой, в двадцать сажень в длину и полтора в высоту, стены, украшенной карнизом, многочисленными нишами для икон и большим каменным крестом над дверью в грот. Вода из грота по гончарной трубе попадала в замысловатую каменную башенку, украшенную портиком, полуколоннами, карнизами, в одной из ниш которой находилась скульптура Иисуса Христа. Отсюда по двум высеребренным трубам родниковая вода сбегала в круглый, выложенный камнем бассейн. Каменными плитками были выложены

и вся площадка у каптажа, а также часть устроенной сюда дороги. Ниже каптажной площадки, куда вела каменная лесенка, были устроены вместительные каменные купели.

Заслуженный художник России Павел Моисеевич Гречишкин родился и вырос в Татарке и рассказывал, что отношение селян к источнику было трепетно-уважительное, часто можно было встретить там паломников, верующих и тяжелобольных. Он утверждает, что бассейн не был круглым, как изображено на старинной гравюре, а имел восьмигранную форму.

А вот что рассказывал сторожил села Николай Игнатьевич Буняев: «Жили мы на хуторе Извещательном, наша семья была трудолюбивая и верующая. Прислали к нам на хутор молодую учительницу и поселили в наш дом. Шли 20-е годы XX века. Как обычно, на праздник Водосвятия мы всей большой семьёй вместе с учительницей поехали в станицу Татарскую. Свой нехитрый скарб оставили у тетки и пошли на службу в церковь. По окончании службы крестным ходом пешие направились к колодцу. Впереди несли две иконы выше человеческого роста, шли батюшка, дяк, певчие, а за ними все остальные. Конные подводы стояли до самого Ставрополя. У Святого колодца обряд Водосвятия продолжался. Шла служба и в то время, когда погружался серебряный крест в воду, среди людей начинало происходить что-то странное: кто-то падал в обморок, другой рвал на себе волосы, другие плакали, гавкали, хрюкали т.д. Это были так называемые порченые. Батюшка при помощи близких уводил их в грот пещеры и там проводил исцеление. Всё это производило очень сильное впечатление на присутствующих. Мы попросили учительницу объяснить, что же это происходит, на что она нам ответила: «Видеть-видела, а как это объяснить, не знаю».

В годы атеизма источник переживал волну непопулярности у властей и был разрушен до основания. Но любовь к Святому источнику люди пронесли через годы. Дорога к нему – это дорога надежды, для многих страждущих – дорога жизни.

В наше время возник вопрос о восстановлении в первоначальном виде каптажа Святого источника, а потому в августе 1998 года Татарский сельский совет принял решение «О создании благотворительного фонда «Святой источник». Было утверждено соответствующее положение, открыт внебюджетный счёт администрации Татарского сельсовета. С 1993 года началось возрождение Святого колодца силами казаков и верующих. Согласно Постановлению Главы администрации Ставропольского края от 01.11.95 г. комплекс «Святой колодец» является объектом культурного наследия регионального значения середины XIX в.

С 1996 года 0,20 га земли закреплено за историко-краеведческим музеем села Татарка. Наш научный сотрудник Александр Фёдорович Хрипков следит за чистотой и порядком, проводит экскурсии и беседы с посетителями.

В нынешнем году на Святом колодце начались строительные работы по возведению часовни, бассейна, реставрации каптажа согласно проекту, в котором учтены исторические особенности этого места. В настоящее время благодаря прихожанам церкви, казачеству и всем неравнодушным людям оживило святое место. Молва о чудотворном очаге всё более распространяется. Люди добираются сюда даже из других уголков России, в частном порядке и организованно, из храмов г. Ставрополя, Минеральных Вод, Невинномысска и других городов. В общих чертах обряд Водосвятия остаётся неизменным: горят свечи, идёт служба. Очень популярен обряд Водосвятия в церковные праздники Крещения и Преполовления. И, как и полтора века назад, в дома сельчан будут стучаться запоздалые путники для того, чтобы узнать дорогу к источнику. В лесу разгорятся костры. Церковнослужители из Ставрополя и Татарки поочередно проведут здесь службу. Люди будут читать молитвы, смельчаки – купаться (температура воды в колодце неизменна в течение всего года: 10 градусов).

Святой колодец – это одно из тех немногих мест, где происходит соприкосновение с вечным, возникает ощущение неразрывной связи времён и поколений. Непрерывный ручеек воды, словно поток времени, стремится в будущее. И то, что сегодня кажется важным и постоянным, завтра превратится в прошлое. Люди спорят, пытаются дойти до изначальной сути – силы этого места.

Г.А. Беликов
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве.
Старший научный сотрудник

Лермонтовский Ставрополь

Одним из памятных мест пребывания М.Ю. Лермонтова в Ставрополе была гостиница, вошедшая в историю города как «найтаковская». На самом деле грек-предприниматель Петр Афанасьевич Найтаки арендовал эту гостиницу у ставропольского купца I гильдии Ивана Ганиловского.

О самой гостинице, где неоднократно бывал М.Ю. Лермонтов, декабристы и многие другие великие сыны Отечества, написано много. Но где она находилась? На протяжении многих десятилетий ее безуспешно пытались найти такие краеведы как Г. Прозрителев, Л. Польский, В. Гниловской, А. Попов и др. И вот, после многих многолетних поисков в руки автора этого материала попадает архивное дело за 1837 год. Это список домовладений по южной стороне Большой Черкасской улице. В деле указывалось, что за домом купца Н. Плотникова (сегодняшнее угловое здание по пр. К. Маркса и ул. Р. Люксембург, где в дальнейшем почти 20 лет располагалась мужская классическая гимназия) следовали усадебные строения Дьячкова-Тарасова, Ермолова, Поваляева, Ганиловского и пр. Упомянув об усадебном месте Ганиловского, в документе сделали приписку: «где ресторация», т.е. гостиница (ГАСК ф. 8. оп. 8, д. 74. л. 5).

Более того, в деле указывались и размеры домовладений по фасаду зданий в сажнях – от угла дома Плотникова до усадьбы Ганиловского – 56 сажней, 3 аршина. Переведя в метры, и отсчитав их по фасадным линиям, я и вышел на дом, до революции принадлежавший купцам Такиджиевым, которые в 1897 году перестроили бывшую гостиницу Найтаки, именуемую в лермонтовские времена «Москвой» (план фасада старого дома мною был также обнаружен в архиве – ГАСК. Ф.79. оп. 1. д. 2107. ст. 90, год 1937).

Все это дало право на фасаде перестроенного дома Ивана Ганиловского установить мемориальную доску со словами: «В этом здании находилась «Ресторация Найтаки», названная в честь известного грека-предпринимателя Петра Найтаки. Здесь останавливались: М.Ю. Лермонтов, декабристы. Памятник архитектуры XIX века. Построен И. Ганиловским». Кстати, сегодня верхний этаж здания занимает греческое общество «Анагенниси», что значит «Возрождение».

Не менее значимым лермонтовским памятником для Ставрополя является сохранившийся Дом дежурного штабного офицера на сегодняшней улице Коминтерна.

Поиском бывшего Дома дежурного штабного офицера никто никогда не занимался, но поиск дома оказался несложным, хотя потребовал времени, работы в архиве края. И вот там в руки попадает выкопировка из «Высочайше

утвержденного плана г. Ставрополя с означением кварталов на Александровской площади (с 50-х годов XIX столетия бывшая Воробьевская-Соборная площадь стала именоваться в память пребывания в городе Александра II – Александровской) для видимости места арестантской № 51 казармы». Наряду с прочими строениями, уже существующими и предполагаемыми к постройке как на Александровской площади, так и к югу от нее, на этой выкопировке был отмечен и Дом дежурного штабного офицера. От угла сегодняшней улицы Ленина (в те времена Госпитальной) и до того дома по сегодняшней улице Коминтерна указывалось 106 сажень (ГАСК, ф. 103. оп. 1 д. 137, год 1854).

В октябре 1914 года, к 100-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, Ставропольская городская дума приняла решение об увековечивании памяти великого поэта. Решено было «Именуемую в настоящее время 1-ю Воробьевскую улицу переименовать в Лермонтовскую, во внимание к тому, что, по преданию, на этой улице проживал наш великий поэт М.Ю. Лермонтов».

В 1927 году Ставрополь отмечал свое 150-летие. К этой памятной дате по инициативе краеведа Г.Н. Прозрителева на большинстве исторических зданий города были установлены стеклянные памятные доски, где давались краткие сведения о них. Одна из таких досок была установлена и на «Лермонтовском доме». Об этой доске, по просьбе автора этого материала, подробно написал старый учитель биологии СШ № 6 – старожил Ставрополя Павел Степанович Марков. В частности, он писал: «В 1928 году я учился в школе им. Калинина на бывшей Параллельной улице (ныне Ломоносова, сегодня в этом здании, надстроенном и перестроенном, находится министерство народного образования. Г.Б.). Из школы с учительницей Е.В. Макеевой мы часто ходили к Архиерейским прудам на Ташле, сегодня Комсомольским. Проход к прудам с Лермонтовской улицы был через калитку дома по сегодняшней ул. Дзержинского, 183 (проход этот сохранился до сегодняшнего дня, но номер дома буквально недавно изменился на № 181. Г.Б.). На доме находилась стеклянная доска с надписью: «В этом доме останавливался М.Ю. Лермонтов». Вблизи усадьбы этого дома рос огромный старый дуб, где Екатерина Васильевна читала нам лермонтовские стихи».

То, что именно в этом доме жил Лермонтов, писал мне из Пятигорска краевед Леонид Николаевич Польский, знавший на Лермонтовской улице каждый закоулок, ибо с этим районом города были связаны многие неординарные события и известные имена там живущих.

Наконец, в Крайархиве в мои руки попадает план северной стороны 1-й Воробьевской улицы, но уже второй половины XIX века, когда дом Щербаковых перешел во владение полковника Щербины (кстати, сдававшего дом под палаты военного госпиталя). Местонахождение дома Щербаковых-Щербины точно совпадает с домом, где жил Лермонтов, что ставит последнюю точку в вопросе «Где находился «Лермонтовский дом» (ГАСК. Ф.1253, оп. 1. д. 1120).

Помимо этих лермонтовских мест обнаружены и другие...

Т.А. Булыгина
Ставропольский государственный университет.
Профессор, доктор исторических наук

Музей в повседневной жизни Ставрополя в 1920-е годы

В начале XX в. музеи были важным элементом интеллектуального пространства г. Ставрополя. Рост грамотности населения, увеличение доли городской культуры в аграрных регионах расширяли рамки этого пространства. С другой стороны, массовый характер музейной работы способствовал встраиванию музеев в повседневную городскую жизнь. Такой процесс стал актуализироваться в начале 20-х гг., когда культура, в том числе музейное дело, были провозглашены инструментом воспитания народных масс и одновременно достоянием народа.

Источники того времени позволяют говорить, что ставропольская повседневность давала себя знать в музейной работе. Разруха, бедность местного бюджета, нищета жителей – все это имело место в жизни и музейщиков, и музея. Так в 1924 г. общий бюджет музея Пясе и музея Северного Кавказа составлял 6742 руб. 30 коп., а реально было получено 5 107 руб. 88 коп. (1). У Г.Н. Прозрителева не было денег выехать за 120 верст для инспектирования археологических памятников. Это вполне соответствовало материальному положению всего населения. Недород, отсутствие нормальных условий жизни стимулировали кладоискательство и грабеж курганов. Недалеко от села Благодарного отрубные крестьяне занимали курганы под землянки, использовали археологические экспонаты в хозяйственном обиходе (2).

Докладные во власть ярко иллюстрируют музейный быт. Руководство музея в 1925 г. сетует, что, с одной стороны, местное управление не дает «денег ни на электричество (15 руб. 52 коп. - Т.Б.), ни на стекла в шкафах, ни на прочистку труб в уборной», а с другой, музею грозит пожар из-за гор мусора, который накапливается в расположенной рядом «толкучке» (3). Приобщение народа к культуре предстает в этих письмах в своем реальном повседневном виде. Массовые посещения музея, аргументирует его руководитель в феврале 1925 г. свою просьбу о введении в музей поста милиции, сопровождаются шумом, карманными кражами. В залах музея свободно курят, лузгают семечки (4). Так что культуру надо было не только нести в массы, но и охранять ее от этих масс.

В повседневность города вторгались новые понятия и нормы, новые отношения с властью, напрямую затронувшие музей. Стремление к всеохватному государственному контролю над всеми сферами общества нашло отражение в конкретных документах. В частности, через месяц после выхода постановления ВЦИК от 12 сентября 1923 г. по всем регионам было разослано циркулярное письмо, направленное на упорядочение музейных ценностей и оживление работы губернских отделов по делам музеев. В Главное управление музеев необходимо было предоставить сведения о музеях на содержании местного бюджета, перечень музейных зданий, штатных сотрудников. Количество архитектурных, художественных и исторических памятников на данной территории и прочее. Главная задача формулировалась как «концентрация музейного имущества в

Республике» (5). Это стало началом объединения столь различных по своим функциям музеев – Северного Кавказа (Г. Н. Прозрителев) и учебных пособий (Г.К. Пправе).

Интересный материал по истории повседневной и культурной жизни тех лет дают подробные помесечные отчеты музеев, позволяющие проследить динамику посещений представителями различных групп населения: горожан и крестьян, мужчин и женщин, детей и взрослых, красноармейцев и слушателей совпартшколы, учащихся и студентов. Внимательный анализ позволяет увидеть, как исчезают одни категории посетителей и появляются новые. Менялись потребности в экспонатах отдела учебных пособий и социальный портрет потребителей. Среди постоянных потребителей музейных пособий все реже встречаются писатели и художники, врачи и инженеры, зато увеличивается доля советских учреждений различного профиля: от губпросвета до ОГПУ. Характер организованных мероприятий свидетельствует о новых формах общественной жизни. К примеру, в декабре 1922 г. городская библиотека заказала пособия для выставки по всемирной революции, а в январе 1924 губпросвет – для выставок против алкоголизма (6). Музеи оказались втянутыми в идеологические и просветительские кампании. В зале музея наглядных пособий в 1924 г. проходила выставка книги в связи с «неделей книги», а в 1925 г. 20-летие музея было «разбавлено» Днем Дарвина (7).

Изменения в отношениях, в ценностных приоритетах, способы выживания «прежних» людей при новой власти прослеживаются в «эго-документах», в частности, в биографиях и других сведениях о руководителях и работниках музея. В биографиях и Г.К. Пправе и Г.Н. Прозрителева, написанных в 1923 г., бросается в глаза намеренное подчеркивание факта политической нелояльности обоих к дореволюционному режиму. У Пправе отмечено: «До революции считался политически неблагонадежным». У Прозрителева: «При царизме за участие в революционном движении преследовался» (8). Это притом, что, как известно, у отцов-основателей Ставропольского музея политические взгляды не совпадали.

Многообразная общественная жизнь города экстраполировалась на работу музея. Так в 1924 г. заведующий музеем учебных пособий, помимо своих прямых обязанностей, составлял справки по всем отраслям хозяйства, инструктировал специалистов по ошеломляющему спектру вопросов: от канализации до железной дороги. Он помогал конструировать сельхозмашины, делать театральные декорации, консультировал по проблемам борьбы с проституцией и алкоголизмом, составлял список ядовитых для скота трав, преподавал учащимся педагогического техникума (9). Вместе с тем из этого свидетельства становится ясной реальная роль музея в городской жизни Ставрополя 20-х гг. XX в.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 4. Л. 420.
2. Там же. Д.139. Л. 3.
3. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 400. Л. 17, 19.
4. Там же. Л. 28.
5. ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 4. Л. 405.

6. Там же. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 386. Л. 1об, 3.
7. Там же. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 386. Л. 35; Д. 400. Л. 25.
8. Там же. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 386. Л. 26, 26об.
9. Там же. Л. 30.

Историческое краеведение как составная часть историко-культурного наследия Ингушетии: вопросы теории и практики

В связи с тем, что этнопсихология народов Северного Кавказа во многом строится на базисе историко-культурной самоидентификации, вопросы изучения основ формирования и развития этносов из чисто научных вопросов уже давно перешли в плоскость общественно-политических реалий. Историческая наука в целом стала очень действенным инструментом в формировании основ общественного сознания. В этих условиях роль региональной (локальной) истории в организации процессов консолидации всего северокавказского региона становится все более важной и актуальной. При этом резко возрастает значение именно краеведческой составляющей, как наиболее доступного для широких масс элемента т.н. «овеществленной истории», с которой каждый из живущих в крае сталкивается, прежде всего, не на теоретическом, а на бытовом, практическом уровне.

Среди иных направлений (литературное, этнографическое, географическое и т.д.) главным, на наш взгляд, является историческое краеведение, которое во многом изначально определяет мировоззренческие, оценочно-нравственные критерии, формирует устойчивый интерес и потребность в получении объективных знаний об историческом прошлом и настоящем, прививает устойчивый интерес к самостоятельному получению подлинно научных знаний, формирует исследовательские навыки.

По насыщенности и разнообразию исторических памятников Ингушетия по праву может считаться территорией, имеющей особый статус заповедной зоны. Однако до сих пор материальные свидетельства былых эпох, нашедшие свое воплощение в археологических и архитектурных памятниках, музейных коллекциях, архивных материалах, до сих пор не используются на должном уровне. Среди основных причин такого состояния дел можно указать на следующие:

- отсутствие государственной программы развития исторической науки в целом и краеведения в частности,
- отказ от использования нормативно-правовой базы для решения проблем, связанных с сохранностью и использованием памятников археологии, градостроительства и архитектуры,
- бесконтрольность деятельности, связанной с оборотом предметов антиквариата, расхищением древних захоронений, уничтожением в ходе хозяйственной, прежде всего – строительной деятельности, связанной с

- изменением (перемещением) верхних почвенных слоев и выборкой грунта (зона застройки г. Магас),
- безлицензионность работы государственных органов охраны памятников республики,
  - отсутствие должной реакции органов исполнительной власти на проблемы сохранности, изучения и использования объектов и предметов историко-культурного наследия,
  - слабое внимание Министерства культуры Ингушетии к вопросам развития музейной деятельности, прежде всего – к выработке новых подходов по накоплению фондовых материалов и их представлению широкой общественности,
  - отсутствие заинтересованности к системной работе по краеведческой составляющей в урочной и внеурочной работе со школьниками, студентами вузов и СУЗов со стороны Министерства образования Ингушетии,
  - невнимание к вопросам подготовки профессиональных кадров для музейно-архивной, краеведческой деятельности, в том числе – и учреждений т.н. дополнительного образования (школы юных туристов, центры детского творчества, исторические общества),
  - непонимание важности скоординированности деятельности министерств образования и культуры, института повышения квалификации работников образования и преподавателей, самостоятельно занимающихся краеведческой работой,
  - пассивность в деле заинтересованности и привлечения широких масс населения к активной работе в области краеведения,
  - отсутствие программы по паспортизации и картографированию памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, а также частных коллекций древности.

Для исправления сложившегося положения в деле использования краеведческих материалов для работы по консолидации общества на основе совместной деятельности по изучению и представлению исторического наследия Ингушетии как составной части общего социо-культурного пространства Северного Кавказа, прежде всего, необходимо:

- разработать и принять на государственном уровне (Правительство Республики Ингушетия) комплексную программу по изучению, охране и использованию историко-культурного наследия, с выделением разделов (подпрограмм) по следующим основным направлениям:
  - а) паспортизация и картографирование памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры,
  - б) комплексное обследование и изучение памятников археологии в зонах новостроек, особенно – на строительных площадках г. Магас, с установкой охранных зон и привлечением к этим мероприятиям вновь созданных общественных организаций – обществ содействия по изучению, охране и представлению памятников и объектов историко-культурного наследия Ингушетии,

в) подготовка и переподготовка кадров для работы с памятниками и предметами материальной и духовной культуры,

г) пополнение фондов и работа над коллекциями краеведческих музеев республики, в том числе – школьных, муниципальных, частных, с координацией деятельности через госмузей краеведения,

д) образовательное краеведение в курсах преподавания локальной истории (инновационные учебные заведения, СУЗы и вузы), а также во внеурочной деятельности (центры детского творчества), с разработкой специализированных учебно-научных пособий по вопросам преподавания исторического, географического, этнографического блоков,

е) участие широких слоев общественности в деле изучения и пропаганды,

ж) средства массовой информации и их роль в представлении историко-культурного наследия Ингушетии как неотъемлемой составной части общего культурно-правового и информационного пространства РФ. Необходимо также:

- определить правовые и иные механизмы реализации программы, источники ее финансирования,
- разработать и принять скоординированный со всеми организациями и ведомствами, в том числе – муниципальными – годичные и общий перспективный план выполнения программы, с четким разграничением полномочий, форм и методов контроля за его исполнением,
- привлечь к работе по изучению и пропаганде исторических материалов ученых, прежде всего – Ингушского государственного университета, филиалов других вузов, а также Ингушского НИИ гуманитарных исследований,
- организовать широкое и разностороннее исследование объектов археологии, этнографии, архитектуры, с этой целью создать ряд комплексных лабораторий, и прежде всего – академического уровня,
- обобщить и издать тематическими сборниками «Библиотека краеведа» всю доступную информацию по объектам и предметам материальной культуры, прежде всего – материалы фондов Ингушского госмузея краеведения, в том числе – опубликованную ранее в научной и периодической печати,
- написание очерков истории Ингушетии производить на полноценной и современной научно-исследовательской базе, а не на информации уровня 60-х годов XX века (разделы древней и средневековой истории проспекта «Очерки истории Ингушетии»),
- провести общереспубликанскую научно-практическую конференцию на тему «Историческое наследие Ингушетии: задачи, проблемы, механизмы реализации», собрав для этого всех ученых, краеведов и преподавателей школ Ингушетии, с приглашением представителей всех ветвей власти республики,
- поставить перед Парламентом Республики Ингушетия вопрос о немедленной организации парламентских слушаний по проблемам охраны, реставрации, изучения и использования исторических памятников, с четкой правовой оценкой деятельности в этом направлении Министерства культуры

республики и ее специализированных органов по охране памятников и работе с музеями.

Не вызывает сомнения, что именно государство в лице его отдельных подразделений и их руководителей ответственно за определение, реализацию и контроль в области охраны, изучения и представления памятников и объектов культурного наследия, исторической науки в целом.

Однако успешность деятельности в этом направлении возможна лишь при условии консолидированных усилий всего общества, которое на настоящий момент пока не осознало всей важности и перспективности данного направления в деле позитивного формирования основ общерегионального этно-культурного поля.

С.А. Гайдидей
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Заведующая сектором выставочных работ

Выставочная деятельность – ведущее направление в работе музея

«Говоря об истории музея, мы, безусловно, подразумеваем всегда то, что деятельность любой организации «задается» выбранной ею миссией. Ваша миссия – это то, что оправдывает ваше существование. А, значит, и механизм, направляющий все ваши действия...» (1, с.12 (136)).

Миссия нашего музея вполне оправдывает его существование и заслуживает внимания как со стороны стороннего наблюдателя, – нашего посетителя, ученых, исследователей – всех, кого волнует прошлое, настоящее и кто нацелен в будущее, так и нас, людей, непосредственно служащих этой самой миссии – сотрудников музея.

Учитывая все исторические аспекты миссии нашего музея, остановимся подробно на одном – программы, адресованные публике.

«Программы, адресованные публике (ПАП), охватывают всю деятельность музея, направленную на расширение музейной аудитории и привлечение публики к более активному взаимодействию с музеем. Они обогащают опыт посетителя, доставляют ему удовольствие и расширяют его представления, привлекают новых посетителей и вызывают желание вновь сюда вернуться... Две характеристики управления ПАП особенно важны для подготовки успешных музейных программ XXI века – внимание к запросам публики и творческий подход... Музейные программы создаются для людей» (2, с.106).

Необходимо отметить, что одной из самых важных составляющих в музейных программах являются выставки. Обратимся немного к истории, т.к. выставочная деятельность Ставропольского государственного краеведческого музея уже имеет «свою» историю. Целенаправленно, но может быть, где-то и хаотично, музей занимается выставками с 1989 года. Выставочная работа выделяется с этого времени в отдельное направление деятельности музея и становится самой популярной формой работы с посетителем.

«Выставки – главная площадка взаимодействия музея с публикой. Действительно, об успехе или неудаче музея публика чаще всего судит по его выставочной программе. Выставочная политика и процесс подготовки выставок – два важнейших средства управления выставочной программой, которые необходимо использовать администрации музея» (2, с.107).

Выставочная политика сформирована руководством музея и в отношении головного музея, и в отношении тогда еще филиалов, с 1990 года. В

постсоветский период деятельность музейной сети края, как, впрочем, и других отраслей культуры, была мало кому интересна. Постоянные, зачастую бессменные экспозиции привлекали незначительную часть населения. Поэтому начались поиски «новых» (для нас) форм работы с посетителями. Для персонала, для всех, кому небезразлична судьба музея, всегда очень важно понимать **приоритеты выставочной программы** – например, сочетание научности выставок с их привлекательностью для посетителя, предпочтение выставок местного, регионального, национального или международного значения и, наконец, уровень готовности музея к расширению доступа публики к его коллекциям посредством ротации экспонатов и проведения спецвыставок. С начала 90-х годов изменилась в связи с этим структура самих музеев – вводились в строй выставочные залы (от 50-ти до 350 м²). А в концепции дальнейшего развития музейного дела в крае на период до 2000 г. было обозначено, «что вновь созданные фундаментальные экспозиции, рассчитанные на многие годы, скоро устаревают и интерес к ним пошатнется. Особенно это касается музеев в селах и небольших городах... Признано целесообразным создавать при каждом музее выставочный зал, для систематического показа выставок, как из собственных собраний, так и привозных.

Такая система начала действовать в Ставропольском объединенном краеведческом музее. В течение года в каждом из 14 филиалов сменяется до 4-6 выставок, что, с одной стороны, повышает интерес посетителей к музею, а с другой – увеличивает оборот показа музейных предметов. В этой области предстоит объединить усилия и возможности всех музеев края, независимо от их ведомственной принадлежности. С этого момента произошло важнейшее изменение в жизни музеев – появилось стремление к большей открытости, к взаимодействию не только со специалистами, но и с широкой публикой, готовности использовать их знания и опыт.

Так что система выставочной деятельности в музеях края сформирована 14-летним опытом работы в этой области!

Руководством музея постепенно сформирована выставочная политика, которая и определила главные приоритеты, идеологию представления объектов, количество, частоту, размеры и тематику временных экспозиций.

Реализация выставочных программ свидетельствует ныне о результативности и верности выбранного направления. Как результат, выставки – одно из важнейших направлений деятельности, характеризующих роль музея в культурной жизни края.

Если в регионах, ориентированных в значительной степени на приезжего туриста, музеи могут обходиться меньшим числом выставок, то для музеев, ориентированных на местных жителей, выставки являются одной из форм поддержания постоянной связи с посетителями, привлечения их в музей, поддержания интереса социума к музею, отклика на актуальные проблемы, события и явления жизни.

Выставки дают возможность показать широкой публике и ввести в научный оборот фонды, что является одной из важнейших, к тому же специфически музейных форм публикации научной работы коллектива.

Определив основные принципы выставочной политики, которых должны придерживаться сотрудники музея, необходимо решать сложнейшие задачи и проблемы согласования компетентности музея в своей области и его открытости при планировании и проектировании выставок. Ведь выставка «... есть среда общения, а для музея она еще и главное средство общения с публикой. Чтобы сделать это общение плодотворнее, приходится не только мобилизовать все ресурсы самого музея, но и все чаще привлекать дополнительные ресурсы извне. Процесс подготовки выставок объединяет все сложившиеся в музее на данный момент способы координации ресурсов, для того, чтобы обеспечить **своевременное открытие выставок**, выполнение их бюджета и достойный уровень качества» (З,с.41-46).

Как это удастся сделать нашему музею, видно из приведенного ниже анализа выставочной работы музея.

Сначала рассмотрим динамику посещаемости Ставропольского государственного краеведческого музея за период 1990-2003 гг. как результат деятельности музея за этот период, включая выставочную.

Мы можем в какой-то степени проследить эффективность выставочной деятельности музея в указанный период и динамику роста посещаемости выставок, время ее неустойчивого состояния (падения). К тому же провести сравнительный анализ посещаемости выставок и музея в целом (экспозиций), а затем составить полную картину посещаемости по годам (выставки + музей + экспозиция).

Анализ статистических данных позволяет считать, что выставки для музея являются основой успешной деятельности.

Планирование выставок является одним из главных факторов успеха в работе музея. Четко составленный план выставок, с учетом потребностей музея, посетителей, выставок социального заказа дает возможность ежегодно удерживать выставочную деятельность на лидирующих позициях по сравнению с другими видами работы музея.

Грамотный фандрейзинг также является секретом успешной работы выставки. Система фандрейзинга, требующая постоянной доработки, для каждого проекта своя.

Выставка служит основным источником привлечения внебюджетных средств и основной доходной частью в сфере обслуживания посетителей музея.

Сопутствующие услуги на выставке (фото-, видеосъемка, реализация печатной и сувенирной продукции) – это дополнительный фактор успешной работы проекта.

Разнообразие, разноплановость выставок приводит к активации процесса привлечения посетителя.

Пользуются популярностью выставки созерцательного типа, характерного, в основном, для художественных галерей. Такие выставки рассчитаны на эстетическое восприятие, а если экспозиция «живая» (как, например, «Чудеса аквариума»), не характерная для краеведческого музея, то успех, даже при недостаточно отработанной PR-компаниии, обеспечен.

Посетитель, потребитель нашего музейного продукта, также является залогом успешной работы выставки. Формы работы с посетителями настолько разнообразны, насколько индивидуальны (начиная с приветствия и далее – встречи, экскурсионного обслуживания, и заканчивая прощанием, надеждой на следующую встречу). И, ссылаясь на опыт работы, можно отметить, что посетитель и является главным средством рекламы выставки. Если выставка понравилась посетителям первой недели ее работы, то успех ее будущей деятельности обеспечен.

«Музейный специалист по оценке (или внешний эксперт, приглашенный по договору) оценивает теперь «общее впечатление» посетителя выставки. Наиболее эффективно его можно оценить, вернувшись к первоначальному плану-проспекту и посмотрев, действительно ли выставка «сообщает» посетителю то, что планировалось. Результаты оценки представляются директору и выставочному отделу, который на основе совокупного опыта многих проектных групп разрабатывает общие рекомендации по организации выставок – важный документ, призванный высвободить творческий потенциал проектных команд будущих выставок» (З,с.46).

Итак, выставка для музея – это главный маркетинговый инструмент. Благодаря выставкам все отделы могут «отойти» от своей стационарной экспозиции и показать что-то новое, необычное путем создания временной экспозиции.

Фонды, являясь самым стабильным отделом в музее, имеют возможность показать свои раритеты, коллекции, последние поступления посредством создания выставки на ту или другую тему; происходит движение фондового материала, активизируется открытость музея для посетителя. Выставки дают возможность вести научно-просветительскую работу, комплектовать коллекции согласно тем потребностям, которые сложились к этому времени в музее. Библиотека музея с помощью выставки показывает разнообразие собранного за все годы работы печатного материала. В процессе подготовки и работы выставки в музее ведется научно-исследовательская деятельность. С помощью периодических изданий, научных публикаций, различных информационных технологий возникает интерес не только к выставочному проекту, но и к музею в целом.

Выставка предполагает не только разнообразие форм работы с посетителем, но и привлечение организаций (научных учреждений) к проведению конференций, семинаров, круглых столов и т.п.

Выставка позволяет определить приоритеты развития, разработать программные мероприятия музейной деятельности края. При постоянной смене выставок ведется разнообразная экскурсионно-методическая работа, разрабатываются темы экскурсий, лекций, учебных программ, ведется профессиональная учеба молодых специалистов.

Информационно-техническое обеспечение выставок (использование плазменного экрана, компьютерной техники, звукоусиления, светотехники и т.п.) позволяет привлечь более широкий круг посетителей.

В процессе работы выставок осуществляется творческое, методическое и практическое содружество музея и общеобразовательных учреждений города и края.

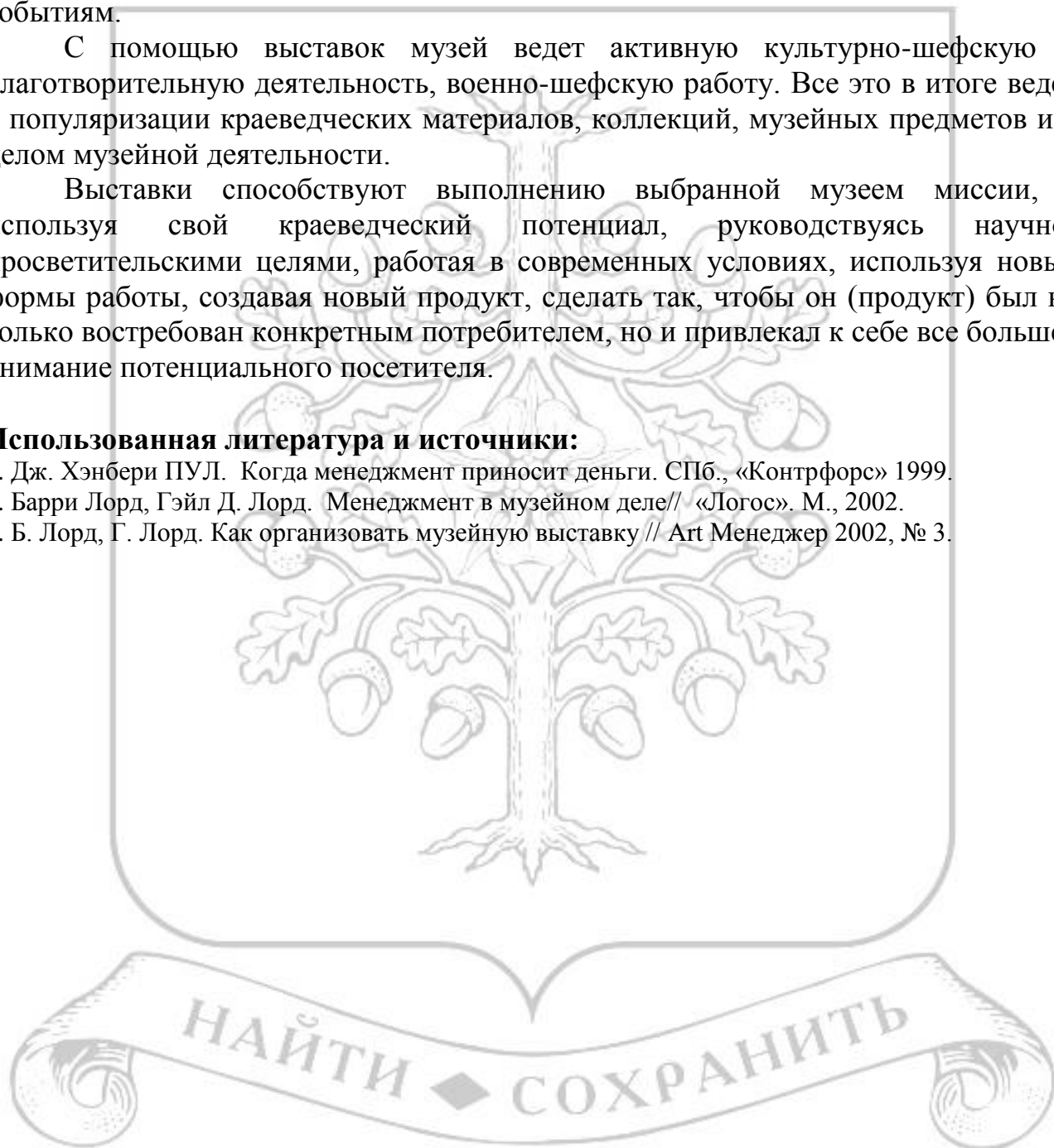
Выставки, особенно социального заказа, предполагают организацию, проведение и участие в культурных, общественно-политических и музейно-краеведческих акциях и мероприятиях к знаменательным датам и памятным событиям.

С помощью выставок музей ведет активную культурно-шефскую и благотворительную деятельность, военно-шефскую работу. Все это в итоге ведет к популяризации краеведческих материалов, коллекций, музейных предметов и в целом музейной деятельности.

Выставки способствуют выполнению выбранной музеем миссии, - используя свой краеведческий потенциал, руководствуясь научно-просветительскими целями, работая в современных условиях, используя новые формы работы, создавая новый продукт, сделать так, чтобы он (продукт) был не только востребован конкретным потребителем, но и привлекал к себе все большее внимание потенциального посетителя.

Использованная литература и источники:

1. Дж. Хэнбери ПУЛ. Когда менеджмент приносит деньги. СПб., «Контрфорс» 1999.
2. Барри Лорд, Гэйл Д. Лорд. Менеджмент в музейном деле// «Логос». М., 2002.
3. Б. Лорд, Г. Лорд. Как организовать музейную выставку // Art Менеджер 2002, № 3.

В.Н. Галаева
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Заведующая отделом АПМЗ
«Татарское городище»»

Коллекция археологических предметов Татарского городища в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

С 1992 года одним из структурных подразделений Ставропольского государственного краеведческого музея является «Археологический и природный музей – заповедник «Татарское городище»». Коллекция археологических предметов, полученных с территории Татарского городища, формировалась в течение 12 лет и составляет 874 ед. хр. о. ф.

Формирование коллекции происходило благодаря проводимым на территории памятника археологическим исследованиям Ставропольского государственного краеведческого музея. С 1992 по 2001 год исследования проводились на Первом Татарском городище. Летом 1992 года проходила первая Татарская археологическая экспедиция под руководством кандидата исторических наук, заведующего музеем-заповедником В.Н. Каминского. После трагической гибели Владимира Николаевича экспедицию возглавил В.Ю. Малашев. С 1996 по 2001 год археологические исследования на городище проводились совместной экспедицией Ставропольского государственного университета и краеведческого музея. В этот период руководил экспедицией доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и региональной истории, декан исторического факультета СГУ А.А. Кудрявцев. В 2002-2004 гг. Ставропольский краеведческий музей проводил экспедиции спасательного и разведывательного характера на Втором и Третьем городищах под руководством В.Н. Галаевой.

Большинство предметов, полученных из раскопок археологического комплекса «Татарское городище», представляют собой погребальный инвентарь кобанской культуры, скифо-сарматского времени, а также фрагменты керамических сосудов VIII в. до н. э. – XI в. н. э.

Наибольшую научную и экспозиционную ценность представляют предметы погребального инвентаря. Инвентарь погребения 12 Могильника № 2 – это предметы вооружения и конской упряжи: бронзовые двухлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой (№ о. ф. 32110/1,2,4 – 10), наконечники стрел костяные четырехгранные (32110 /11 – 13), железный втульчатый лавролистный наконечник копья (32110/14), топор железный с трапециевидным лезвием и четырехгранным обухом (32110/23); бронзовые двукольчатые удила с рельефным орнаментом на стержнях в виде двух рядов усеченных пирамид (удила имеют

дополнительные звенья – 32110/25), бронзовые псалии трехпетельчатые с грибовидными навершиями – с одной стороны и лопастью – с другой (32110/19, 20), бронзовые бляшки для скрепления ремней конской упряжи (32110/16 – 18).

Украшения женского головного убора из погребения 10 Могильника № 2 в ближайшее время пополнят коллекцию Татарского городища. Бронзовые украшения представлены круглой бляшкой-подвеской выпукло-вогнутой формы с двумя петельками на обороте и с орнаментом в виде четырехлучевого солярного знака на внешней стороне; подвеской в виде скульптурного изображения «ушастой» птички; двумя булавами с витым стержнем и спиральным навершием.

Предметы из погребений 10 и 12 относятся к кобанской культуре VIII - VII вв. до н. э. Эти находки позволили установить нижнюю границу функционирования Татарского городища и его могильников.

Предметы погребального ритуала скифо-сарматского времени получены из раскопок Склепа – кургана № 1 и погребений 1 и 2 Могильника № 2. Предметы конского убора: бронзовые фигурные пластины – налобники, вырезанные из тонкого листа металла, имеют сложную форму, верхняя часть налобников – круглая, с концентрическим циркульным орнаментом, нижняя часть пластин расширяется в виде лезвия секирообразного топора (29450/1, 29641/7); бронзовые пластины фигурные – нащечники, вырезаны из тонкого листа металла, украшены орнаментом в виде концентрических кругов (29450/2, 29641/8); железные удила с крестовидными фиксаторами у внешних колец (29641/19) и аналогичные железные удила с декоративными бронзовыми подвесками в виде парных трубочек, украшенных орнаментом – насечками (29641/20). Эти предметы характеризуют погребальный обряд склеповых могильников V – III в.в. до н. э. Татарского городища.

Самые массовые находки с территории городища – это фрагменты керамических сосудов. Некоторые сосуды найдены в развале или имеют небольшие утраты: лепная чашечка из раскопа № 1 1992 г. (29343/123), сосуд сероглиняный с округлым туловом и слегка отогнутым венчиком из раскопа № 2 1992 г. (29343/213); два сосуда красноглиняных яйцевидной формы из раскопа № 1 1993 г. (29343/26, 27), верхняя часть одного из сосудов имеет два сосцевидных налета (29343/26); кувшинчики красноглиняные из раскопа № 1 1992 г. (29202/252, 254). Перечисленные сосуды находились в слоях сарматского времени.

Большая часть сосудов фрагментирована. По цвету поверхности черепка и характеристике излома мы поделили керамику на четыре типа: темно – серую или серую, плотную, серую, плотную, имеющую примеси, серую из грубого рыхлого теста, амфорную керамику.

Керамика перечисленных типов встречается во всех стратиграфических слоях городища, что свидетельствует об определенных традициях в технологии производства керамики на городище.

Особого внимания заслуживает импортная амфорная керамика. Фрагменты амфор III – II вв. до н. э. встречены только в погребальных комплексах. Это фрагмент ручки амфоры с клеймом в виде цветка граната, найден в гробнице 1

Могильника № 1 (29343/212), фрагменты горловин амфор с ручками (на ручках прямоугольные клейма), которые позволяют датировать амфоры и установить их происхождение с острова Родос (29450/3, 4). Амфорная керамика с территории собственно городища – это фрагменты сосудов VIII – XI в.в. н. э. Цвет поверхности черепков данного типа колеблется от светло-розового до красного, встречается светло-желтый, светло-серый. Тесто в изломе во всех фрагментах очень плотное, без примесей или с очень малым их количеством. Сосуды по большей части не орнаментированы или на них имеется характерный линейный орнамент из нескольких очень тонких параллельных желобков.

При продолжении исследований на Татарском городище коллекция археологических предметов, полученных с его территории, будет пополняться, что позволит в дальнейшем использовать этот научный и экспозиционный материал.

Н.А. Гальфингер
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Главный хранитель

Коллекция «Отряд Курообразные» в Ставропольском государственном краеведческом музее им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Коллекция «Отряд Курообразные» – очень малая часть зоологического собрания музея. Но в ней отражены история музея, искусство таксидермии, география сборов и экспедиций, вопросы зоологии, биологии, селекции, экологии, зоогеографии, охраны природы, истории, краеведения.

В первые же годы существования музея Г.К. Праве закупил в Москве работы известного российского художника-таксидермиста Федора Карловича Лоренца, в том числе 15 чучел птиц отряда Курообразные. Птицы были добыты в 1900-1904 годах, кроме кавказской горной индейки (улара), чей век окончился в январе 1897 года. Это самое старое чучело коллекции.

Все работы Ф.К. Лоренца выполнены на круглых деревянных подставках черного цвета с тремя ножками и антурированы кустиками сухой травы, камешками, листьями. Антураж придает работам естественный вид. Облик чучел удивительно натуралистичен. Они словно живые: кормятся, настороженно оглядываются, отдыхают. Изготовленные необычайно качественно, чучела работы Ф.К. Лоренца находятся в отличной форме даже спустя 100 лет.

В самых ранних инвентарных книгах музея отмечены также закупки чучел у ставропольского орнитолога, охотника, путешественника, ветеринарного фельдшера, препаратора Ставропольского городского музея Александра Ивановича Рублева и экспонаты, принятые в дар от известного кавказоведа, натуралиста и педагога Николая Яковлевича Динника. Это чучела тетеревиных птиц: белых куропаток, рябчиков, глухарей, привезенных из экспедиции на русский Север.

В музее Г.К. Праве была своеобразная кунсткамера: коллекция спиртовых препаратов эмбрионов и новорожденных животных и человека с различными тератомами (уродствами). В 1908 г. в нее попал птенец перепела с двумя головами. Изготавливались такие препараты в мастерской при музее.

Елисей Романович Хадарин обучался чучельному мастерству, по-видимому, у А.И. Рублева. Вся его жизнь была связана с музеем. В 1915 г. из путешествия в Закаспийскую область и Афганистан он привез среди многих работ пару чучел пустынных куропаток.

В 1950-х годах музей сотрудничал с двумя таксидермистами. У Игоря Кузьмича Щербакова из Ставрополя было закуплено чучело павлина. А Никита Степанович Ардабский из г. Георгиевска по заказу музея изготовил чучела кур

породы русские белые с выводком и пару индеек породы ставропольская бронзовая с индюшатами из Георгиевского госплемрассадника бронзовых индеек. Препаровка шкурок птенцов требует чрезвычайной аккуратности, но «пуховичков» Н.С. Ардабский мастерски сотворил веселыми и беззаботными.

В 1970-х годах зоологическая коллекция пополняется биогруппами, изготовленными корифеем отечественной таксидермии, таксидермистом Зоологического музея АН СССР Михаилом Абрамовичем Заславским, в том числе «Улары» (добыл К.Р. Айунц) и «Серые куропатки». В биогруппах с помощью естественных и искусственных материалов воссозданы ландшафты, типичные для местообитаний птиц.

Последние поступления в коллекцию были в 1980-х годах: в 1982 г. – чучела кекликов, изготовленные учеником М.А. Заславского ленинградцем Станиславом Владимировичем Лейкиным (добыл П.В. Вертюков), в 1983 г. – чучела кавказских тетеревов работы сотрудника Тебердинского заповедника Петра Петровича Подсвинова (добыл О.А. Витович), в 1984 г. – чучело северокавказского фазана работы старшего преподавателя кафедры зоологии Ставропольского пединститута Александра Петровича Бичерева, в 1988 г. – яйца перепела и фазана, собранные и препарированные директором Кисловодской станции юннатов Виктором Андреевичем Тельповым.

Ныне в коллекции «Отряд Курообразные» – 143 чучела, 16 яиц, 1 спиртовой препарат. Они относятся к 22 видам и подвидам (11 из них – представители российской авиафауны), 19 родам, 2 семействам отряда Курообразные. В коллекции также 1 межвидовой гибрид, 7 пород домашней птицы. Представлены все 4 вида курообразных Ставрополя.

Видовой состав коллекции:

1. Белая куропатка - *Lagopus lagopus*. 11 чучел. Оба пола. Архангельская, Костромская губ.
2. Тетерев - *Lyrurus tetrix*. 5 чучел. Оба пола. Архангельская, Оренбургская губ.
3. Тетерев кавказский - *Lyrurus mlkosiewiczii*. 5 чучел. Оба пола. Терская обл., Карачаево-Черкесия.
4. Глухарь - *Tetrao urogallus*. 9 чучел. Оба пола. Архангельская, Костромская, Нижегородская губ.
5. Межнук - *Tetrao medius*. 1 чучело.
6. Рябчик - *Tetrastes bonasia*. 4 чучела. Оба пола. Большеземельская тундра.
7. Перепел - *Coturnix coturnix*. 5 чучел, 12 яиц, 1 спиртовой препарат. Оба пола, птенец с уродливым развитием. Ставрополь.
8. Пустынная куропатка - *Ammoperdix griseogularis*. 2 чучела. Оба пола. Афганистан, Закаспийская обл.
9. Серая куропатка - *Perdix perdix*. 5 чучел, биограмма из 5 чучел. Оба пола. Ставрополь, гора Стрижамент.
10. Кеклик - *Alectoris kakelik*. 3 чучела. Оба пола. Карачаево-Черкесия; Домбай.
11. Турач - *Francolinus francolinus*. 5 чучел. Оба пола. Закавказье, Елизаветинская губ.

12. Кавказский улар - *Tetraogallus caucasicus*. 3 чучела, биогруппа из 2 чучел, 2 яйца. Есть самец, пол других особей не известен. Терская обл.; Карачаево-Черкесия, Теберда.
13. Фазан – *Phasianus colchicus*. Подвиды:
- фазан северокавказской – *P. s. septentrionalis*. 4 чучела, 1 яйцо. Оба пола. Ставропольский край.
  - фазан туркестанский – *P. s. turcestanicus*. 1 чучело. Самец. Сыр-Дарьинская обл.
  - фазан маньчжурский – *P. S. pallasi*. 1 чучело. Самец.
14. Трагопан черноголовый – *Tragorhan melanoscephalus*. 1 чучело. Самец. Гималаи, близ Кашмира.
15. Золотой фазан – *Chrysolophus pictus*. 1 чучело. Самец.
16. Королевский фазан – *Syrmaticus reevesii*. 1 чучело. Самец.
17. Гималайский монал – *Lophophorus impejanus*. 1 чучело. Самец. Индия, близ Кашмира.
18. Павлин индийский – *Pavo cristatus*. 3 чучела, 2 яйца. Оба пола.
19. Цесарка обыкновенная – *Numida meleagris*. 3 чучела.
20. Индюк – *Meleagris gallopavo*. 21 чучело домашних индеек. Взрослые обоих полов и цыплята.
21. Банкивский петух – *Gallus gallus*. 1 чучело самца. Индия. 40 чучел домашних кур 6 пород и беспородных. Взрослые обоих полов и цыплята.

В письме к дочери из Мариенбада, где Г.К. Пправе лечился на водах, после закупки большого количества биологических экспонатов для музея он писал: «Зоологическую лестницу пополнили сильно». Но Г.К. Пправе стремился не просто сформировать систематически полную зоологическую коллекцию, а представить каждую эволюционную ступеньку максимально разнообразно в видовом, экологическом, генетическом плане. В коллекции курообразных это видно на ряде примеров. Белые куропатки собраны во всем многообразии их сезонных окрасок. У глухарей и кавказских тетеревов прослеживаются возрастные изменения в окраске и характере оперения самцов. На примере пород кур можно наблюдать результаты искусственного отбора, многочисленные примеры изменчивости (форма гребня, окраска, оперение головы и ног, пятипалость, размеры тела) у породистых и беспородных кур и петухов по сравнению с их диким предком. Из редких генетических отклонений, помимо уже упомянутого птенца перепелки с двумя головами, имеются 2 чучела тетерево-альбиносов, кавказский улар с ненормально длинным (51 мм вместо 30 мм) клювом, межняк – естественный межродовой гибрид тетерева-косача и глухарки.

М.А. Заславский отмечал, что одной из задач таксидермии является запечатление облика животных редких и исчезающих. В коллекции «Отряд Курообразные» 5 видов, занесенных в Красные книги. Бесценны чучела глобально редких видов: черноголового трагопана, королевского фазана, гималайского монала, а также видов Красной книги России и соседних с ней государств: кавказского тетерева и турача.

Научное значение коллекции «Отряд Курообразные» невелико по причине ее небольшого объема и скудности полевых данных. Поэтому главным

образом она служит учебным, просветительским целям. К сожалению, из-за хронической нехватки экспозиционных площадей более половины коллекции находится в фондохранилище. Но самые примечательные работы таксидермистов выставлены в витринах на обозрение десятков тысяч музейных посетителей.

Использованная литература и источники:

1. Заславский М.А. Скульптурная таксидермия. Новый метод изготовления чучел животных. – Л.: «Наука», 1964.
2. СГКМ, ф.1, ед.хр.6, л.3.

Б.Л. Годзевич
Ставропольский государственный университет.
Доцент, кандидат геолого-минералогических наук

Номо erectus в Пятигорье

В 2001-2004 гг. Институтом истории материальной культуры РАН при участии СГУ, ГУП «Наследие» и краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе на Ставрополье проводились поиски следов обитания первобытного человека *Homo erectus*. Экспедицию организовал и возглавил проф. В.П. Любин, поручивший мне проведение геолого-геоморфологических и палеогеографических исследований, направленных на выявление мест, благоприятных для поселений древних людей.

Территория края до последнего времени на карте палеолита оставалась белым пятном, ближайшая к ней стоянка этой эпохи Треугольная пещера была известна в Урупском районе КЧР. Предварительный анализ позволил выделить ряд перспективных участков в регионе КМВ, на Ставропольской возвышенности и в долине р. Кубани. Однако их рекогносцировочное обследование, сопровождавшееся изучением пещер и поиском кремниевых орудий труда, не дало положительных результатов. В конечном счете было решено сконцентрировать поиски в районе Пятигорья, исходя из того, что местные палеовулканы с их богатой фауной, флорой, горячими и холодными источниками, прочным каменным сырьем должны были привлекать древних людей.

Эти ожидания оправдались, и в конце полевого сезона 2001 года в отвалах карьера в нижней части горы Кинжал были найдены первые каменные орудия труда ашельского облика (3). Дальнейшие поиски позволили выделить участок размером около 100 x 300 м на западном склоне горы Кинжал, где среди каменной россыпи были обнаружены 16 выразительных изделий эпохи палеолита. Их единичные экземпляры также найдены на склонах гор Бык и Верблюд.

Практически все изделия изготовлены из прочного, обожженного на контакте с магмой глинистого сланца-роговика. Они представлены нуклеусами, отщепами и десятью орудиями – чоппингами, чоппером, рубилом, скребком, пиковидными и режущими изделиями (4).

В 2003 году, в 100 м от каменной россыпи с ашельскими изделиями был обнаружен, а в 2004 году раскопан фрагмент четвертой надпойменной террасы реки Суркуль с культурным слоем палеолита. Эта терраса расположена на юго-западном склоне г. Кинжал, имеет высоту над руслом 50-55 м и соответствует уровню среднеплейстоценовой Джамагатской террасы реки Подкумок.

Она имеет четкий уступ высотой 18 м и ровную площадку шириной 25-30 и длиной 70 м, примыкающую к нарушенному карьером склону. В цоколе террасы высотой 12 м вскрыты палеогеновые морские глины, переходящие сверху в белесую каолинизированную кору выветривания. На ней залегает пласт

мощностью около 2,5 м, состоящий из глыб и щебня роговиков реже бештаунитов (субвулканических пород, слагающих интрузивное ядро горы) с суглинковым заполнителем. В пятиметровой расчистке этого пласта выше коры выветривания *in situ* найдены порядка 70 ашельских изделий из роговика того же облика, что и в нижележащей россыпи, которые в настоящее время изучаются в ИИМК РАН. Этот пласт до самого верха террасы перекрыт наносом эолово-делювиальных суглинков с обломками бештаунитов без следов искусственной обработки мощностью 3,5 м.

В западной части террасы цоколь перекрыт хорошо окатанными речными галечниками. Это свидетельствует о том, что поверхность, на которой найдены ашельские изделия, в плейстоцене представляла собой прибрежную часть палеодолины крупной реки.

Таким образом, указанные находки позволяют говорить об открытии первого на территории края ашельского местонахождения, предположительно среднеплейстоценового возраста, характерного для первобытного человека *Homo erectus*. Для выявления условий среды его обитания на территории Пятигорья был проведен комплекс палеогеографических исследований, включавший в себя изучение плейстоценовых террас, травертинов, генетически разнородных форм рельефа и анализ палеонтологических и палеофитологических данных. Результаты проведенного палеогеографического анализа в основных чертах освещены в ранее опубликованной статье (1) и сводятся к следующему.

Ашельские люди заселили район Пятигорья в одну из ранних эпох плейстоценовых межледниковий (скорее всего, в миндель-рисскую, начавшуюся около 380 тысяч лет назад), о чем свидетельствует наличие каолинизированной коры выветривания в основании слоя с ашельскими изделиями. Однако в дальнейшем они столкнулись с экстремальными изменениями природных условий, связанными с двумя рисскими оледенениями (включая максимальное) и межледниковьем в среднем плейстоцене (2).

В эпохи оледенений, судя по положению в рельефе реликтовых гольцовых зон, каров и морен, уровень снеговой линии и долинных ледников на Северном Кавказе понижался до абсолютных отметок 1 км. В разрезах террас и травертинов эта эпоха отразилась развитием механических кор выветривания, а на склонах – образованием каменных осыпей-курумов.

В межледниковья таяние ледников и снегов сопровождалось грандиозными разливами рек, оставившими после себя в предгорьях обширные аллювиальные террасы, из которых наиболее крупной является Джамагатская. На оголенных пространствах, возникших после отступления ледников в периоды аридизации климата, активизировалась ветровая эрозия с пыльными бурями, следами которых служат лессово-суглинковые покровы, повсеместно перекрывающие речные галечники.

Если учесть, что в плейстоцене Кавказ к тому же находился в состоянии высокой сейсмотектонической и вулканической активности, становится очевидным, что обитавшим здесь людям пришлось преодолевать суровые испытания. В этих условиях район Пятигорья с его островными горами, богатыми лесами, охотничьими угодьями, а главное – горячими минеральными

источниками, мог быть островом относительного благополучия, в котором переживали трудные времена наши далекие предки.

Исходя из опыта проведенных работ, для поиска новых следов обитания *Homo erectus* наиболее благоприятны эрозионные (лишенные аллювия) участки ранне-среднеплейстоценовых террас, примыкающие к магматическим горам, а также слои травертинов этого возраста.

Использованная литература и источники:

1. Годзевич Б.Л. Условия среды обитания *Homo erectus* в Пятигорье //Вестник СГУ. Вып. 37, 2004.
2. Короновский Н.В., Якушова А.Ф. Основы геологии. – М.: Высшая школа, 1991.
3. Любин В.П., Беяева Е.В. Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Ессентуки-Кисловодск, 2002.
4. Любин В.П., Беяева Е.В., Годзевич Б.Л. Первое ашельское местонахождение в Пятигорье // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию Е.И. Крупнова. М., 15-19 марта 2004 г. Тезисы докладов – М.: ИА РАН, 2004.

Б.Л. Годзевич

Ставропольский государственный университет.
Доцент, кандидат геолого-минералогических наук.

В.А. Шальнев

Ставропольский государственный университет.
Профессор, кандидат географических наук

Виргиния Владимировна Савельева

14 ноября 2004 года ушла из жизни Виргиния Владимировна Савельева, один из наиболее известных и заслуженных ученых-преподавателей Ставропольского госуниверситета, внесший значительный вклад в изучение и сохранение природы Ставрополья.

Виргиния Владимировна родилась 23 июня 1929 года в семье юриста и учительницы. Ее детство прошло в городах Холм, Осташков, Великие Луки в общении с первозданной русской природой. В 1948 году она с отличием окончила школу и поступила на географический факультет Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. В 1953 году, после получения диплома с отличием, она начала свою трудовую деятельность, став учителем сельской школы.

Переехав в середине 50-х годов в Ставрополь, В.В. Савельева организовала и возглавила краевую детскую экскурсионно-туристическую станцию, положив начало развитию детского туризма в крае.

В 1961 году Виргиния Владимировна – аспирант кафедры физической географии Ставропольского государственного педагогического института (ныне Госуниверситета), и до конца своих дней успешно занималась педагогической и научной деятельностью.

Объектом первых научных исследований В.В. Савельевой стала территория Большого Кавказа, где она выполнила обширный комплекс физико-географических и медико-географических исследований. В 1968 году в Ленинградском университете она блестяще защитила кандидатскую диссертацию по теме «Особенности природных условий горного района Архыза и их медико-географические свойства». Ее первые же научные работы были высоко оценены ведущими учеными-географами страны и опубликованы в центральных изданиях.

Став кандидатом географических наук, В.В. Савельева быстро вошла в число ведущих преподавателей кафедры. Начав с должности старшего преподавателя, она в разные годы выполняла работу доцента, профессора и заведующего кафедрой. Становление ее как педагога и ученого происходило в плодотворном сотрудничестве с известными советскими географами В.С. Преображенским, Ю.А. Ведениным и ведущими ставропольскими природоведами В.Г. Гниловским, И.Н. Сафроновым, В.В. Скрипчинским и другими.

В процессе многолетних исследований Кавказа и Предкавказья В.В. Савельева внесла значительный вклад в изучение и оценку их рекреационных ресурсов, ландшафтов, объектов природного и историко-культурного наследия, особо охраняемых территорий, памятников природы, истории и культуры. В своих научных работах она также освещала вопросы общей физической географии, фенологии, геоботаники, климатологии, почвоведения, лимнологии, гляциологии, геоэкологии, природопользования, истории науки и топонимики. Особое место в ее творчестве занял цикл статей о выдающихся исследователях-прирооведах Ставрополья.

В.В. Савельева выступала с докладами на научных и научно-практических конференциях по проблемам географии, экологии и природопользования, входила в оргкомитет XXIII Международного географического конгресса, принимала участие в составлении программы сотрудничества стран – членов СЭВ в области охраны и улучшения окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Она автор и соавтор около 200 научных и научно-популярных работ, опубликованных в монографиях, сборниках и периодических изданиях. Наибольшую известность получили созданные ею в соавторстве с другими учеными монографии «Природное и природно-культурное наследие Ставрополья», «Археологический и природный музей-заповедник Татарское городище как природное наследие», а также путеводители «Кавказские Минеральные Воды», «Архыз», «Теберда, Домбай, Архыз», «Встречи с прошлым и настоящим». В.В. Савельева много сделала для подготовки к изданию «Энциклопедического словаря Ставропольского края», как член редакционной коллегии, ответственный за раздел «Экология и природопользование», и автор около 140 статей.

Обладая уникальными географическими и экологическими знаниями, В.В. Савельева вела многогранную педагогическую и общественно-просветительскую работу. Ее перу принадлежат 25 учебных пособий и учебников, практикумов, методических указаний и учебных программ для преподавателей, студентов и учащихся средних школ. В их число входят учебники (написанные в соавторстве) «Введение в географию», «География Ставропольского края» и вышедшая в трех изданиях под ее редакцией «Физическая география Ставропольского края». Вершиной научно-педагогического творчества В.В. Савельевой стало уникальное учебное пособие для школьников и студентов «Природа города Ставрополя», вышедшее в 2002 году.

Виргиния Владимировна многие годы читала в Ставропольском госуниверситете курсы «Физическая география России», «Физическая география Ставропольского края», «Экологическое образование и воспитание», которые обеспечила оригинальными учебными комплексами. К ее последним инновационным разработкам относятся курсы по дисциплинам специализации географов: «Рекреационные ресурсы мира, России и Ставропольского края», «Природное и историко-культурное наследие мира, России и Ставропольского края», «Туризм и охрана природы», «Теоретические вопросы рекреационной

географии», «Экскурсионное дело». По этой тематике в 2003 году издательство СГУ выпустило в свет ее пособие «Рекреационные ресурсы Ставропольского края».

В.В. Савельева вела большую учебную и воспитательную работу со студентами и аспирантами. Под ее научным руководством защищены две кандидатские диссертации, ежегодно разрабатывались многочисленные дипломные работы, отличающиеся оригинальностью и глубиной проработки материала. Ее научно-педагогическую школу прошли несколько поколений студентов, ставших учителями географии, которые успешно трудятся в большинстве школ края и за его пределами.

Более сорока лет Виргиния Владимировна активно сотрудничала со Ставропольским государственным краеведческим музеем. Многие годы она была бессменным членом Ученого Совета музея. Особенно велик ее вклад в изучение природного комплекса, разработку концепции, путеводителя и монографического описания территории Археологического и природного музея-заповедника «Татарское городище».

Виргиния Владимировна была неутомимой общественницей. Многие годы она руководила Ставропольским краевым отделением Всесоюзного географического общества, координационным советом СГПИ по экологическому образованию и воспитанию, была ученым секретарем Большого Совета СГПИ, членом Правления Ставропольского краевого отделения ВООПИК, экспертом Краевого комитета по охране окружающей среды, лектором общества «Знание», она регулярно выступала в прессе и перед трудовыми коллективами по вопросам краеведения, экологии и охраны природы. Всестороннее знание предмета и ее образная эмоциональная речь неизменно производили глубокое впечатление на слушателей.

Многолетний безотказный труд В.В. Савельевой отмечен значками «Отличник просвещения СССР», «Отличник народного образования», «Почетный член ВООПИК». Ей присвоено звание «Ветеран труда», а в 1985 году она была награждена Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР «За многолетнюю плодотворную работу в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и пропаганду экологических знаний».

Виргиния Владимировна оставила после себя большую плеяду талантливых учеников и огромное научное наследие, которое будет обогащать идеями и знаниями многие поколения ставропольских географов и краеведов.

Г.А. Гончарова
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Ведущий методист

Становление керамического производства Ставропольской губернии в конце XIX–XX вв.

После закрепления российских границ русские крестьяне начинают экономическое освоение Ставропольской губернии. С ростом потребности в хозяйственной утвари появляется и гончарное производство. Привозить сырье для производства из центральной России было невыгодно, поэтому горшечное дело стало развиваться на местных глинах. Материал не обладал высокой пластичностью и термостойкостью, из него нельзя было производить фарфор и даже фаянс.

На Ставрополье не сложился свой яркий центр народной керамики с индивидуальными художественно-техническими чертами, как на Украине (местечко Опошня), Московской области в селе Гжель, Рязани (город Скопин).

Основная масса крестьянского населения Ставропольской губернии была занята в производстве торгового хлеба и в животноводстве. Изготовление изделий из глины практиковалось во многих селах, где были сырье и спрос на глиняную посуду. В основном ставропольские мастера специализировались на выпуске кирпича, черепицы и керамической посуды бытового назначения.

В 1867 году в Ставропольской губернии действовали три гончарных завода и семь горшечных, с общим количеством занятых на производстве – 33 рабочих. В губернском центре г. Ставрополе заводы принадлежали мещанину Тельнову и отставному казаку Елугину.

Гончарный завод мещанина Тельнова был устроен в 1846 году. Оборудование состояло из 4 машин, 2 печей, 1 котла. Завод размещался в деревянном здании, работой были заняты 3 мастера, 7 рабочих (из них две женщины). Мастера получали 140 рублей в год, мужчины-рабочие – 80 рублей, женщины – 50 рублей. Все работники жили на хозяйских харчах. Сырье для производства добывали на месте (в овраге). В год завод выпускал 3 тыс. изделий на сумму 1800 рублей. Сбывалась продукция на ярмарках г. Ставрополя.

Гончарный завод отставного казака Елугина был устроен в 1820 году, располагался в деревянном строении с оборудованием в 5 станков, 2 печи, 1 котел. Мастеров было 4 человека, рабочих – 7 человек, из которых 5 мужчин и 2 женщины. В год изготавливалось 3200 изделий на сумму 1660 рублей. Продавались изделия в близлежащих селах: Михайловском, Надежде, Петровском и др. В уездах заводы были менее производительны и принадлежали в основном государственным крестьянам. Изготовлением горшков занимались сами хозяева и члены их семей, используя при этом один станок и одну печь под

обжиг готовых изделий, причем зачастую и печь, и станок устраивались под открытым небом. Горшечное дело считалось выгодным по способу продажи, который заключался в обмене на зерно. Из-за бедной пластичности местных глин формы сосудов были далеки от разнообразия. В основном это были горшки разных размеров (кринки, махотки, макитры), кувшины, бочонки, миски, тарелки. Посуда имела мелкозернистый черепок красного, серого, темно-красного цветов, глазурное покрытие внутри и частично снаружи. Изредка украшалась рельефным орнаментом в виде полос и зигзагов

Отсутствие крупномасштабного гончарного производства в Ставропольской губернии покрывалось разветвленной сетью мелких заводиков, продукция которых удовлетворяла потребности населения. До сих пор в селах края в каждом доме имеются старинные горшки и кувшины, оставшиеся от запасливых бабушек.

В первые годы Советской власти мелкие заводы перешли в собственность коммун, колхозов и совхозов. После ряда реформ по укрупнению местной промышленности стали создаваться кирпично-черепичные заводы с гончарными цехами.

В Ставрополе, в начале второй половины XX века, был создан кирпичный завод, позднее при нем стал работать цех керамики, выпускавший доступную по цене разнообразную продукцию. Кружки, сервизы, горшки под цветы, сувениры заполняли прилавки городских магазинов. Наряду с заводом в городе работала гончарня, в районе Ртищевой дачи. Известный мастер Москалец Иван Николаевич под заказ Горзеленхоза делал цветочные горшки и заказную для горожан посуду.

В 2002 году прекратили свою работу цеха керамики и майолики Ставропольского кирпичного завода. В городе работают несколько частных предприятий, которые на привозном сырье выпускают художественную сувенирную, но дорогостоящую продукцию.

Современное керамическое производство требует дальнейшего исследования. И, оглядываясь в прошлое, можно с уверенностью сказать, что местные глины, которыми богата ставропольская земля, должны быть использованы – как использовали их наши предки – на благо народа.

О.В. Гриценко
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Младший научный сотрудник

Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в картографической коллекции Ставропольского государственного музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

В XVIII в. значительная часть Предкавказья вошла в состав Российского государства, и уже во втором его десятилетии были предприняты меры для изучения края в административно-хозяйственных целях. Изучение Предкавказья в XVIII в. сопровождалось картированием территории. Значительная роль в этом принадлежала Географическому департаменту Академии наук. В составлении карт большое участие принимали и топографы военного ведомства. Проведение военных действий на Кавказе требовало подробных карт не только собственно Кавказа, но и Предкавказья, с детальным изображением сети поселений, дорог, растительности, рельефа. Карты строились на географической сетке, в различных проекциях. Многие из них остались рукописными и хранятся в картографической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея.

Создание Азово-Моздокской оборонительной линии, укрепление позиций России в Предкавказье поставило вопрос об административном управлении территории. Указом Екатерины II от 5 мая 1785 г. было образовано кавказское наместничество, состоявшее из Астраханской области и Кавказской губернии, последняя часть делилась на 6 уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Карта Кавказа (с обозначением его политического состояния до 1801 г.), составленная Г.Н. Прозрителевым, показывает это административно-территориальное деление.

Указом Сената от 14 ноября 1802 г. Кавказская губерния была окончательно отделена от Астраханской и, как показывает копия историческая карта «Колонизация Кавказа», составленная А.С.Собриевским, губерния состояла из 5 уездов, территория Екатериноградского была разделена между Георгиевским и Моздокским уездами.

В связи с малочисленностью населения 27 июля 1822 г. Кавказская губерния реорганизована в область, состоящую из 4 уездов: Георгиевский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский; Александровский уезд упразднен. Эти изменения отражены на карте Кавказской области 1847 года.

По указанию Сената от 2 мая 1847 г., в целях соблюдения единообразия в наименовании единиц частей государства, Кавказская область переименована в Ставропольскую губернию, состоящую из 3-х уездов: Ставропольского, Пятигорского, Кизлярского (карта Ставропольской губернии 1858 г.). Более

подробную информацию о сети населенных пунктов Кавказа дают военно-исторические карты Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа Е.Д. Фелицына.

В 1860 г. была проведена новая граница между Астраханской и Ставропольской губерниями, реорганизовано управление Главного приставства магометанских кочующих народов и образованы Караногайское, Туркменское, Ачикулакское приставства, Большедербетовский и Малодербетовский улусы. В том же году, после упразднения Кавказской линии, вся территория Северного Кавказа была разделена на три крупные административные единицы: Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области.

При образовании Терской области от Ставропольской губернии отчислены Моздокский уезд и г. Моздок (1865), г. Кизляр и часть Кизлярского уезда (1867), заштатный город Георгиевск (1868).

В 1867 г. в Ставропольской губернии из частей Кизлярского, Пятигорского и Ставропольского уездов был образован Новогригорьевский уезд с центром в с. Прасковей (карта Ставропольской губернии 1869 г.).

В 1872 г. Ставропольский уезд делится на два – Ставропольский и Медвеженский, в результате количество уездов в губернии увеличилось до четырех (дорожная карта Кавказа 1870 г.).

Территория Терской области в 80-е годы увеличивается за счет присоединения г. Пятигорска (1874) и Караногайского приставства (1888). Терская область в административном отношении с 1 июля 1888 г. делится на 3 отдела: Пятигорский с городами Пятигорск и Георгиевск, Сунженский и Кизлярский; 4 округа – Владикавказский, Нальчикский, Хасав-Юртовский, Грозненский (военно-историческая карта Восточного и Западного Кавказа 1888 г.).

В 1893 г. в Ставропольской губернии вновь образуется Александровский уезд, в 1900 г. из частей Александровского и Новогригорьевского создается Прасковейский уезд, а Новогригорьевский переименовывается в Благодарненский (карта Ставропольской губернии 1904 г.).

В 1912 г. уездные присутственные места из Прасковей переводятся в г. Святой Крест и уезд стал называться Святокрестовским (карта Ставропольской губернии 1913 г.).

Таким образом, перед революцией на современной территории Ставропольского края были расположены Ставропольская губерния, состоящая из 5 уездов (Ставропольский, Александровский, Благодарненский, Медвеженский, Святокрестовский), 2 приставств (Ачикулакское, Туркменское) и одного улуса (Большедербетовский); северо-западные уезды Терской области с городами Кавказских Минеральных Вод и восточные Кубанской области.

В послереволюционное время эти административные образования вошли в состав Северо-Кавказской Советской Республики, которая с 1920 г. вместе с Доном была объединена в Юго-Восточный край. В этот период Ставропольская губерния состояла из 5 уездов и 2 национальных районов, - Туркменского и Ачикулакского, находившихся в составе Святокрестовского уезда.

20 января 1921 г. ВЦИК и Совет народных депутатов своим декретом утвердил образование Горской республики, что в дальнейшем послужило основой для создания автономных образований на Северном Кавказе.

На основании постановления Президиума ВЦИК от 16 октября 1924 г. Юго-Восточный край был переименован в Северо-Кавказский, с центром в Ростове-на-Дону. Ставропольская губерния преобразуется в округ, а уезды разукрупняются в районы (карта Северо-Кавказского края 1927 г.).

При проведении коллективизации в декабре 1930 г. округа были ликвидированы, а районы стали подчиняться непосредственно Северо-Кавказскому краю (учебная карта Северо-кавказского края 1930 г.), который 10 января 1934 г. делится на Азово-Черноморский с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске (бланковая карта Северо-Кавказского края 1935 г.).

В 1937 г. Азово-Черноморский и Северо-Кавказский край подверглись новому административно-территориальному делению, были образованы Краснодарский и Орджоникидзевский край, Ростовская область (бланковая карта Орджоникидзевского края). Центр Орджоникидзевского края перенесен из Пятигорска в Ворошиловск (Ставрополь), в 1938 г. его территория увеличилась в результате передачи из Дагестанской АССР 5 районов – Ачикулакского, Караногайского, Каясулинского, Кизлярского и Шелковского (административная карта Ставропольского края 1943 г.).

Политика насильственного переселения калмыков, карачаевцев и других народов в годы второй мировой войны увеличила площадь Ставрополя за счет присоединения части Калмыкии и Карачая. Согласно постановлению ВЦИК от 22 марта 1944 г. из Ставропольского края (переименованного в январе 1943г.) отошел Кизлярский район во вновь образованную Грозненскую область и Моздокский в Северо-Осетинскую АССР (карта Ставропольского края 1952 г.).

14 марта 1955 г. Клухорский район был передан из состава Грузинской ССР Ставропольскому краю.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1957 г. воссоздается ликвидированная автономия карачаевского народа и образуется единая Карачаево-Черкесская автономная область (карта административно-территориального деления Ставропольского края 1957 г.). В то же время в составе края была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в АССР 29 июля 1958 г (административная карта Ставропольского края 1966 г.).

В 1992 г. Карачаево-Черкесская Автономная Область преобразуется в Карачаево-Черкесскую Республику в составе Российской Федерации вне административного подчинения Ставропольского края (карта Южного федерального округа 2002 г.).

Использованная литература и источники:

1. Край наш Ставрополь: очерки истории/ Научные редакторы проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невская. – Ставрополь: Штат-гора, 1999.
2. СГКМ, ф. 480.

В.В. Гудалин
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Сотрудник

Памятники скифской культуры в районе города Ставрополя и его окрестностей

Седьмой – первая половина шестого веков до н.э. – время активного освоения скифами территории Северного Кавказа. Прежде всего это было связано с походами скифов в страны Передней Азии. Основное количество памятников ранней скифской культуры сосредоточено в трех районах Северного Кавказа: Ставрополье, Среднее Закубанье, территория современной Кабардино-Балкарии. Именно здесь исследовано наибольшее число собственно скифских курганов и памятников других (автохтонных) культур, содержащих элементы скифской культуры, а также найдены отдельные клады.

На территории Ставрополя можно выделить четыре зоны распространения скифских памятников: район города Ставрополя и его окрестностей, Александровский район, Георгиевский район, район Кавказских Минеральных Вод.

В районе города Ставрополя в разное время был раскопан ряд скифских курганов VII-V вв. до н.э. Концом VII в. до н.э. датируется Большой Ставропольский курган, раскопанный Г.Н. Прозрителевым в 1924 году и получивший в специальной литературе название Ставропольского кургана 1924 года. Курган находился на юго-западной окраине города Ставрополя по направлению к селу Татарка. В центре кургана раскопана каменная кладка. Некоторые камни были обожжены. В восточной части кладки найдены остатки древесного угля. Детально проследить форму и размеры кладки невозможно. В отчете отсутствуют разрез курганной насыпи, профили могильной ямы, чертежи находок. К сказанному следует добавить, что Прозрителев копал траншейным способом (Прозрителев, 1924). Можно предположить, что подобная каменная кладка находилась в Ставропольском кургане 1984 года, раскопанном Н.А. Охонько (Охонько, 1984). В разграбленном погребении кургана найдены бронзовые спиралевидная булавка, игла с продольным ушком, наконечник стрелы с шипом, во втулке которого сохранилась часть древка; пластинки предположительно являвшиеся деталями предмета, имевшего форму, приближенную к полукругу; бусы из янтаря, синего стекла, мастики, с позолотой и из серебра. В кургане найдены фрагменты чернолощеной керамики, из которой восстановлены сосуды: корчага с орнаментом из бегущих оленей и орнаментированная чаша (Прозрителев, 1924). Сосуды из Ставропольского кургана по орнаменту и форме имеют аналогии из Каменноостского, Пседахского и Комаровского могильников и могут датироваться VII - первой

половиной VI в.в. до н.э. (Виноградов, Дударев, 1983) Сосуды относятся к западному варианту кобанской культуры.

В.Г. Петренко выделила на территории Ставрополя ряд курганов высшей скифской аристократии: Краснознаменский курган № 1, Ставропольский курган 1984 года, курган № 2 из группы Новозаведенное II (Петренко, 1989). К ним, по сложности подкурганной конструкции, следует относить Ставропольский курган 1924 года.

К концу VII в. до н.э. относится курган, находившийся к западу от Ставрополя, на окраине Ташлянского леса, и раскопанный в 1953 году Т.М. Минаевой. Могильная яма на 30 см была врезана в материковую скальную породу. Могила имела ширину 1,45м. Ориентирована с запада на восток. Вдоль западной и северной стенок могилы сохранилась каменная кладка. В могиле найдены два костяка, лежавших головой на восток. При них найдены одиннадцать бронзовых наконечников стрел: семь двухлопастных с шипами, четыре двухлопастных без шипов. Один наконечник найден в ребре одного из костяков. Помимо наконечников стрел в кургане найдены железный наконечник копья, оселок, бронзовые удила со стремечковидными петлями, костяная цилиндрическая пряжка – пронизь, фрагменты лепного горшка. Как отмечает Т.М. Минаева, на поле, где находился Ставропольский курган 1953 года, располагалась группа довольно больших курганов. Но в настоящее время обнаружить их невозможно, в связи с интенсивной распашкой земель (Минаева, 1956).

Близким по времени (VII-первая половина VI вв. до н.э.) является Ставропольский курган 1984 года, раскопанный Н.А. Охонько. Курган находился на юго-западной окраине города Ставрополя. В его центре на уровне погребенной почвы были выявлены остатки каменной гробницы, близкой по форме к прямоугольнику. Гробница была окружена двумя концентрическими каменными стенами. В ее юго-западном углу находились разбросанные человеческие и лошадиные кости. Наружная стена с обеих сторон имела земляную подсыпку, грунт для которой был взят из окружающего рва. Основание подсыпки было обнесено кирпичом, сдерживавшей каменную наброску некрупных камней. В кургане были найдены пронизь от конской сбруи, бляшка бронзовая с позолотой, две золотые бусины, железные удила и двудырчатые псалии, около двадцати железных втульчатых и черешковых наконечников стрел, железный нож, фрагмент железного котла, бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с шипом, бусины из янтаря, фрагменты бронзовых пластинок от панциря, мелкие золотые предметы, фрагменты чернолощеной керамики (Охонько, 1984).

В Ставропольском государственном краеведческом музее им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе под номером 15425 хранятся предметы, происходящие из разграбленного погребения с северо-западной окраины города Ставрополя. В 1968 году погребение было исследовано А.Л. Нечитайло. В северной половине большой могилы лежал скелет мужчины в вытянутом положении, головой на восток. При нем найдены железный наконечник копья, меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, бронзовый браслет в форме несомкнутого кольца и железный браслет похожей формы.

Помимо погребений VII – VI вв. до н.э. в окрестностях Ставрополя имеются памятники скифской культуры V в. до н.э.

Ставропольский курган 1893 года, раскопанный генералом Эркертотом, содержал инвентарь парного скифского погребения: три бронзовых наконечника стрел, железный боевой топор, меч с брусковидным навершием, бронзовая бляшка в виде свернувшегося в кольцо хищника, глиняное пряслице, бронзовое зеркало с боковой ручкой, проволочный браслет, бронзовое спиральное кольцо (Виноградов, 1972).

К V в. до н.э. относятся Мамайские курганы на юго-восточной окраине Ставрополя, раскопанные до революции. Здесь найдены несколько акинаков, несколько бронзовых зеркал, предметы конской упряжи: псалий с головкой животного на конце (Виноградов, 1972).

В 1981 году В.Г. Петренко доследован могильник западного варианта кобанской культуры у села Пелагиада. В одном из погребений был найден бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с шипом, застрявший в черепе погребенного. Могильник датируется VI в. до н.э.

В районе города Ставрополя имеется ряд городищ и поселений, содержащих культурные слои скифского времени: основной слой Грушевского городища (юго-западный район города); один из слоев Татарского городища; первое поселение на Третьей речке в 2 км севернее г. Ставрополя, Ташлянское городища (Охонько, 1988). Все перечисленные поселения и городища относятся к западному варианту кобанской культуры. Среди этих памятников следует выделить Татарское городище, на территории которого в VII–V вв. до н.э. функционировал склеповый могильник, при раскопках которого были найдены предметы скифского типа. Это предметы конской упряжи, втульчатые железные наконечники стрел, бронзовые пластинки панциря, пластинка из тонкой золотой фольги с рельефным изображением лося (Кудрявцев, Прокопенко, Черкасов, 2003)

На юго-восточной окраине города Ставрополя происходит ряд случайных находок скифского типа: предметы конской упряжи, железный меч с сердцевидным перекрестием и прямым навершием, бронзовый двуперый наконечник стрелы, железный нож, несколько бронзовых изделий.

В.Г. Данилевич
 Ставропольский государственный
 краеведческий музей
 им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
 Старший научный сотрудник,
 кандидат биологических наук

Новые ботанические находки

Ставропольским государственным краеведческим музеем имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (отделом природы) ведутся плановые ежегодные исследования систематического состава флоры края. В мае-июне 2004 года были произведены сборы в юго-восточных районах края (Александровский, Курский), которые дали интересные результаты.

Astragalus brachycarpus – астрагал короткоплодный – занесен в «Дополнение к Красной книге Ставрополя» (2004). А.А. Гроссгейм (1949) отмечает его лишь для Западного и Восточного Кавказа. А.И. Галушко (1978-1982) и А.Л. Иванов (2001) приводят данный вид для Пятигорска и Кисловодска. Наши сборы на высотах при выезде из с. Александровского, слева над селом (13.06.04), показали среднее обилие вида, в отличие от единичных особей, найденных нами ранее (1998) в с. Овощи Туркменского района (Белоус, Данилевич, 2004).

Astragalus asper – астрагал шершавый – редкий и рассеянный вид по А.Л. Иванову и А.И. Галушко, которые приводят его для Среднекумского флористического района, но для Моздокского флористического района (ст. Курская, сборы 29-30.05.04) этот вид ранее никем не указывался, хотя А.А. Гроссгейм отмечает его для Восточного Предкавказья. Нами он встречался чрезвычайно редко.

Интересными оказались сборы на высотах слева от трассы с. Александровске – п. Ново-Кавказский, за р. Мокрый Карамык, не доезжая с. Розовки (14.06.04). *Astragalus brachycarpus*, *Rosa Indzillii* – шиповник Юндзилла, *Iris notha* – ирис настоящий, *Clematis pseudophlammula* – ломонос ложножгучий – были довольно часты, тогда как *Thymus pastoralis* – чабрец пастуший, занесенный в Красную книгу Ставрополя, в которой он приводится для данного района, встречался нами очень редко. Эти высоты требуют более тщательного исследования, в течение всего периода вегетации, для выявления полного видового состава редких и исчезающих растений.

Сборы в ст. Курской, в разнотравье на крутых берегах р. Куры, выявили новые точки сбора растений, ранее не приводившиеся для Моздокского флористического района: *Ephedra distachia* – эфедра двухколосковая, *Astragalus dolichophyllus* – астрагал длиннолистный, *Sedum acre* – очиток едкий (одичавший – ?), *Jurinea multiflora* – наголоватка мелкоцветковая, *Cirsium elodes* – бодяк болотолюбивый были единичными. *Phlomis majkopensis* – зопник майкопский,

занесен в Красную книгу Ставрополя. Эндемик Предкавказья (Гроссгейм, 1949). А.Л. Иванов приводит его только для Ставропольского флористического района. Нами найден в ст. Курской в единичном экземпляре, тогда как на высотах за р. Мокрый Карамык его популяция была довольно обильной. Поэтому этим ковыльным участкам целины (*Stipa pulcherrima* – ковыль красивейший) необходимо придать статус ботанического заказника.

Вклад Г.Н. Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района

Изучением истории и природы нашего края, начиная с 50-х годов XIX века, занимались многочисленные местные силы, которые настолько обогатили нас сведениями по вопросам материальной, духовной культуры и природоведения, что этот период справедливо считается временем становления и развития «родиноведения» – краеведения. Среди исследователей Ставрополья Г.Н. Прозрителев занимает особое место. Без преувеличения можно сказать, что фактически именно при Григории Николаевиче краеведение в первую треть XX столетия сложилось как общественное движение единомышленников и пережило «золотой век». По отзывам многих современников, это был неутомимый энтузиаст-краевед с разносторонними научными интересами и огромным трудолюбием, видный общественный деятель, просветитель и талантливый публицист.

Жизнь Г.Н. Прозрителева как собирателя и хранителя старины охватывает довольно большой период, насыщенный крупными историческими событиями. Статьи, книги, карты и таблицы, прочные и многолетние связи с крестьянами, учителями, чиновниками, в чем, несомненно, сказывается юношеское увлечение народничеством, обеспечили широкое признание Григория Николаевича как выдающегося российского летописца – краеведа прошлого. Сегодня все, кто занимается изучением «малой Родины», так или иначе, обращаются к трудам замечательного предшественника. Конечно, Г.Н. Прозрителев в своих публикациях и рукописях допускал множество ошибок с точки зрения современных научных данных. Но если учесть, что по многим вопросам он был первым, а также зафиксировал ныне не сохранившиеся памятники, то его заслуги – именно в создании источниковой базы.

В 1900 году Г.Н. Прозрителев обследовал старое кладбище в селе Ореховском. Здесь обнаружили «гробы из небольших каменных плит». Особенностью погребений были лучины в виде длинных тонких пластин, положенные с покойниками. В публикациях на эту тему автор сообщает о существовании на кладбище каменного креста с надписью, который разрушили местные жители. В черновых записях имеется рисунок погребения в «каменном ящике».

Совершая поездки по Ставропольской губернии, Г.Н. Прозрителев обращал внимание на разрытые кладоискателями древние подкурганые могильники. В частности, его привлекли памятники золотоордынской эпохи, расположенные на

значительном удалении от Маджар. Близ села Благодатного им найдены обожженные кирпичи, аналогичные маджарским.

Большой интерес представляет сообщение о найденных Г.Н. Прозрителевым каменных бабах в селах Медведском (Гофицкое) и Петровское (г. Светлоград). В неопубликованной рукописи упоминается «городище» в селе Медведском. В 1915 году в археологический отдел музея Северного Кавказа поступают находки из кургана у села Петровского, в том числе «бронзовая фигурка единорога», а непосредственно от самого археолога – «зеркала металлические» из раскопок в окрестностях села Константиновского.

Летом 1930 года в Ставропольскую этнолого-археологическую комиссию поступают сообщения о разрытом кургане «с остатками каменного барьера» близ железнодорожной станции Рогатая Балка. Направленная осенью того же года археологическая экспедиция выявила здесь следы скифского погребения. Однако отсутствие средств заставило отказаться от дальнейших работ.

Много сделал Григорий Николаевич для сохранения и популяризации памятников истории. В его работах содержатся статистические данные по волостям губерний начала XX века, истории церквей сел Медведского, Высоцкого, Благодатного и Донской Балки, он лично осматривает сельские архивы. В его записках указаны сведения по селению Просьянка, «откуда выдворены представители секты иудействующих, в результате чего оно запустело». В 1912 году Григорий Николаевич обследовал надписи на скале близ села Ореховского, оставленные военнопленными польскими офицерами в 1813 году. Через 2 года в Санкт-Петербургской типографии главного управления уделов издана его небольшая работа «О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года». Интересно отметить, что в тяжелые 1920-е годы сюда совершали экскурсии учащиеся и интересующиеся лица под руководством членов СЭАК.

В 1913 году он публикует в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии ведомость 1787 года, составленную генерал-поручиком П.С. Потемкиным, исполняющим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, о первоначальном поселении крестьян по открытии Кавказского наместничества. В ней содержатся ценные сведения по истории формирования населения с этнографической и социальной точек зрения. В очерке «Преступные типы в Ставропольской губернии», написанном в 1926 году, приведены любопытные наблюдения о нравах крестьян села Ореховского и поселенцев из Дагестана.

Особо следует отметить сведения, собранные Г.Н. Прозрителевым о несохранившейся «Селиверстовой» пещере около хутора Казинка. В черновых записях краеведа есть перечень местных названий курганов, балок, прудов, родников и колодцев. На станции Кугутка им отмечены небольшие залежи гипса, а в с. Донская Балка – охры. В различные годы Григорий Николаевич посещает гору Куцай, где описывает настоящую пустынную бурю, историю закрепления лесопосадками сыпучих песков, а также находки окаменелостей. Отсутствие средств не позволило ему в 1923 году обследовать место находки скелета южного склона в карьере близ с. Константиновского, который был взорван рабочими. В

комиссию были доставлены лишь отдельные части скелета. Краеведом зафиксировано варварское отношение жителей сел Высоцкого и Ореховского к останкам «древних животных».

Восстановление статуса истории и географии «малой Отчизны» в настоящее время вновь оказалось в центре внимания ученых и педагогов-практиков. Интересующие нас сведения «распылены» среди множества статей и рукописей Г.Н. Прозрителева. Включение старых и осмысление новых источников в социокультурный и природный контекст локальной истории позволит подрастающему поколению оценить свое отношение к прошлому, настоящему и будущему.

Е.И. Еремина
Ставропольский государственный университет.
Аспирант

Волостное правление Ставропольской губернии

Волостные правления созданы в России законом 1797 года в связи с размежеванием волостей, населенных государственными крестьянами. (1, с. 127.). Они стали формироваться с марта 1827 года. По учрежденному императором Павлом I докладу «О разделении казенных селений на волости и о порядке их внутреннего управления» в каждой волости, включавшей в себя не более 300 душ, учреждалось волостное правление. В результате реформы П.Д. Киселева у государственных крестьян учреждались для управления волости, наряду с волостным правлением, волостной сход и волостная расправа.

В этот период волость представляла собой крестьянскую сословную территориальную единицу, охватывавшую несколько селений. Высшим органом считался сельский сход, на котором были представлены все домохозяева. Сход решал вопросы распределения земли, повинностей, семейных разделов и опеки, а также избирал старосту и состав сельского правления. Староста созывал сход и следил за исполнением его приговоров, наблюдал за исправлением повинностей.

Волостной сход состоял из выборных от 10 дворов. Его приговоры касались устройства волостных училищ, запасных магазинов, постройки дорог и мостов. Сход избирал волостного старосту и правление в составе старосты и его помощников, а также сельских старост волости, сборщиков податей, избирал членов волостного суда. Избиравшийся волостным сходом на три года волостной староста выполнял фактически полицейские функции – следил за сохранением общественного порядка, спокойствия и благополучия в волости.

Волостное правление, также избираемое волостным сходом, состояло из старшины, старост всех селений, входящих в волость, сборщиков податей, одного (или двух) заседателей и писаря. Волостной писарь назначался в волостное правление мировым посредником, а впоследствии земским начальником (2, с. 83-84.).

В Ставропольской губернии введение в действие Правил о крестьянах в 1861 году было предоставлено «ближайшим указаниям Наместника Кавказского» (3, с.79.).

В 1867 году возник вопрос о преобразовании административного управления государственных крестьян. Необходимо было точно определить состав местных крестьянских учреждений, в ведение которых должны были быть переданы государственные крестьяне. По этому делу, согласно заключению Кавказского Комитета, 6 июня 1867 года последовало особое Высочайшее повеление. Особенность устройства (на основании этого Высочайшего повеления) крестьянских учреждений Ставропольской губернии заключалась в том, что в состав губернского по крестьянским делам присутствия, вместо членов от дворянства, были определены три члена от правительства. Они также заседали

в уездных мировых съездах, и таким образом совмещали в себе две самостоятельные должности.

Также особенностью местных крестьянских учреждений было то, что помимо своих обязанностей по крестьянскому делу, они долгое время заведовали учебной частью сельских училищ. Произошло это потому, что Наместник Кавказский, признав неудобным подчинять эти училища местной училищной дирекции, сделал распоряжение о передаче их мировым посредникам, а учебную часть поручил ведению губернского по крестьянским делам присутствия (3, с.79 – 80).

На заседании Ставропольского губернского по крестьянским делам присутствия 20 декабря 1878 года обсуждался вопрос об учреждении волостных правлений во всех селениях губернии численностью не менее 300 ревизских душ мужского пола. Считая необходимым предварительно проверить нововведение на практике, губернское присутствие ограничилось в это время образованием волостей в близлежащих к городу Ставрополю селениях: Михайловском, Надежде, Татарском, Старомарьевском, Спицевском и Бешпагире. Это было сделано для того, чтобы губернское начальство имело возможность «проследить за ходом дел в этих волостях» (4).

Работа волостного правления была оценена положительно. Губернское присутствие подчеркивало, что волостное начальство без особых затруднений доставило в срок отчеты, общества сохранили расходы на мирские надобности, уменьшился обременительный для крестьян налог на содержание сельских почт и разъезды волостных должностных лиц. Кроме того, жители тех селений, где были открыты волостные правления, не испытывали затруднений при необходимости засвидетельствования сделок, договоров и духовных завещаний.

Губернатор предложил губернскому присутствию издать распоряжение об образовании с 1 января 1880 года волостных правлений во всех селениях Ставропольской губернии, за исключением нескольких деревень и поселков. Мировые посредники были обязаны организовывать выборы волостных должностных лиц и открыть действие вновь образованных волостных правлений с 1 января 1880 года (5).

Волостные правления, практически не изменяя функции и не подвергаясь реорганизации, действовали до февральской революции. Законом Временного правительства 21 мая 1917 года была проведена волостная реформа в стране, учреждались волостные земские учреждения: волостные земские собрания и управы.

Использованная литература и источники:

1. Ерошкин Н.П. и др. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
2. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990.
3. Катаев М.М. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. (Исторический очерк их образования и норм деятельности). СПб., 1922.
4. ГАСК.Ф.58.Оп.1.д.536.Л.1.
5. ГАСК.Ф.58.Оп.1.д.536.Л.2.

Начало историографического изучения Северного Кавказа: Г.Н. Прозрителев

Неотъемлемой частью истории развития отечественной исторической мысли является провинциальная историография. Целой эпохой в провинциальном историописании стала вторая половина XIX столетия. В этот период на местах формируется определенное интеллектуальное сообщество единомышленников, занимающихся историческими и краеведческими исследованиями, воспитывается поколение историков-краеведов, любителей древностей, определяется устойчивый интерес к истории, археологии, этнографии местного края, возникают первые провинциальные научные общества, краеведческие по сути и характеру своей деятельности. Именно в провинции местными исследователями создается значительное количество исторических трудов, различных по содержанию и значимости, идет работа по поиску и опубликованию исторических источников. Все это позволяет современным исследователям рассматривать факт существования провинциальной историографии, под которой понимается не только процесс историописания в российской провинции, но и его результат – комплекс исторических трудов.

Стоявшие у истоков северокавказского краеведения известные исследователи И.В. Бентковский (1812-1890) и Г.Н. Прозрителев (1849-1933) выступили инициаторами изучения многих тем и проблем, чем положили начало становлению историописания Северного Кавказа. Их обширное творческое наследие, насчитывающее сотни работ, представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Работы отличает разнообразие, по сути, энциклопедический охват тем, оригинальность и стиль изложения, научный подход к работе с источниками. И.В. Бентковский и Г.Н. Прозрителев были настоящими лидерами, сумевшими объединить вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимавшихся изучением родного края. При их участии было начато научное изучение губернии и региона в целом, способствовавшее с одной стороны, консолидации деятельности местных историков-любителей, а с другой – созданию прочной источниковой базы провинциальной историографии и местного краеведения. Их научно-исследовательская деятельность была разносторонней и многоплановой. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которого он не коснулся бы в своих исследованиях» - слова, сказанные Г.Н. Прозрителевым о И.В. Бентковском, можно смело отнести и к нему самому.

Знакомство Г.Н. Прозрителева с секретарем губернского статистического комитета И.В. Бентковским произошло в 1880-е гг. В это же время он знакомится и с историком казачества, известным историографом И.Д. Попко. Под их влиянием он и начинает серьезно интересоваться историей края, источниками по

ее изучению. Краеведение и сохранение историко-культурного наследия становится смыслом и делом всей его последующей жизни. Ученый, археолог, этнограф, историк, краевед, архивист, археограф, музейный работник, просветитель, видный общественный деятель, обладая беззаветной преданностью делу, целеустремленностью, благодаря изучению архивных документов и памятников древности, он стал известным историком, археологом и архивистом Северного Кавказа. Он был представителем поколения просветителей, сумевшим не только выявить исторические источники, но и организовать работу по их изучению, создать организации и общества (музей Северного Кавказа, Ставропольская ученая архивная комиссия, Ставропольская этнолого-археологическая комиссия), которые взяли на себя разработку этих проблем. Всю свою жизнь он собирал, хранил и описывал историю родного края, своей малой родины. С его именем мы можем связать начало историографического изучения региона. При нем и во многом благодаря ему, краеведение в крае сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

Большинство его работ, как и работ провинциальных исследователей в целом, были выполнены в форме краеведческих описаний, представлявших собой наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Описаниям был присущ междисциплинарный подход и комплексность, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений, иногда философско-лирических отступлений. Составлялись они, как правило, основываясь на личных наблюдениях и исследованиях Г.Н. Прозрителева, и различались по своей тематике, объему материала, специфике преподнесения текста и источников. Из старых архивных документов и воспоминаний он пытался «сложить» историю прошлого местного края и через нее представить историю страны в целом.

Проблематика исследований определялась им самостоятельно и чаще всего зависела от его научных интересов, особенностей и разработанности источниковой базы, ее доступности. На специфику работ оказывало влияние то, что объектом исследований был отдельно взятый регион – Северный Кавказ, с природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью тех или иных источников и, конечно же, со своей историей. Чаще всего он обращался к проблемам древней истории края, истории его заселения и освоения, основания и развития городов, к вопросам церковного строительства, развития просвещения и культуры, охраны памятников древности.

Публиковались его работы, как и работы других исследователей, на страницах периодической печати («Ставропольские губернские ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости») и в регулярных изданиях провинциальных научных обществ и учреждений (труды Ставропольского губернского статистического комитета («Памятная книжка», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», «Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книжка Ставропольской губернии», «Сборник сведений о Северном Кавказе»); Ставропольского епархиального церковно-

археологического общества («Церковная старина на Северном Кавказе»); в «Трудах Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края» и в «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии».

Среди краеведческих работ Г.Н. Прозрителева следует отметить «Ставропольскую губернию в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях», «Путеводитель по г. Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие исторические сведения», «Материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии», «Первые русские поселения на Северном Кавказе», «О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года», «Шамиль в г. Ставрополе», «Шейх Мансур: К истории Кавказской войны», «К истории раскола и сектантства на Кавказе», «Древние Тебердинские могильники», «Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковья Ставропольской губернии на реке Куме», «Архивы Ставропольской губернии», «Кавказские архивы», «Непростительную небрежность: (По вопросу охраны памятников старины)», «Необходимость борьбы против пьянства», «Как мы пьем и живем», «Земельный вопрос», «Военное прошлое наших калмыков», «1812-1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812» и другие.

Краеведческие очерки и описания, статьи, воспоминания, исторические исследования по археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополя и Северного Кавказа, его культуре, биографии исследователей были написаны на основе архивных документов, многие из которых сегодня безвозвратно утеряны, что придает работам, несомненно, историческую ценность, прежде всего как исторических источников. На накопление источниковой базы и была направлена деятельность провинциальных исследователей второй половины XIX – начала XX вв.

Т.В. Коношенко

Ставропольский государственный университет.

Аспирант

Роль сельскохозяйственных и промышленных выставок в пропаганде НЭПа на Ставрополье

В системе пропагандистских мер по утверждению НЭПа на Ставрополье не последнюю роль играли выставки. Зачастую их устраивал профсоюз Союз работников земли и леса (Работземлес). В 1923 – 1924 гг. на опытных полях Ставрополья профсоюзом была организована одна из первых выставок, которую посетило 105 человек. В ходе работы выставки читались лекции, их прослушало около четырехсот человек (1, с.43,45). Количество посетивших выставку и прослушавших лекции говорит о росте интереса населения к новым технологиям и достижениям в сельскохозяйственном производстве и промышленности. Благодаря выставкам хозяйственники могли ознакомиться с продукцией других хозяйств и предприятий и показать свою, что содействовало реализации производственной продукции и развитию рыночных отношений.

Так, 18-19 октября 1925 года в с. Степном состоялась сельскохозяйственная выставка. К указанной выставке, на которой было представлено большое количество различных экспонатов по разным отраслям сельскохозяйственного производства, – огородничеству, животноводству, птицеводству, пчеловодству, а также лесному хозяйству, крестьянство проявило максимум интереса. Поток посетителей не прерывался до конца работы выставки. В результате было заключено немало договоров по обмену опытом и продажам.

Аналогичная выставка состоялась 30 октября того же года в г. Прикумске. Экспонаты выставки были представлены четырьмя отделами: полеводство, животноводство, виноделие и шелководство. Перед открытием выставки состоялся митинг, на котором представители райисполкома, земотдела и других организаций объявили прибывшему крестьянству цели и задачи выставки. После митинга была произведена показательная вспашка земли тракторами системы «Форд-зон» и «Интернационал», что особенно заинтересовало крестьян. Вечером, в день открытия выставки, в клубе был устроен диспут на тему: «Как улучшить свое хозяйство».

В октябре того же года подобная выставка состоялась в Воронцово-Александровском районе. Она вызвала громадный интерес со стороны крестьянства, и некоторые даже спорили о том, у кого будут лучше экспонаты на следующей выставке.

На выставке были представлены экспонаты 128 хозяйств. За 3 дня выставку посетили более 5 тысяч человек. Для придания выставке политической значимости, как всегда, перед началом провели митинг. К моменту открытия было приурочено начало работы районного съезда хлеборобов-культурников.

Делегаты съезда были активными участниками работы выставки. Выставка завершилась награждением победителей, представивших лучшие экспонаты. Их также чествовали на съезде хлеборобов-культурников (2, с.112.).

Повышенный интерес ставропольского населения объяснялся его заинтересованностью в увеличении производительности собственного хозяйства и содействовал росту экономического потенциала Ставропольского округа.

Использованная литература и источники:

1. Бондаренко Г.Н. Участие профсоюзов Кубани и Ставрополя в пропаганде сельскохозяйственных знаний и опыта в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1999.
2. Наш край: документы, материалы (1917-1977 гг. Ставрополь, 1983).

Л.П. Король
Новоалександровский краеведческий музей.
Директор

Музей в структуре общества

Мы живем в непростое время, наш народ, в связи с некоторыми кризисными явлениями в обществе, утратил в какой-то мере свой нравственный стержень.

Объединить людей мы, очевидно, сможем под знаменем духовности, возрождения традиций народной культуры, воспитания любви к своей малой Родине.

Огромную роль в решении этих проблем играют музеи, особенно провинциальные.

Наши музеи – это островки великолепного творчества народного, это связь между прошлым, настоящим и будущим, это история нашего родного края и страны. Здесь молодежь учится мудрости у старших, здесь воспитываются лучшие патриотические чувства. Почти два века существует Новоалександровск, почти два века назад наши предки в трудах и борьбе закладывали основы сегодняшней экономики и культуры, два века живут в нашем быту, в наших сердцах прекрасные традиции: трудолюбие, преданность родной земле, готовность защитить ее, любовь к своему народу, дружба, сотрудничество и взаимопомощь, радушие и гостеприимство. Они и сегодня помогают нам справиться с трудностями, просто выжить.

В нашем Новоалександровском историческом музее три зала: два из них рассказывают об истории и традициях казачества, третий зал называется «Путь к Великой Победе»; это зал о тех, кто защищал наш родной край от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Когда наш маленький коллектив четыре года назад начал работать в музее (нас трое: директор, экскурсовод и техслужащая), мы поставили перед собой цель – сделать музей одним из центров воспитательной, образовательной и просветительской работы в нашем городе и районе.

Наш проект мы назвали так: «Повышение воспитательной и образовательной роли музея в жизни нашего провинциального общества, в пропаганде идей патриотизма, взаимосотрудничества и взаимопонимания».

Мы составили перспективный и текущие планы работы музея и приступили к их исполнению. В планах выделили следующие разделы: экспозиционно-выставочная работа, культурно-массовая и научно-просветительская работа, хозяйственная деятельность.

Ежегодно музей посещают около пяти тысяч человек, в основном фонде – семьсот пятьдесят экспонатов, ежемесячно проводятся двадцать и более экскурсий, особенно частыми гостями музея являются ветераны и учащиеся школ города и района.

В книге отзывов много записей о впечатлениях от посещения музея, много благодарностей за содержательные экскурсии.

Ежегодно в музее проводятся выставки картин местных художников, учащихся художественной школы, фотовыставки, выставки поделок местных умельцев, выставки цветов.

Работая по направлению «Музей в структуре общества», мы составили схему наших общественных связей. В течение всех лет мы старались активно работать в содружестве с общественными и государственными организациями. Эта связь очень помогла нам, сделала нашу работу более содержательной, полезной для общества.

Каждое проводимое в нашей музейной гостиной мероприятие мы тщательно готовим, продумывая его эффективность и актуальность в данное время. Например, во время проведения месячника по сбору экспонатов в музей под девизом «Казачьему роду нет переводу» был организован яркий праздник. Молодежь Новоалександровска встретилась с потомками коренных казаков – первых переселенцев.

Музею принесли в дар старинные фотографии, предметы быта. На улице Ленина, где расположен музей, было организовано катанье детей на казачьей тройке. Звучали казачьи песни, дегустировались казачьи блюда.

Священнослужитель – отец Александр отметил, что такие праздники в музее сближают поколения, помогают сохранять русскую национальную культуру и нравственность, во многом основанную на православии. Директор музея знаменитого на всю страну Григорополисского колхоза «Россия» Соловьев М.Г. предложил сотрудничество в деле сохранения лучших казачьих традиций, культурного наследия прошлого и подарил Новоалександровскому музею буклеты о первой в стране ученической бригаде, старинные фотографии.

Мы считаем одной из важных своих задач – привлечение школьников в музей, связь со школьными музеями и комнатами Боевой славы. Конечно, обратились в районный Отдел образования, составили и подписали с заведующей РОО договор о совместной работе по пропаганде музейного дела и охране памятников в районе. На базе нашего музея был проведен районный семинар музейных работников, мы обменялись опытом работы по созданию музейных экспозиций, по планированию, по ведению документации, по привлечению молодежи в поисковую работу.

Меня, как директора районного музея, привлекали к аттестации Григорополисского школьного музея о первой ученической бригаде в стране.

Заведующий Григорополисским музеем не раз посещала наш музей, рассказывала о своих планах, консультировалась по различным вопросам.

Мы тесно контактируем со школьными заместителями директоров по воспитательной работе. Они включают обязательно в свои воспитательные планы-графики посещения музея, участия школьников в различных встречах в музее, в дискуссиях, в обсуждении выставок работ художников и других мероприятиях.

Тесную связь мы поддерживаем со школьными учителями истории, они помогают нам в сборе экспонатов. В музее иногда проводятся уроки истории,

аттестационные уроки. В ткань уроков вплетаются живые странички истории. «Посмотрите направо, вот пробитый осколком комсомольский билет нашего ветерана Котлова Николая Александровича, а налево – фотография Парада Победы 24 июня 1941 года, в котором участвовали наши земляки, вот они бросают фашистские штандарты к ногам наших советских генералов. А вот портрет и награды нашего земляка – штурмана, Героя Советского Союза Владимирова М.Г.», - говорит учитель. Уроки в музее оставляют неизгладимое впечатление у детей, об этом мы читаем в их отзывах, в их сочинениях, в их рефератах.

Мы помогаем в работе школьных научных обществ. Частыми гостями у нас бывают воспитанники гимназии «Экос». Они пишут научные рефераты по различным проблемам и делают у нас записи из архивных материалов, консультируются по различным вопросам.

У нас есть постоянные помощники из СОШ № 1 во главе с учительницей Граф Н.Н. Они участники многих наших мероприятий. Это члены клуба «Юные друзья музея». На одном из наших мероприятий мы в торжественной обстановке приняли их в члены клуба, вручили им красивые эмблемы с аббревиатурой «ЮОДМ» (юные друзья музея).

В СОШ №1 работает одна из секций научного общества по топонимии. Ее члены выясняют, откуда произошли названия населенных пунктов района, проводят экспедиции, встречаются со старожилами, знакомятся с архивными материалами. Руководит этой работой учительница литературы Степанова Л.П. На одной из наших встреч в музее Людмила Петровна и ее воспитанники рассказали гостям музея о своих интересных поисках и подарили музею свои записи и газетные материалы «Что в имени моем».

Недавно в городе открыта начальная школа № 11. Педколлектив этой школы обратился к нам за помощью в создании школьного музейного уголка. Они принесли нам план улиц своего микрорайона и хотят узнать и описать, почему улицы носят то или иное название. Мы, конечно, помогли им в этом вопросе.

Сотрудники музея вместе с учащимися школ и их родителями провели рейтинговый опрос почти тысячи горожан, задавали им один и тот же вопрос: «Кого из очень уважаемых людей города за последние четверть века вы можете назвать?». Подвели итоги опроса. В первую пятерку вошли следующие заслуженные земляки:

— Герой Советского Союза Владимиров Михаил Григорьевич. О нем помнят многие. Это был очень скромный человек, совестливый, порядочный, настоящий коммунист.

— Вячеслав Петрович Моренец – ведущий хирург районной больницы, спасший жизни сотням новоалександровцам и заслуживший благодарность и уважение людское. Во время празднования Дня медработника попросили встать в зале Дворца культуры всех, кого лечил или

оперировал Вячеслав Петрович. Встал почти весь зал (800 мест во Дворце).

– Александр Дмитриевич Кистенев – ветеран войны, храбрый разведчик, единственный в районе награжденный орденом Александра Невского. А в мирное время - честный банкир. Он и сейчас в строю, воспитывает молодежь на боевых и трудовых традициях нашего народа.

– Иван Алексеевич Симоненко – первый секретарь Крайкома КПСС, человек сильной воли, очень требовательный, преобразивший наш город, одевший его в асфальт, сделавший город зеленым, чистым и уютным.

– Виктор Стефанович Бондарев – бывший глава города, заслуженный строитель РСФСР, оставивший после себя прекрасные детсады, школы, жилые дома.

Эти имена были названы большинством опрошенных. О них и других замечательных земляках мы создали экспозицию «Люди земли Новоалександровской».

Наш музей всегда в гуще всех событий, которые происходят в городе и районе. Когда к Дню города был объявлен конкурс на создание символики города: герба и флага, в музее была оформлена выставка проектов участников конкурса. Мы приняли участие в заседании геральдической комиссии при Горсовете, в обсуждении представленных проектов. На заседании присутствовали и представители из краевой геральдической комиссии, в том числе директор краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе – Охонько Н.А. Когда был утвержден окончательный вариант проекта городской символики, у нас в музее состоялся праздник. Глава города Лобызев А.Л. в торжественной обстановке, в присутствии общественности города передал на вечное хранение в музей флаг и герб города, Книгу почетных граждан города. Воспитательное значение этого мероприятия для присутствовавших учащихся-старшеклассников, конечно, большое.

Мы очень тесно сотрудничаем с библиотеками города, особенно с центральной районной библиотекой. Проводя семинар для работников школьных музеев, мы показывали в читальном зале центральной библиотеки видеоматериалы «По музеям нашей Родины». Не раз у нас в музее с обзором «По музеям столицы» выступала Надежда Дмитриевна Чекалина, замечательный молодой сотрудник центральной библиотеки. Экскурсовод музея, молодой специалист Людмила Ивановна Долбня часто работает в читальном зале библиотеки с энциклопедиями и другим справочным материалом, готовя лекции и экскурсии по различным темам.

Мы поддерживаем постоянную связь со службами социальной защиты населения, их коллективы художественной самодеятельности выступают в музее, они проводят у нас выставки поделок, выставки цветов. Мы провели совместные акции помощи солдатам – нашим землякам, служившим в Чечне, оказывали помощь пострадавшим от наводнения людям станицы Барсуковской.

В музее активно работает «Попечительский Совет музея». В него входят представители администрации города, ветераны, предприниматели, руководители предприятий. Они помогли мне, как директору музея, выехать в Москву на съезд женщин «Надежда России». Это было очень впечатляющее событие. Я выступила на съезде и рассказала о проблемах моих земляков-ставропольцев. Делегаты съезда побывали в Кремлевском Дворце Съездов на съемках телепередачи «Песня года», участвовали в экскурсиях по Москве.

Приехав в свой город, я рассказала о своих впечатлениях от поездки по местному радио и на встрече ветеранов в музее.

У нас при Дворце культуры поет хор женщин-ветеранов. Они бывали в гостях в музее. Мы рассказали о каждой участнице хора гостям, вручали им цветы, благодарственные письма, приняли их в члены общественного женского движения «Надежда России».

В наше нелегкое время, когда многие наши граждане не имеют возможности совершать туристические поездки, ездить в другие города, посещать музеи, мы стараемся восполнить этот пробел. В прошедшие годы я посетила множество музеев: и Эрмитаж, и Третьяковку, и музеи Киева, Минска, Севастополя, Прибалтики, Калининграда, была в Дрезденской галерее, в музеях Берлина, Праги, Будапешта, Белграда и т.д. Обо всех этих музеях я стараюсь рассказать посетителям. В нашем музее мы решили создать экспозицию «По музеям нашей страны и зарубежья». Я связалась с музеем на Поклонной горе в Москве, с музеями Берлина, Дрездена, Лейпцига, Веймара, Краснодона и другие. Все эти музеи откликнулись на мою просьбу и прислали путеводители, наборы открыток, афиши. Когда-то в юности я училась в одной школе (в селе Красногвардейском, тогда Молотовском) с М.С. Горбачевым. Я написала письмо в его фонд, напомнила о его комсомольских годах, я тоже была в Комитете комсомола школы, нас учила тогда замечательная учительница литературы Юлия Васильевна Сумцова. Из фонда мне ответили, прислали его книги о перестройке, фотографии, книгу «Раиса».

Когда Ставропольский краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве готовил к декабрьским выборам (2003 г.) в Госдуму России выставку «Выбор XX века» (К истории выборов в представительные органы власти на Ставрополье), наш музей тоже принял участие в пополнении экспонатов этой выставки. Мы разыскали дочь депутата Верховного Совета СССР, нашего новоалександровца Будкова Георгия Герасимовича – бывшего председателя передового колхоза им. В.И. Ленина. Будков Г.Г. был избран в 1958 г. депутатом Совета Союза 5-го созыва от Ставропольского избирательного округа. Дочь Будкова Г.Г. передала на выставку депутатский билет своего отца, а также военный билет, фотографии, грамоты, френч.

В последние годы за нашим городом археологи вели раскопки курганов. Они иногда приходили к нам в музей, рассказывали о своей работе, делились впечатлениями. Они подарили нашему музею каменное изваяние - памятник половецкой культуры X-XI веков, осколки древней керамики на месте поселения кочевников-болгар.

Для нашего города Новоалександровска одной из памятных дат является день освобождения станицы Новоалександровской (теперь города) от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Нашу станицу освобождали воины 317 стрелковой дивизии. Написана брошюра об этих героических днях – «Подвиг воинов 317-й дивизии обессмертим». Текст составлен по материалам клуба красных следопытов «Поиск» Новоалександровской средней школы №3 под руководством учителя литературы Авдеевой З.С. и директора школы Король Н.Г. Эта брошюра хранится в музее. Проводя встречи воинов разных поколений в честь Дня защитников Отечества и в честь памятной даты – освобождения от фашистских захватчиков нашей станицы, мы опираемся на материалы из этой брошюры, приглашаем на наши встречи освободителей, о подвиге которых в ней рассказывается.

Некоторые из ветеранов войны уже тяжело больны и не могут прийти к нам в музей. Мы посещаем их на дому, записываем их воспоминания о прошлом.

Особенно ценны воспоминания нашего горожанина, почетного гражданина города Беликова Ивана Ивановича. Он – ветеран войны, храбрый воин в прошлом и великий труженик. Мы помогли ему опубликовать в нашей местной газете «Знамя труда» серию рассказов о героической борьбе наших солдат на ленинградском фронте, где он воевал, и о послевоенном восстановительном периоде.

Мы уделяем большое внимание связи со средствами массовой информации. Редакторы наших местных районных газет, корреспонденты – частые гости наших мероприятий. Я, как директор исторического музея, часто выступаю по районному радио, особенно в преддверии памятных дат, государственных праздников, пишу заметки в наши районные газеты.

Это помогает привлечь в наш музей посетителей, воспитывает в них чувство уважения к музейному делу, любовь к своему родному краю, гордость за его тружеников.

У меня, как директора музея, а в прошлом учителя истории и иностранного языка, завуча, директора школы - большой опыт по созданию школьных музеев и Комнат Боевой славы. Поэтому через средства массовой информации я стараюсь пропагандировать музейное дело, мне хочется, чтобы исчезнувшие во многих школах за последнее десятилетие музейные уголки и Комнаты боевой славы возрождались вновь. Для воспитания молодого поколения на трудовых и боевых традициях нашего народа это очень важно.

Музей провел большую работу по подготовке к 200-летию основания станицы Новоалександровской (теперь города). Мы в музее обновляем экспозиции, готовим новые экскурсии, фотовыставку «Наш город и его люди». Я была включена в состав комиссии по подготовке к юбилейным торжествам в городе. Составила текст к буклету «Наш родной город Новоалександровск». В эти сентябрьские дни 2004 года в музее проходил целый комплекс мероприятий, было много гостей.

В связи с юбилейными торжествами музей подготовил обращение:
«Новоалександровец!

Все, во что вложен человеческий труд, – бесценное богатство, его надо беречь как святыню. Город с его улицами, домами, парками и площадями, все, что тебя окружает повседневно, что давно стало привычным и родным – это общее достояние, возведенное и созданное твоими руками, руками твоих дедов, отцов, матерей, братьев и сестер.

Будь хозяином в городе, храни и оберегай общественное добро, умножай красоту и богатство города, заботься о его чистоте и опрятности, благоустройстве и зеленом наряде.

Храни память о павших за твое счастье и счастье твоих детей, постоянно ухаживай за памятниками и воинскими захоронениями!

Гражданин Новоалександровска!

Понимай и цени высокое искусство, постоянно воспитывай в себе хороший вкус и хорошие манеры. Будь скромн и прост во всем: и в мыслях, и в одежде, и в поступках. Умей ценить мнение старших по возрасту и уважать старость. Умей красиво и с пользой отдыхать. Сделай спутником своей жизни физкультуру и спорт, туризм и самодеятельное искусство.

Крепкая и дружная семья-гордость города. Береги и укрепляй ее. Знай: семейное счастье – в глубоком взаимном уважении супругов, в умении нести через жизнь, не расплескав, чувство большой любви.

Новоалександровец!

Крепи и уважай славные традиции старших поколений. Трудись добросовестно на благо своей родной земли, своего родного края!»

Итак, мы работники музея, хорошо понимаем и убеждены, что роль музея – в повышении воспитательной и общеобразовательной роли в жизни нашего провинциального общества, в пропаганде идей патриотизма, взаимосоотрудничества и взаимопонимания, конечно, велика. Поэтому мы уделяем много внимания в своей работе этой проблеме. Мы стараемся передать юным лучшие традиции и опыт старшего поколения. Ведь преемственность поколений – это великая сила, залог счастливого будущего нашей молодежи.

А.В. Корчевная
Ессентукский краеведческий музей
им. В.П. Шпаковского.
Главный хранитель фондов

Некоторые аспекты изучения мемориальных фондов в Ессентукском краеведческом музее

Цель моего сообщения - представить возможные источники поступления, изучения и исследования личных, персональных коллекций, мемориальных фондов на примере Ессентукского краеведческого музея. Надеюсь, что коллегиальное обсуждение этой темы поможет принятию объективных, правильных решений в дальнейшей фондовой работе нашего музея.

Краеведческими музеями нашего края накоплен большой опыт работы по формированию своих собраний, их изучению и использованию. Работа с фондами является самостоятельным направлением музейной деятельности и требует определенной специализации и профессиональной подготовки. Музейное собрание формируется в соответствии с профилем музея, в целях выявления, собирания, сохранения, изучения и использования памятников истории и культуры в интересах государства и общества. Суть каждого музейного собрания, его информационное ядро определяет основной фонд, независимо от профиля и ведомственной подчиненности музея. Система фондов и коллекций, входящих в основной фонд музея, оказывает влияние на структуру и научную организацию всего музейного собрания. Краеведческие музеи КМВ создавались примерно в одно и то же время (за исключением Пятигорского) и можно увидеть то общее, что их объединяет, но еще более отчетливо просматривается индивидуальность каждого отдельно взятого музея.

Для собраний музеев краеведческого профиля характерны три основных типа музейных коллекций, которые формирует музей в процессе своей деятельности:

1. Типологические (систематические или предметные). Основанием их организации является определенный тип, вид или разновидность источника, например, вещевой источник – керамика, фарфор.
2. Тематические, сформированные из различных типов источников по определенной теме (историческое событие или факт, история организации, предприятия, учебного заведения и т.д.).
3. Личные или персональные, включающие различные источники, относящиеся к жизни и деятельности лица, семьи, рода.

Особое место в собрании нашего музея занимают фонды и коллекции личного происхождения, поступившие в его состав как исторически сложившиеся комплексы из личных архивов отдельных лиц или семей.

Интересны источники комплектования некоторых персональных фондов. Например, фонд Разумовских включает разнообразные коллекции. Это графика и живопись, научные труды, архив профессора Разумовского, личные вещи

Василия Ивановича, переписка сестер Разумовских. Юлия и Софья Разумовские принимали деятельное участие в создании музея в Ессентуках. Юлия – художник, а Софья искусствовед, они передали в фонд коллекцию живописи и графики. Сотрудники музея вели переписку с сестрами, выезжали в командировку в Москву, в мастерскую Юлии Разумовской. Художница в шестидесятилетнем возрасте занялась скульптурой. Изготовив бюст профессора Разумовского, решила передать его в дар ессентукскому музею. Кроме этого, довольно объемный и значимый материал поступил в последние годы. В Ессентуках в 80-е годы прошлого столетия готовился к открытию музей курорта, было отреставрировано здание, подготовлены проект экспозиции и оборудование, закуплены экспонаты, была проведена кропотливая исследовательская работа. В связи с коренными изменениями в социально-политической жизни страны, начиная с 1990-х гг. проект создания музея нашего курорта так и остался проектом. Часть антикварной мебели, закупленной в Санкт-Петербурге для экспозиции этого музея, после долгих и настойчивых переговоров удалось сохранить посредством передачи в музей. А вот личные вещи профессорской семьи постепенно утрачивались. И только в 2001 году, благодаря местным краоведам, мы получили доступ к оставшейся части личного архива семьи Разумовских. На сегодняшний день фонд Разумовских составляет более 2000 единиц хранения, и работа по его изучению продолжается.

В 1886 году Ессентуки посетил московский врач Михаил Степанович Зернов. Его поразило удивительное богатство природных ресурсов курорта и его полное неблагоустройство. Михаил Степанович проникся идеей создать в Ессентуках общество, которое бы занималось устройством этой лечебной местности с учетом заграничного опыта, использованием передовых идей, новых научных знаний и открытий в области бальнеологии. В течение тридцати шести лет доктор Зернов ежегодно приезжал в Ессентуки. Здесь он организовал в 1900 году «Вспомогательное общество Санаторий», которое за небольшой период своего существования развернуло активную работу по созданию и строительству санаториев для малообеспеченных больных. Причем построенные обществом санаторные корпуса оборудовались лучшей мебелью, имели электрическое освещение, был проведен водопровод. Это сегодня мы достоверно знаем, где были расположены эти санатории (сохранился лишь первый корпус), знаем не только тех знаменитых людей начала XX века, кто отдыхал в этих «райских санаториях», нам известны и мельчайшие подробности организации и функционирования системы частной благотворительности. А ведь еще 10 лет назад имя Зернова было известно лишь по почтовым открыткам начала прошлого века, на которых изображался санаторный комплекс «Вспомогательного общества Санаторий» доктора Зернова и с трудом верилось, что эти здания действительно находились в Ессентуках. Задавшись целью получить более полную информацию о столь интересном проекте, осуществленном в Ессентуках в начале XX века, научные сотрудники музея проработали весь доступный материал по «Вспомогательному обществу Санаторий», значительно пополнив багаж знаний по исследуемой теме. Возможность продолжить поиски в архивах, что за пределами края, не рассматривалась по понятным причинам. Помог случай.

Жительница нашего города, краевед, работая с каталогом в РГБ, обратила внимание на знакомые фамилии (имя Зернова в то время было на слуху) авторов книги «За рубежом» (хроника семьи Зерновых).

На тот момент была возможность частично сканировать изображения представителей рода Зерновых, копирование всей книги представляло некоторые сложности (около 500 стр.). Копию книги удалось получить через некоторое время, и самое удивительное, что не из Москвы, а из Пятигорска. Затем были предприняты попытки найти потомков доктора Зернова. Выяснилось, что внук Михаила Степановича – Николай Николаевич живет в Швейцарии и мечтает побывать в Ессентуках. Сегодня фонды нашего музея располагают практически всей информацией о деятельности «Вспомогательного общества Санаторий» под председательством М.С. Зернова. В прошлом году была подготовлена небольшая выставка, отражающая историю возникновения и благотворительную деятельность общества. На здании бывшего Диагностического электро-светового терапевтического института доктора Зернова, расположенного рядом с музеем, благодаря энергии и настойчивости музейных сотрудников, краеведов-общественников и доброй воле нового хозяина открыта мемориальная доска. Вот так непросто и самое главное – иногда очень медленно происходит формирование персональных фондов.

Думается, будет показательной и работа с персональным фондом гидрогеолога Якова Васильевича Лангвагена. Наверное, в каждом музее есть такие мемориальные дела, в которых лишь три документа, и два из них – совсем нечитаемые. Примерно так всё обстояло и с мемориальным делом Лангвагена. В 1993 году, осуществляя передачу мемориального фонда, хранитель рассказывал о запросе в архив КГБ насчет судеб репрессированных, в том числе и о Лангвагене. Через месяц пришел ответ: «Был арестован в связи со шпионской деятельностью, а в 1938 году расстрелян». А еще в музее хранится удивительная коллекция ботанических рисунков Якова Васильевича. Небольшого формата, на очень тонкой бумаге, цветными карандашами и тушью, довольно изящно и почти с фотографической точностью Лангваген зарисовывал флору КМВ. Постепенно фонд пополнялся статьями, исследованиями Якова Васильевича в области гидрогеологии. Значение геологических работ Лангвагена для Ессентуков трудно переоценить. В 1912 году дебит источника № 17 настолько снизился, что это угрожало существованию Ессентуков как курорта. Благодаря каптажу, проведенному Лангвагеном, дебит 17 источника значительно увеличился и получил название «Коренной струи». В память об этом знаменательном для Ессентуков событии в лечебном парке была установлена чугунная колонна с голубем. В 2003 году в музей обратилась жительница Москвы. Она рассказывала, что живет в одном доме с племянницей Я.В. Лангвагена, которая просит сообщить о судьбе дяди Яши. Практически все, что было в рассматриваемом мемориальном деле на тот момент, было откопировано и передано в Москву – Кире Николаевне Головки. В свою очередь, Кира Николаевна прислала нам семейные фотографии, свои воспоминания о Я.В. Лангвагене, что явилось важным дополнением и возможностью продолжения исследования в этом направлении.

Накопленная информация о вышеуказанных персоналиях требует экспозиционного освещения данного материала. И если семья Разумовских представлена довольно емко (выделена мемориальная комната, две выставки были посвящены творчеству Юлии Васильевны Разумовской), то экспедиция, посвященная деятельности гидрогеолога Лангвагена и доктора Зернова в Ессентуках в начале XX века, практически отсутствует. И этот вопрос требует осмысления, т.к. собранный материал обладает информативностью, а аттрактивность, экспрессивность и репрезентативность отсутствуют, а именно эти показатели являются критериями отбора предметов для музейной экспозиции.

С.Л. Кравцова
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Старший научный сотрудник

О коллекции египетских древностей из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея

В фондах музея хранится обширная коллекция памятников из собраний Губернского Музея «Северного Кавказа». Внутри этой коллекции выделяется ряд предметов, относящихся к египетским древностям. Именно об этой коллекции и пойдёт здесь речь. С тем, чтобы обозначить основные вопросы, которые возникли при изучении коллекции и пригласить к разговору специалистов в области египтологии, а также профессионалов музейной деятельности, дабы помочь нам в атрибуции одной из любопытнейших коллекций.

Итак, назовём основные вопросы: действительно ли данные предметы поступили в музей из фондов Губернского Музея «Северного Кавказа», каков источник поступления предметов в его собрания и являются ли названные предметы подлинными памятниками древнеегипетской культуры?

Поисковая деятельность началась с подробного изучения основных юридических документов музейного собрания – книг, поступлений основного фонда и инвентарных книг музея.

Ставропольский государственный краеведческий музей образовался в результате слияния двух городских губернских музеев (1927 г.). К таковым относился Ставропольский центральный народный музей им. М.В. Пправе, образованный в 1905 г. на основе личных коллекций наглядных пособий Георгия Константиновича Пправе, и Губернский Музей «Северного Кавказа», созданный в 1906 г. на базе личных коллекций Григория Николаевича Прозрителева. Поэтому в фондах нашего музея хранятся учетные книги обоих музеев.

Познакомиться с собранием Музея «Северного Кавказа» можно через его инвентарную книгу от 1920 г. (сохранилась лишь одна).

Коллекции Ставропольского центрального народного музея им. М.В. Пправе зарегистрированы в сохранившихся инвентарных книгах музейных экспонатов от 1915 до 1926гг.

В результате работы с этими документами не было обнаружено ни одной записи в инвентарной книге Музея «Северного Кавказа», подтверждающей принадлежность коллекции египетских древностей фондам вышеуказанного музея. Возможно, интересующие нас записи мы могли бы найти в других документах музея, которые, к великому сожалению, не сохранились. Зато в Инвентарной книге № 2 научно – выставочного отдела Ставропольского музея имени М.В. и Г.К. Пправе, начатой в 1926 г., а законченной в 1936 г., мы обнаружили список предметов из нашей древнеегипетской коллекции. Это

важный момент работы, т.к. дата ввода инвентарной книги относится ко времени самостоятельного функционирования музея, тогда как дата её завершения – ко времени действия уже объединённого музея. При подробном рассмотрении списка в инвентарной книге замечено, что ко всем предметам, относящимся к египетским древностям, есть пометки, сделанные старательным сотрудником музея: «1516 Статуэтка стар. № 133 им. М. Пправе. Египет; 1521 Сфинкс 129 М. Пправе». Такие отметки возле каждого описываемого предмета. К предметам из коллекций Музея «Северного Кавказа», относящимся к египетским (в этом же списке), тоже есть соответствующие пометки. Например, «1517 Статуэтка бога *Анубиса*. Сев. Кав.» и другие. Интересно, что запись перенесена из инвентарной книги Музея «Северного Кавказа» абсолютно точно. К сожалению, статуэтка бога Анубиса (а речь идёт, судя по всему, именно об Анубисе) в собрании не фиксируется. Исходя из выше сказанного, можно предположить, что Инвентарная книга № 2 Ставропольского музея им. М.В. и Г.К. Пправе – единственный юридический документ, дающий нам информацию о том, что коллекция формировалась именно в центральном народном музее им. М.В. Пправе, а не в музее «Северного Кавказа» при личном участии Г.Н. Прозрителева, как мы полагали прежде (1, с.241).

Коллекция египетских древностей из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе насчитывает 33 единицы хранения. Наверно, это немного, но для губернского музея – значительно.

Наиболее распространённой категорией памятников в музейных коллекциях египетских древностей являются статуэтки-ушебти («ответчики»). В собрании музея их пять (№№ о. ф. 3495, 3496, 3504-3506). Все фигурки выполнены из фаянса зеленоватого оттенка в форме мумий. Изображения очень схематичные, но можно предположить, что в руках они держат орудия труда. Просматриваются борода и парик. С оборотной стороны фигурки плоские. На них нет надписей – ни имени владельца (ев), которого они олицетворяют, ни заклинаний из текстов 6-й и 151-й глав Книги мёртвых. Исходя из описания, можно предположить, что все пять ушебти из фондов нашего музея относятся ко времени правления XXIV – XXX династий (поздний Саисский период 663-525гг) (2, с. 78.). Значит, они относятся к третьей основной типологической группе статуэток-ушебти Нового царства (3, с.75). Но при условии, что указанные памятники подлинные, а не сувениры или наглядные пособия из коллекций Г.К. Пправе.

Менее распространённой категорией памятников из музейных древнеегипетских собраний являются разного рода статуэтки сфинксов, один из которых составляет предмет гордости Ставропольского краеведческого музея. Сфинкс с телом жука-скарабея (о.ф. 3509) изготовлен, предположительно, из камня. Окрашен в коричневый цвет. На основании-брюшке сфинкса-жука вырезан картуш. Прежде чем мы дадим описание изображения в картуше, необходимо отметить нехарактерный и очень необычный (по нашему мнению) для древнеегипетской культуры рисунок. С двух сторон картуша изображены перья страуса, а внутри – сидящий на царственном кубе-троне фараон, возможно,

сам Осирис. В вытянутых вперёд руках он держит, скорее всего, плеть (в правой) и жезл (в левой). Под кубом столбцовая рисунчатая надпись: глаз «уджат», возможно, изогнутая в локте рука, в которой словно заключён уджат, ещё ниже расположен горизонтальный зигзаг, и вся нижняя надпись ограничена с правой стороны прямой вертикальной линией. Расшифровать означенную тайнопись под силу только специалисту и, таким образом, подтвердить или опровергнуть подлинность памятника. Мы лишь можем предположить, что наш сфинкс-скарабей – один из «сердечных жуков» - священных амулетов с обязательным заклинанием-обращением на них, которые укладывали на грудь мумии, чтобы сердца умерших не свидетельствовали против их обладателей на суде Осириса (4, с. 304, 312).

В коллекции есть каменные фигурки Сокола со сложенными крыльями и сидящего Павлина. Обе статуэтки хранятся под одним № о. ф. 2502.

Статуэтка восседающей на кубе женщины (№ о. ф. 3515) изготовлена из гипса и окрашена. Она полуобнажена, в длинной гофрированной набедренной повязке-юбке из тонкой струящейся ткани. Руки сложены на груди и держат жука-скарабея. Различимы черты лица дамы, взор её задумчив и печален. Голову украшает парик. Аналогий данному экземпляру пока не обнаружено.

Ещё один интересный предмет коллекции – статуэтка фараона, сидящего на троне-кубе (№ о. ф. 3513). Хорошо просматриваются черты лица фараона. Он в парике, убранный на спине в косичку или хвост, возможно, это царский платок «Немес». На груди можно рассмотреть фрагмент ожерелья. Фараон изображён с голым торсом и в гофрированной набедренной повязке с передником в форме трапеции. На спинке куба есть надпись, которая прочитана сотрудником кабинета египтологии Института Востоковедения Ивановым Сергеем Викторовичем в 1989г. как «Владыка Верхнего и Нижнего Египта».

В собрании присутствуют различные ожерелья (№№ о. ф. 3498, 3500, 3501), в состав которых входят амулеты, изготовленные из фаянса голубого и зелёного оттенков с изображениями Уджат, Кошек, довольно условных изображений древнеегипетских богов: Беса, Тота, Таурта (№ о. ф. 3505).

С наиболее типичной иконографией в коллекции представлена статуэтка Осириса, выполненная в бронзе, в форме мумии, с бородкой, заплетённой в косичку. Высокий кеглеобразный головной убор Осириса обрамлен перьями страуса. Руки его сложены на груди с характерными для Осириса атрибутами. Фигурка имеет деревянную подставку.

В статье представлены самые яркие из памятников древнеегипетской культуры из фондов краеведческого музея. К сожалению, на сегодняшний день мы располагаем недостаточной информацией о вышеописанной коллекции. Кроме того, нам не удалось выявить источник поступления указанных предметов в предыдущие собрания и их более подробную историю. Однако надеемся на отклик специалистов и на дальнейшие совместные исследования, которые позволят нам достойно атрибутировать предметы этой удивительной коллекции.

Использованная литература и источники:

1. Малышев А. А. Коллекция античных древностей из Ставропольского краеведческого музея. // Вестник древней истории. 1993. №2.
2. Гонейм М. З. Потерянная пирамида. М., 1959.
3. Хазова Ю. В. Три ушебти из египетской коллекции Государственного музея истории религии // Труды Государственного музея истории религии. 2002. № 2.
4. Монте П. Египет Рамсесов. М., 1989.

А.И. Кругов

Ставропольский государственный университет.

Доцент, кандидат исторических наук

Крестьянское хозяйство Ставрополя в годы Гражданской войны

Гражданская война, создание военно-коммунистической системы, замена экономических стимулов административным воздействием, превратили внутреннюю логику развития крестьянского хозяйства в логику скрытого и явного сопротивления мелкого собственника политике, противоречащей его жизненным интересам. «Наша хозяйственная политика сводилась почти исключительно к политике Наркомпрода, т.е. реквизиционной системе продразверстки, – отмечал Н.И. Бухарин. – При такой системе ... крестьянин лишался интереса, стимула к расширению производства: все равно возьмут все, кроме части на прокорм, сколько ни расширай запашки... Наша хозяйственная политика стояла в объективном противоречии с развитием всего сельского хозяйства: кризис сельского хозяйства должен был обостриться, и он обострился в действительности». Разверстка позволила организовать скудное, но гарантированное снабжение армии, промышленных центров, огромного бюрократического аппарата, отчасти – населения потребляющих губерний, поставленных ликвидацией свободного рынка в зависимость от гособеспечения продовольствием. Но упорядоченная реквизиция сельскохозяйственной продукции «по государственной потребности» вызывала у крестьянства реакцию двух типов: краткосрочную, заключающуюся в сокрытии продовольственных запасов, утаивании пашни, и долгосрочную – отказ засеять больше земли, чем это необходимо для самообеспечения, изменение структуры посева в пользу продовольственных культур, перенос внимания с полевого надела на приусадебный участок. Процесс натурализации, превращения товарного крестьянского хозяйства в потребительское, самообеспечивающее, характерный для 1917-1921 гг., свидетельствовал о стремительной деградации аграрного сектора экономики Ставропольской губернии и Юга России в целом.

Статистические данные позволяют достаточно полно охарактеризовать влияние гражданской войны и политики «военного коммунизма» на ставропольское село. Перепись 1920 г. фиксирует значительное сокращение крестьянских посевов в губернии – на 655,6 тыс. десятин или на 29,88. Это объясняется тем, что частновладельческие хозяйства в русской части губернии, переданные совхозам и колхозам, частью просто ликвидированные, в большинстве своем остались незаселенными, без рабочих рук. Анализируя причины недосева, местные органы исполнительной власти обращались к событиям аграрного передела 1918 г., когда 836 тыс. десятин конфискованной земли раздали безземельным и малоземельным крестьянам. У них (малоземельных и безземельных крестьян, ввиду неналаженности хозяйства,

земля оставалась незасеянной. Отсутствие у крестьян сельскохозяйственных орудий и машин, крайняя земельная необустроенность также назывались в качестве основных причин падения посевных площадей.

Нельзя недооценивать и резко негативное влияние, оказанное на крестьянское производство причинами военного характера: на территории губернии в 1918-1920 гг. развернулись ожесточенные сражения гражданской войны. Однако основными причинами повсеместного сокращения посевных площадей были реакция крестьянства на конфискационный характер действий как белой, так и красной армий, аграрная политика «военного коммунизма», лишавшие земледельца стимулов к расширению производства.

Переориентацией крестьянского двора на самообеспечение в значительной мере было обусловлено сокращение посевных площадей в расчете на одно хозяйство. Если в 1917 г. одно крестьянское хозяйство губернии имело в среднем 11,7 десятин земли, то в 1920 г. – 8,4 десятин. Аналогичные показатели в расчете на душу населения сократились с 1,7 десятин в 1917 г. до 1,3 десятин в 1920 г. За период гражданской войны поголовье скота уменьшилось за этот период на 672,4 тыс. голов или на 28%.

Крайне тяжелым было положение с сельскохозяйственным инвентарем. Переориентация промышленности на выпуск военной продукции и прекращение импорта сельскохозяйственных машин обострили проблему возобновления мертвого инвентаря. Передача крестьянам сложного инвентаря частновладельческих хозяйств не решала этой проблемы, но зачастую приводила к поломкам машин и выводу их из эксплуатации. Средняя обеспеченность крестьянского хозяйства сельхозинвентарем в расчете на 100 сеющих хозяйств выражалась следующими цифрами: на 100 сеющих хозяйств приходилось 55,5 пропашных плугов, буккеров, 54,4 бороны, 8,2 сеялок, 34,6 жнейки, 2,9 сенокосилки, 2 конные грабли и 22,9 зерноочистителя.

Сокращение посевных площадей, упрощение структуры посева, перевод крестьянских хозяйств в режим самообеспечения в значительной степени снимали остроту проблемы нехватки и плохого состояния сельхозинвентаря. Однако техническая отсталость делала затруднительным восстановление аграрного сектора экономики губернии и дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства.

Ликвидация частной собственности на землю и ее уравнительное землепользование по едокам и работникам, целенаправленное воздействие на крестьянское хозяйство государственной аграрной политики послеоктябрьских лет, разрушительные последствия гражданской войны изменили соотношение экономических групп крестьянства губернии. Статистические данные подтверждают наметившуюся в годы гражданской войны тенденцию уменьшения числа беспосевных и, одновременно, увеличения мелкопосевных хозяйств. В то же время на Ставрополье значительно сокращается количество зажиточных, и, в особенности, крупных хозяйств (в 2,9 раза).

Первые законодательные акты новой власти и практическое проведение ею аграрной политики, направленной на нивелировку крестьянства, обозначили, с одной стороны, уменьшение количества беспосевных, безлошадных хозяйств, что

воспринималось властями в целом как благотворный процесс «осереднячивания» села. Между тем, учеными еще до 1917 г. были опровергнуты идущие от народников представления о среднем крестьянстве как об устойчивой социальной группе. «Осереднячивание», произошедшее в результате механического перераспределения земельных угодий, скота и инвентаря, не приобщило ставропольского крестьянина к коммунистическому идеалу, не уменьшило стремление середняка перейти в более высокую имущественную группу. С другой стороны, вместе с сокращением числа зажиточных хозяйств, товарность ставропольского села свелась к минимуму.

Критическое положение на фронтах вынудило правительство провозгласить «политику умиротворения среднего крестьянства». Однако экономические основы союза с середняком в условиях продовольственной диктатуры отсутствовали: факт передачи крестьянам земли и средств производства обесценивался невозможностью продавать хлеб на свободном рынке, намеренный недосев не только вывел из хозяйственного оборота те десятины, которые были получены по «Декрету о земле», но и привел к сокращению довоенных запасов. Охват разверткой все новых и новых видов продукции крестьянского хозяйства делал бессмысленным какое-либо развитие сельскохозяйственного производства.

Продовольственная диктатура, система разверток, т.е. конфискация «излишков», как со стороны «белых», так и «красных», лишение крестьянства права свободного распоряжения продуктами своего труда, ослабили хозяйственные стимулы к расширению запасов и производства продуктов сверх минимума, безусловно необходимого для собственного потребления. Ставропольское крестьянство замкнулось в тесных рамках натурального самообеспечивающего хозяйства. Общее ухудшение положения усугублялось необычайно широким использованием бумажно-денежной эмиссии.

Обложение крестьянства, выросшее по сравнению с довоенным временем, производилось в форме натурального разверсточного налога, не считающегося с платежными силами как отдельных хозяев, так и целых уездов. Лежавшая в основе хлебной монополии мысль о необходимости и возможности изъятия всех излишков, переходивших в прежнее время в виде страхового фонда из года в год, представляло угрозу не только для хозяйственного положения, но и для физического существования крестьянства.

В.Н. Лабур

Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

И.о. заведующего отделом истории казачества

Устойчивость трудовых отношений в семьях ставропольских сел и станиц (на публицистических материалах конца XIX века)

Земледельческий характер работ, устойчивость природного календаря, неизменность орудий труда и трудовых операций на протяжении длительного времени позволяли сохранять традиции распределения трудовых обязанностей в семье. Семьи податных сословий в Российском государстве на протяжении длительного времени играли роль главной фискальной единицы. Государство было заинтересовано в сохранении больших патриархальных семей, а сложившиеся экономические условия, культурные традиции немало способствовали этому.

Распределение обязанностей в семье при выполнении тех или иных трудовых операций возлагалось на главу семьи. В то же время наблюдается четкое разграничение работы по половому признаку. Это разграничение соблюдалось и при распределении работы между членами семьи. Глава семьи никогда не вмешивался в распределение работ между женщинами в семье, даже несмотря на то, что от выполнения этих работ зависело её существование. Он не решал, кто будет печь хлеб, готовить пищу на всю семью, кому ткать полотно и шить одежду, сколько и каких запасов на зиму необходимо сделать. Эти обязанности в семье распределяла старшая женщина, её авторитет в таких вопросах был непререкаем и от её знаний, жизненного опыта, ответственности, добросовестности, умения планировать и предвидеть зависело привычное течение жизни на протяжении дня и устойчивость, стабильность быта на протяжении длительного времени. Роль старшей женщины в семье была настолько велика, что было вполне естественным, когда обязанности в ведении хозяйства и полнота власти главы семьи в случае его смерти переходили к ней.

Глава семьи на весь предстоящий трудовой день определял, кто из членов семьи чем будет заниматься. Это не было окончательным закреплением работы между членами семьи, такое распределение варьировалось, и сами участники не считали это «разделением труда», а называли «известным порядком работы, что на техническом языке называется «подгонять работу». Большие семьи не испытывали недостатка в рабочих руках, «ибо на работу выходило несколько взрослых членов семьи с подростками и работа ко времени всегда у них успевала. Не то, что одиночке бедняку: там не успел, здесь опоздал и в итоге всегда получается мало» (1, с. 191). Поэтому было иным отношение к детям, нежели у

других сословий. «Казак не то, что бедный чиновник: он радуется, когда в его семье много детей – работников мужского и женского пола».

Труд определял взаимные отношения между членами семьи, играл важную роль в воспитании, формировании личности. Детей начинали рано приучать к труду. Каждый получал обязанности в зависимости от способностей и умений и отвечал за выполнение своей работы, внося вклад в работу взрослых. Взрослые старались воспитывать детей в положительном отношении к труду: хвалили за успешное выполнение порученного, подчеркивали значимость ими сделанного в общей работе семьи. Такое отношение со стороны взрослых заставляло последних испытывать чувство гордости за свой труд и воспитывало уважение не только к труду вообще, но и к труду других людей. Особенно ценилась оценка сделанной ребенком работы со стороны постороннего человека.

Недостаток рабочих рук в семьях старались компенсировать с помощью брака, при этом на первое место ставились не чувства вступающих в брак, а именно возможность получить в семью взрослого работника или работницу. И если обстоятельства малой семьи осложнялись затяжной болезнью старших членов семьи, то часто закрывали глаза на малый возраст вступающих в брак (2, с.106) или большую разницу в возрасте между ними. Такое регулирование брачно-семейных отношений потребностью в рабочих руках сохранялось и в конце XIX века, несмотря на развивающиеся рыночные отношения и большие возможности в использовании наемной силы (3, с.33).

Общественное мнение закрепляло уважение к труду. В населенных пунктах сельской местности особым почетом и уважением пользовался человек, который хорошо работал – «хозяин», эффективно ведущий хозяйство семьи. К слову, к мнению такого человека прислушивались на общественных сходах, к опыту, знаниям прибегали при решении важных вопросов, затрагивающих интересы всех. Самостоятельность, крепкое хозяйство такого хозяина были неоспоримым примером в глазах окружающих. Общественное одобрение, уважение хорошего, рачительного хозяина и осуждение нерадивого, ленивого были стимулом в выборе поведения, как в обществе, так и в семье.

Использованная литература и источники:

1. СМОПМК, вып.5. Тифлис, 1886.
2. СМОПМК, вып.1. Тифлис, 1881.
3. Акинфиев И.Я. Путешествие по югу России и Северному Кавказу. Екатеринослав, 1893.

С.И. Маловичко
Ставропольский государственный университет.
Профессор, доктор исторических наук

Новые исследовательские практики изучения местной истории: новая локальная история

В современном мире ширится интерес к проблемам регионалистики, локальной (местной) истории. Как отмечал на XIX Международном конгрессе исторических наук (Осло, 2000) руководитель секции «Регионы и регионализация» Эйнар Ниemi: «В последнее время историки всё больше интереса проявляют к формированию современных регионов и к региональным процессам... Отмечается движение в сторону междисциплинарного изучения процессов региональной интеграции, с концентрацией на культурных барьерах, культурном разнообразии, идентичности и этничности» (1, с.284).

Усиливающееся внимание к проблемам исторического краеведения, региональной и локальной историй в нашей стране можно объяснить не только ростом историзма в обществе, но отходом от жёстко централизованной модели власти, ослаблением внимания государства к национальной истории. Национальному тождеству, основанному на континуитете с прошлой мифологизированной историей национального, а затем жёстко идеологизированного союзного государства бросила вызов коллективная память локальных сообществ, не вписанных в эту национальную историю. Демистификация национальной, государственной истории происходит в период появления гражданского общества. Государства уже не могут «наслаждаться сильной властью... над средствами коллективного обозначения» (commemoration), а коллективная память (collective memory) становится все более и более «оспариваемым ландшафтом» (contested terrain) (2, P.51-66).

Постмодернистское влияние на историографию содействовало усилению «фрагментации» исторического знания, отходу историков от исследовательских полей политической и национальной историй в пределы *матрицы деталей*. Профессиональные историки обратили внимание на концепты «партикуляризм», «локализм», «регионализм», «относительный автономизм», «непропорционализм» и т.д., заинтересовались деталями и содержанием (3, с.363).

Новая историографическая парадигма (историческая реальность представлена и социально, и культурно), закладываемая как микроисториками, так и представителями «новой исторической науки», подрывает традиционное различие между тем, что представлялось «главным» (национальная история) в исторических исследованиях и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Одним из путей, который позволяет уйти от *метанарратива*, является путь изучения культурного разнообразия; отказ от *евроцентризма* (до сих пор укоренённого в российской историографии) даёт возможность задуматься над

концептами «микромодерности», «альтернативные модерности», «множественные модерности» и т.д. и начать изучение обществ не по «единой модели», а в рамках *локальной истории* (4, с.10-19). Именно рефлексия о современном состоянии исторического знания и перспективах изучения национальной и местной историй позволила московским и ставропольским историкам начать процесс институциализации направления «новая локальная история» и создать одноименный научно-образовательного центр (НОЦ) на базе Ставропольского госуниверситета.

Местные историки редко (если когда-либо вообще) вникали в многочисленные детали когнитивных импликаций своих предложений о том, как следует изучать прошлое. Однако осознание недостаточности традиционной критики источников, эрудизма, фактографического транслирования материала, поставили современных историков перед методологической и эпистемологической проблемами. Им приходится решать вопросы соотнесения исследовательских тем и/или проблем с включаемыми в исторический дискурс эмпирическими и теоретическими конструктами. Возникла потребность находить логическую достаточность аргументации, нарративизации и/или литературного оформления знания, критериев и нормативов, позволяющих «вписаться» в современное информационно-коммуникативное поле ещё более профессионализирующейся историографии (5, с.10).

Историографическая практика *новой локальной истории* покоится на рефлексии над собственными профессиональными проблемами. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками. Такое утверждение покоится не только на рефлексии о новой локальной истории, не имеющей твёрдо установленных образцов, примеров, или аналогий, на которые можно было бы опереться, отсутствие моделей, с помощью которых мы могли бы переформулировать свои проблемы. Деятельность НОЦ «Новая локальная история» строится на новейших достижениях мировых историографических практик. Тем не менее, вслед за Ф.Р. Анкерсмитом мы отмечаем, что «исторический ландшафт» не дан историку; историк должен его построить сам. Нарратив (рассказ историка) не является проекцией исторического ландшафта или некоего исторического механизма, прошлое лишь конституируется в нарративе (6, с.128).

При всём том современная историографическая культура ориентирует нас на изучение социокультурного контекста ставропольской и северокавказской историй, и такое изучение осуществляется в первую очередь через дошедшие до нас тексты, через признание присущего им принципа самодостаточности исторического источника. В связи с этим первой кросс-исторической областью выбрано до сих пор у нас не разработанное направление – ***компаративное источниковедение ставропольской истории***. Научно-методологический характер работы в этой области связан как с выявлением гносеологических и онтологических свойств местных исторических источников, так и с определением многофункциональности самого понятия «источник ставропольской истории». Разработка проблем ставропольского источниковедения сегодня переориентирует

внимание исследователя с традиционного отношения к источнику как «материальному объекту» на источник как «гуманитарный атом», с особой коммуникативной структурой. Начинается работа с письменными источниками по региональной истории, определение их классификационных ступеней и выяснение их роли в процессе исследовательской деятельности (7, с.17-28).

Интеллектуальная история российской провинции исследует продукты мыслительной деятельности известных и забытых деятелей местной истории. Изучение трудов местных историописателей осуществляется посредством «глубокого прочтения» исторического нарратива второй половины XIX – начала XXI вв. С позиции «наблюдения за наблюдателем» обращается внимание на методологический инструментарий авторов, работу исследователей с источниками и интерпретации последних. Внимание концентрируется на устройстве текстов, их содержании и формах, средствах выражения, семантики понятий, намерений авторов, своеобразии риторических способов конструирования исторического нарратива, включенность в среду нормативного профессионального знания, уровни внутродисциплинарной коммуникации, паттерны, присущие местной историографии (8, с.97-113; 9, с.415-422).

Много нового для исследователя локальной истории дают **городская и сельская истории**. Микроисторические исследования помогают на конкретно-исторических примерах интерпретировать процесс социокультурных изменений в прошлом городов Ставрополя и Северного Кавказа. Эту проблему микроистория решает посредством укрупнения масштаба исследования подробным изучением локального, кратковременного и сугубо индивидуального в их исторической конкретности. Одним из ключей изучения городской истории, как и любого иного сообщества, становится формула «город как общность, основанная на различии»; в этом случае объекты исследования открываются не только своей мультисоциальной, но и мультикультурной стороной (4, с.16,18).

Внимание современной исторической науки к Человеку, переориентация на изучение его внутреннего мира, частного и общественного поведения, а также его повседневной жизни, привели к вычленению из рамок исторической антропологии **истории повседневности** (и близкой по проблематике истории частной жизни). Перед занимающимся повседневной историей исследователем стоит сложная проблема поиска соответствующей архивной информации, выявления содержащих такую информацию документальных комплексов и отдельных документов.

Прекрасные перспективы в рамках ставропольской новой локальной истории имеет **устная история**, предметом изучения которой становится коллективная память и ставропольская идентичность, а также роль устной истории как посредника между памятью и историей. Отдельно могут быть рассмотрены вопросы о роли памяти в социальной и/или коллективной идентичности, существовании разных моделей воспоминаний об одних и тех же событиях, их интерпретация и т.д.

Одной из ведущих кросс-исторических областей в исследовательской деятельности Центра становится **история пограничных областей** (borderlands history), которая изучает историю зон культурного обмена между коренными

жителями Северного Кавказа, а также прибывавшими представителями восточнославянских и других этносов. Исследование структуры границ и «швов» этнических областей, их демографическое, культурное, экономическое и другое развитие предполагает изучение не только «колониальных» источников, но и источников новейшего времени преимущественно в поле междисциплинарной методологии.

Говоря о деятельности НОЦ «Новая локальная история», мы отдаём себе отчёт, что каждая попытка определить часть исторической реальности может удовлетворять только часть историков, но никогда всех. Поэтому выступаем за возможность конкуренции множества историографических практик, изучающих местную историю.

Использованная литература и источники:

1. Большакова О.В. Регионы и регионализация // XX век: Методологические проблемы исторического познания. В 2 ч. Ч.2. М.,2002.
2. Levy, Daniel. The Future of the Past: Historiographical Disputes and Competing Memories in Germany and Israel // History and Theory. 1999. Vol.38. No.1. February.
3. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология. М.,2003.
4. Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Вып.2. Ставрополь, 2004.
5. Маловичко С. И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Ставрополь, 2003.
6. Анкерсмит, Франк. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.,2003.
7. Маловичко С.И., Казаков Р.Б. Ставропольская старина взглядом «новой исторической науки» // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика. Ставрополь, 2002.
8. Маловичко С.И. Эрудитский тип исторического знания в российской провинциальной историографии XIX века // Новая локальная история. Вып.1. Ставрополь, 2003.
9. Булыгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад – Россия – Кавказ. Вып.2. Ставрополь; М., 2003.

И.Б. Малявко
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
Старший научный сотрудник

Ставропольский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны все силы страны были мобилизованы на решение задачи скорейшего разгрома врага и освобождения страны от гитлеровских захватчиков. В условиях, когда Отечество оказалось в опасности, музеи, наряду с другими политпросветучреждениями страны, вносили свою лепту в решение этой общенациональной задачи (1, С.2).

Ворошиловский краевой музей краеведения (так именовался Ставропольский краеведческий музей в 1941-1943 гг.) с первых дней войны перестроил свою работу так, чтобы «она была подчинена интересам Отечественной войны» (2).

Уже в июле-августе 1941 года в музее было организовано 16 выставок патриотической направленности. Выставки, которые экспонировались в госпиталях, воинских частях, истребительном батальоне, на стадионе Динамо города Ворошиловска, за июль-август того года посетило 7480 человек (3).

Три четверти музейного здания было передано воинским частям, поэтому часть экспозиций пришлось свернуть. Смета и штаты были сокращены наполовину. Обстановке военного времени соответствовало и оформление здания музея: по фасаду выставлялись стенды с ежедневно обновляемыми материалами ТАСС, а в 1944-1945 гг. – стенды «Родной Ставрополь освобожден», «Отважные партизаны», «Ставрополь – фронту» и другие.

Для воинских частей и госпиталей, расположенных в городе, музей выделял во временное пользование свои экспонаты. Госпиталю № 1668 были переданы четыре картины В.С. Шлепнева и Ф.М. Черноусенко. Воинским частям была передана фотосерия «Героическое прошлое русского народа», портреты вождей и географические карты.

Музей, который в 1941 году включал четыре отдела, – истории, социалистического строительства, природы и художественная галерея – перестраивал свою работу в соответствии с задачами военного времени. Раздел экспозиции «Военная интервенция и гражданская война» был дополнен материалами о борьбе против немецких оккупантов в 1918 году. В целом, обращение к примерам ратных подвигов наших предков, к именам выдающихся русских полководцев, составивших славу Отечеству на протяжении его многовековой истории, – отличительная черта воспитания высокого морального духа нашего народа в годы Великой Отечественной войны.

Условия военного времени, безусловно, не могли не сказаться на кадрах музея. К августу 1941 года штаты музея, составлявшие в июне 1942 г. 42 человека, были сокращены до 16 человек. В 1944 году в музее работал 21 человек, причем научных сотрудников – всего 4 человека. Часть сотрудников музея была мобилизована в армию. Иван Григорьевич Ключников, заведующий отделом социалистического строительства, служил в истребительном батальоне города Ворошиловска. Погиб 3 августа 1942 года. В декабре 1944 года в действующую армию был призван фотограф музея Виктор Васильевич Палей (4).

Летом 1942 года, в период наступления гитлеровцев на Северный Кавказ, сотрудники музея принимали участие в оборонительных работах, несли дежурства по охране здания музея (5). Тяжелым бременем легла на его сотрудников работа на лесозаготовках и торфоразработках.

Сотрудники музея собирали вещи для семей красноармейцев, книги для воинских частей, располагавшихся в городе. Регулярно к праздничным датам собирали подарки для бойцов Красной Армии. Для поддержки фронта неоднократно реализовывался заем, отчислялась часть и без того скудного заработка в фонд добровольческой дивизии (6).

Материальное положение сотрудников музея было исключительно тяжелым. Средняя заработная плата в 1942 году составляла всего 300 рублей. Сотрудники получали хлебные карточки, талоны на питание в столовой. Приносили из дома продукты и по очереди варили горячий обед, чтобы выжить в этих условиях.

С 3 августа 1942 года, когда город Ворошиловск был оккупирован гитлеровцами, в жизни краеведческого музея наступает особый период. Наступление гитлеровских войск было столь стремительным, что вывезти коллекции музея просто не успели. Гитлеровское командование, обосновавшееся в городе, объявило о продолжении работы Ворошиловского музея краеведения. Функционировал однако только отдел природы (7). Об этом свидетельствуют и дневниковые записи офицера гитлеровского Вермахта Эрнса Юнгера, сделанные в Ворошиловске с 24 ноября 1942 по 8 января 1943 года.

Архивные документы неопровержимо свидетельствуют, что на самом деле обстановка была не столь идиллической. С самого начала оккупации гитлеровцы начали грабить музей. Немецкие генералы забрали для украшения своих квартир наиболее ценные картины музея. В частности, полотно И.К. Айвазовского «Черное море», В.В. Верещагина – «Дервиш», А.Васильева – «Сумерки», Гофмана – «Диана», картины В.С. Шлепнева «Смотрини невест во время вечернего разбора воды», «Бой под Воздвиженкой», «Горцы спускаются в аул на Кольцо», а также изделия из фарфора и хрусталя. Полностью были разграблены этнографические коллекции: старинного оружия, одежды, обуви и орудий труда горских народов. Была похищена богатая коллекция платиновых, золотых, серебряных монет и медалей. По идеологическим соображениям почти полностью были уничтожены экспонаты отдела социалистического строительства (8).

Все предметы церковного культа, находившиеся в антирелигиозном музее, который располагался в двух комнатах первого этажа краеведческого музея, представителями немецкой комендатуры были также изъяты.

Неоценимый вклад в спасение коллекций музея внесли заведующий отделом истории Т.М.Минаева, хранитель фондов С.Н.Усенко, секретарь-машинистка Сухачева М.Ф. Они спрятали часть коллекций в тайниках, замаскировав их под грудями мусора. К сожалению, документы содержат и сведения о том, что И., один из сотрудников музея, «способствовал порче и изъятию музейных ценностей, при его содействии захватчиками были обнаружены тайники, а затем вещи вывезены» (9)

После изгнания гитлеровцев из города в музее была создана комиссия, которая, подсчитав ущерб, констатировала, что гитлеровцами было уничтожено и вывезено 12 тысяч экспонатов, 2375 книг из библиотеки. Общая стоимость ущерба в отношении экспонатов составляла 4 559 580 рублей (в ценах 1943 года), а материальных ценностей – 500 000 рублей (10).

После освобождения города краеведческий музей, в котором к тому времени работало всего 9 человек, начал восстанавливать свою работу. Здание было заново остеклено. Сотрудники очистили помещения от мусора. Под одной из куч мусора были обнаружены (вероятно, спрятанные там сотрудниками от немцев) два ценнейших экспоната: лист груши с запиской наibu Талхику, подписанный Шамилем, и картина Гофмана «Диана» (11). Уже через месяц после освобождения города, 23 февраля 1943 года, музей открыл свои двери для посетителей.

Комплектование фондов в эти годы соответствовало духу времени. Особый акцент делался на «сбор и обработку материалов о героях Отечественной войны – наших земляках» (12). Первые предметы по данной теме поступили в самый разгар войны, за месяц до вторжения гитлеровцев на территорию края. Это была подборка плакатов, призывающих граждан страны встать на защиту Отечества. В период оккупации Ставрополя (с августа 1942 по январь 1943 г.) комплектование музея экспонатами было прервано. После освобождения края от гитлеровцев руководством музея, совместно с крайкомом комсомола, были разосланы письма и памятки по сбору материалов о Великой Отечественной войне.

В 1944 году, по заказу краеведческого музея, художником Разумовской из Ессентуков была написана картина «Разрушения, произведенные фашистами». В декабре 1944 года на хранение были переданы бесценные раритеты – шефские знамена 53-й кавалерийской дивизии и 16-го кавалерийского полка.

В 1945 году сотрудниками музея была проведена работа по сбору материалов, связанных с периодом оккупации Ставропольского края. Произведены зарисовка братской могилы у Холодного родника и бывшего немецкого аэродрома на западной окраине Ставрополя, описание мест, связанных с заключением советских граждан в этот период.

Часть экспонатов, поступивших в фонды музея в годы войны, представляли трофеи – обмундирование, знаки различия военнослужащих Вермахта, а также газеты периода оккупации. В послевоенные годы трофейные вещи, а также

окупационные газеты по идеологическим соображениям были изъяты из музейного фонда.

К сожалению, в годы войны поступления подлинных вещей участников войны были единичными. Основную массу составили материалы агитационно-пропагандистского плана: плакаты, листовки, портреты военачальников и вождей, прежде всего скульптурные и живописные портреты Сталина.

Работа отдела природы строилась с учетом потребностей военного времени. В частности, разворачивались выставки, имеющие военно-оборонное значение (лекарственное сырье края).

Научно-исследовательская работа велась в крайне тяжелых условиях. Но несмотря на обстановку военного времени, все же выделялись небольшие средства на сбор естественно-исторического и исторического материала, реставрацию экспонатов, ремонт здания. Сотрудники отделов истории, природы (1944 - 1945 гг.) выезжали в научные командировки в Краснодар, Орджоникидзе, Черкесск, Нальчик, на курсы музейных работников в Москву (13).

Особо следует отметить плодотворную научную работу заведующей отделом истории Тамары Максимовны Минаевой. В 1944-1945 годах при ее непосредственном участии были обследованы археологические памятники Ставропольской возвышенности, выявлены неизвестные ранее археологические памятники на территории Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии и других районов.

В 1944 году музей возобновил работу Ученого Совета, в состав которого вошли представители краевого комитета ВКП (б), краевого отдела народного образования, преподаватели сельскохозяйственного и педагогического институтов, Суворовского училища, а также сотрудники противочумной станции и химбакинститутов.

Научно-просветительная работа музея в годы Великой Отечественной войны имела свои особенности. Она была сориентирована на школьников, военнослужащих и воспитанников Суворовского училища, которые составляли половину всех посетителей музея в те годы. Для воспитанников Суворовского училища в музее реализовывался специальный учебный план, включающий экскурсии по древним памятникам Ставрополья. Внемузейная работа строилась также с учетом изменившейся обстановки – разработаны экскурсии по местам, где в период оккупации были замучены мирные граждане. После оккупации края наметилась тенденция к росту посещаемости музея. Количество посетителей выросло с 50 тысяч человек в 1944 году до 60 тысяч человек – в 1945 году (14).

Таким образом, Ставропольский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны сумел перестроить свою работу в соответствии с особыми условиями, в которых оказалась страна. Комплектование фондов, экспозиционно-выставочная, научно-исследовательская и массовая просветительная работа соответствовала и требованиям военного времени. Особое значение в этот период придавалось сбору материалов по истории Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что во время немецко-фашистской оккупации края здание музея и его экспозиции подверглись частичному разрушению, сотрудники сумели сохранить основные музейные коллекции. Их подвижническая деятельность в

период военного лихолетья позволила старейшему на Северном Кавказе музею развиваться в послевоенные годы.

Использованная литература и источники:

1. Серебренников Г.Н. О походе в музейно-выставочной экспозиции Великой Отечественной войны советского народа с немецкими оккупантами. Москва. 1942.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.645. Оп.2. Ед.хр.160. Л.83.
3. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.160. Л.83.
4. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.169. Л.18; Оп.3. Ед.хр.2. Л.12; Оп.3. Ед.хр.1. Л.11.
5. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.170. Л.29.
6. ГАСК. Оп. 2. Ед.хр.166. Л.1-2; Ед.хр.169. Л.56.
7. ГАСК. Оп.2. Ед.хр. 170. Л.15.
8. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.170. Л.6
9. ГАСК. Оп.2. Ед.хр. 170. Л.29
10. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.170. Л.6
11. ГАСК. Оп.3. Ед.Хр. 11. Л.2
12. ГАСК. Оп.2. Ед.хр.156. Л.48.
13. ГАСК. Оп.3. Ед.хр.12. Л.13-14
14. ГАСК. Оп.3. Ед.хр.3. Л.13; Ед.хр.18. Л.3

Т.В. Мозгова

Ставропольский государственный краеведческий
музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Младший научный сотрудник

Физико-географическая характеристика станицы Беломечётской и её окрестностей

В мае 2004 года сотрудниками Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе проводилась этнографическая экспедиция в станицу Беломечётскую. Целью работы являлось не только изучение особенностей быта, традиций местного населения, но и описание окрестностей станицы. Географическое и административное положение само по себе особенное: станица находится на правом берегу р.Кубань, в месте её слияния с р.Малый Зеленчук, на самой границе Кочубеевского района Ставропольского края и Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской республики. Здесь река глубоко врезается в толщу песков, песчаников и глин прибрежно-морского происхождения, их возраст – средний миоцен, чокракский ярус. В осыпи правого берега геологом А.В. Дановым была обнаружена среднемиоценовая фауна наземных млекопитающих (копытные, хищники и другие), носящая название анхитериевой. Находки этой же фауны были сделаны около хутора Яман-Джалга к востоку от Беломечётской.

Большой археологический интерес представляет противоположный берег Кубани: на правом берегу ручья балки Смертной находится средневековое городище Аъжи-Кале (местность называется Акъ-Мечеть).

Геоморфология определяет своеобразный, очень сложный рельеф данной местности, расположенной в предгорном районе. Крутые склоны балок, изрезанных оврагами и глубокими промоинами, с обширными оползневыми зонами – это следствие бесконтрольной хозяйственной деятельности (выпас скота) и действия грунтовых вод. Грунтовые воды здесь имеют горько-солёный вкус за счёт карбонатных солей, образующих при кристаллизации гипсы.

В климатическом отношении станица расположена на стыке зон неустойчивого и достаточного увлажнений. Среднегодовая температура - +8,7°C. Среднее число засушливых дней в весенне-летний период составляет 55, с отклонениями в отдельные годы до 88. Осадки в течение года выпадают неравномерно. Уровень среднегодовых осадков – 523 мм. Преобладающее направление ветра – юго-восток – северо-запад. В последние годы наблюдается влияние ледников Главного Кавказа.

Почвы представлены в основном чернозёмами: предкавказскими (около 30%) и предгорными, выщелоченными тяжёлосуглинистыми и суглинистыми (до 45%). Мощность гумусового горизонта на этих почвах составляет 18-49 см.

Здесь представлена растительность степного типа, интрозональными являются сообщества пойменных лугов и лесов.

Животный мир представлен в основном мелкими формами: мышевидные грызуны, хорёк, тушканчик, ласка, горноста́й. Из крупных животных много лис, встречается заяц, иногда волк, кабан.

В июне 2002 года произошло сильное наводнение, которое вызвало появление новых протоков реки с глубокими ямами и внесло некоторые изменения в растительном покрове. Несколько изменился состав трав, например, исчезли мятлик, крапива; стали преобладать осоковые; на местах высохших стариц появился камыш. По-видимому, причиной таких изменений являются отложения ила, которые похоронили все низкорослые формы. Однако спустя два года можно видеть, что экосистема поймы адаптировалась, и уже наблюдаются позитивные изменения в природе описываемой местности.

И.В. Нахаева

Ставропольский государственный университет.
Доцент, кандидат исторических наук

Рукописи Г.Н. Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв.

Г.Н. Прозрителев работал присяжным поверенным в окружном суде, где вел дела «инородцев». Во время поездок по делам службы имел возможность непосредственно знакомиться с культурой и бытом населения Северного Кавказа. В фондах краеведческого музея содержатся важные сведения о социально-экономической истории кочевых обществ степного Предкавказья в XIX – начале XX вв. Подобные данные об экономическом положении калмыков и туркмен находятся в фонде №2 (фонд Г.Н. Прозрителева). В нем собраны материалы, касающиеся управления внутренними «инородцами», как они именуется в законодательных документах Российской империи. В одной из единиц хранения имеются подробные данные об изменении управления кочевыми народами на протяжении всего XIX в., заканчивая законом от 16 марта 1892 года (отмена крепостного права у калмыков). Г.Н. Прозрителев подробно описывает структуру органов управления калмыками, показывая, какие изменения претерпевает власть привилегированных калмыцких сословий: нойонов и зайсангов, как постепенно их функции в калмыцком обществе становятся формальными. Но вместе с тем, российская власть не лишила полностью нойонов и зайсангов их властных функций. «Управление улусное составляли: нойоны (владельцы), а в казенных улусах Правители, на которых лежали хозяйственно-административные обязанности... Кроме того, на правах судебных инстанций первой степени были учреждены улусные Суды, составлявшие в каждом улусе под председательством нойона владельца или Правителя улуса, из Улусного Попечительства, Помощника его и двух заседателей – зайсангов» (1). Таким образом, российские власти действовали осторожными мерами, не лишая полностью управления нойонов и зайсангов. Социальная структура калмыцкого общества XIX в. нашла свое отражение в законодательных документах, касавшихся привлечения кочевников к оседлости. Фонд Г.Н. Прозрителева содержит «Инструкцию о заселении дорог, пролегающих через калмыцкие степи». Согласно этой Инструкции, тем из калмыков, которые изъявляют оседло водвориться в степи, назначено было отводить нойонам-владельцам по 1500 дес., зайсангам-аймачным – по 400 дес., безаймачным по 200 дес. и калмыкам-простолюдинам по 30 дес. на душу»(2). Таким образом, рукописи Г.Н. Прозрителева основываются на законодательных документах и отражают их претворение в жизнь. Автор отмечает, что «обнаружилось существенное различие в бытовых и экономических условиях калмыков, обитающих в Астраханской губернии с их единоплеменниками, живущими в губернии Ставропольской. В то время как первые остаются донные

(1903-Прим. автора) кочевниками-скотоводами. Ставропольские калмыки почти не отличаются по образу жизни и занятиям от оседлого сельского населения»(3). Важно отметить, что, не смотря на положительные сдвиги в обустройстве земледельческим хозяйством калмыков Большедербетовского улуса, что подчеркивают сведения, собранные Г.Н. Прозрителевым, он являлся сторонником крайне негативной точки зрения по поводу российского влияния на социально-экономический уклад жизни «инородцев».

Речь идет о «Положении» от 10 марта 1825 г. «Это положение имело ту существенную особенность, что оно присвоило нойонам название «владельцев» и «господ», и калмыков-простолюдинов назвало «собственными людьми». Таким образом, как бы узаконились «крепостные отношения», чего на самом деле никогда не было у калмыков. Крепостного строя у калмыков не было, тем более, что не было у них и земельных отношений, которые бы дали возможность развить подобную зависимость (4, с.39).

Таким образом, Г.Н. Прозрителев относился отрицательно к изменению законодательными мерами социально-экономического уклада жизни. Но в то же время в другой своей рукописи отмечает силу власти нойона над калмыками, и только закон от 16 марта 1892г. освободил калмыков-простолюдинов от крепостной зависимости. «До освобождения в начале XIV века калмыки находились в безграничном владении нойонов, с отменой крепостного права нойоны лишились своей власти над народом и только сохранили право на получение албана (подать). Нойоном в Большедербетовском улусе был Гахаев. Отношение калмыков к нойону выражалось в беспредельной преданности и глубоком уважении, доводимом до обожания. Права нойонов были безграничны и доходили даже до продажи целых селений» (5).

Таким образом, по мнению Г.Н. Прозрителева, представители «белой кости» издревле пользовались почитанием в своем народе. Но вместе с тем, в другом вышеназванном труде исследователь считает, что именно российские власти узаконили крепостное право у калмыков. Стоит отметить, что подобная точка зрения крайне противоречива и не всегда с ней можно согласиться.

Интересные сведения о социально-экономической жизни кочевых народов степного Предкавказья содержатся и в других рукописях. Особый интерес для исследователя представляют две рукописи: «Крепостное право на Северном Кавказе» (6), в которой в большинстве своем рассматривается изменение образа жизни кочевых народов, определение территории их обитания и ценный статистический материал о повинности населения. Но хотелось бы остановиться на второй рукописи – «Гибнущий народ» (7), которая была написана в 1914 году. Автор анализирует пребывание туркменского народа на территории Северного Кавказа на протяжении длительного исторического времени.

Г.Н. Прозрителев рисует весьма контрастную картину жизни туркмен со времен прихода в степное Предкавказье и до настоящего времени (1914) «Кавказские степи были счастливым днем для народа» (8), «размеры земли, предоставленной в пользование туркмен, были так велики, что кочевки никоим образом не стеснялись» (9). Автор описывает идиллическую жизнь туркмен, которые только пользовались землею, а не владели ею, таким образом, у них

отсутствовали крепостнические отношения. В 60-е годы XIX века, в связи с проведением земельной реформы, туркмен стали привлекать к оседлому образу жизни, выделяя по 30 дес. на 1 душу. Но кочевники не обладали должными умениями и навыками земледельческого труда. Туркмены стали её сдавать в аренду. Не всегда условия аренды были взаимовыгодными, «началась и широко охватила народ эксплуатация со стороны русских крестьян, которые набирали по несколько душевых наделов. При этом сделки эти совершались за бесценок, обыкновенно давалась туркмену плитка калмыцкого чая, стоившая в то время 1р.50 к. – 2рубля» (10). Подобное положение дел сохранялось до назначения Главным приставом Коневского, который упорядочил аренду земли. Г.Н. Прозрителев дает блестящий материал о первых оседлых аулах туркмен (Кучерли, Маштак-Кулак, Чур и других). В связи с усилившимся потоком переселенцев из центральных губерний, ареал расселения кочевых народов сокращалось. Туркмены лишались своих кочевий, имущественная дифференциация в их обществах усилилась. Все больше и больше становилось байгушей (бедняков). Отсюда название рукописи – «Гибнущий народ».

Таким образом, Г.Н. Прозрителев являлся сторонником той точки зрения, что кочевая жизнь туркменов ушла в прошлое, а оседлая жизнь еще не была обустроена должным образом.

Подводя итоги, можно отметить, что работы Г.Н. Прозрителева являются ценным источником, характеризующим социально-экономическую жизнь кочевых обществ степного Предкавказья. Стоит отметить, что Г.Н. Прозрителев был объявлен почетным гражданином Большедербетовского улуса.

Использованная литература и источники:

1. СГКМ. Ф.2.ед.хр.99.Л.1.
2. СГКМ. Ф.2.ед.хр.99. Л.2а.
3. СГКМ. Ф.2.ед.хр.99. Л.8.
4. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Труды Ставропольской ученой комиссии. Ставрополь, 1912.
5. СГКМ. Ф.2. ед.хр.96.Л.12.
6. СГКМ. Ф.2. ед.хр.90.
7. СГКМ. Ф.2. ед.хр.61.
8. СГКМ. Ф.2. ед.хр.61, л.1.
9. СГКМ. Ф.2. ед.хр.61, л.1.
10. СГКМ. Ф.2. ед.хр.61, л.8.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

М.В. Нечитайлов
Ставропольский государственный университет.
Аспирант

Мифы Кавказской войны

Кавказская война, как и всякий военный конфликт, породила свои мифы и легенды. Мифотворческая тенденция не исчезла, свидетельством чему мифы о Шамиле, о «геноциде» и другие. Исторические мифы Кавказской войны можно условно разделить на две группы. Здесь мы рассмотрим первую из них – мифы, как следствие «добросовестных» заблуждений, связанных с неверным истолкованием источника, а именно – два эпизода из области военного дела времен Кавказской войны. Эту проблематику нередко окутывает плотная пелена мифов, и многие авторы по-прежнему далеки от понимания реальной сути происходивших здесь процессов (см., например: Скиба К.В., 2004, 38-39). В истории Кавказской войны остается еще немало загадок и темных мест, число которых, однако, не стоит приумножать за счет беспочвенных построений и гипотез. Крайности легки, но истина всегда лежит посередине, и задача исследователя – приблизиться к ней.

МИФ ПЕРВЫЙ. В 1833 г. штабс-капитан Генштаба И. Бларамберг писал: «Черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копыя край кольчуги и протыкают черкесов пикой на полном скаку» (И. Бларамберг, 1999, 136-137). Отрывок почти дословно («приподнимать панцырь») заимствован у Г.-Ю. Клапрота – 1807-1808 гг. (АБКИЕА, 266). Однако сложнее определиться с достоверностью текста. «Честно говоря, - признаются исследователи, - мы не можем представить себе, как в суতোлке боя, да еще на полном скаку можно проделать такой прием» (Матвеев О.В., Фролов Б.Е., 2000, с.25). Усомнимся в реальности этого сообщения и мы.

I. Черноморская пика, при длине 3,2 м (Матвеев-Фролов, с.27), весила порядка 23 кг (Кулинский А.Н., с.136). Поэтому трудно представить, как казак «на полном скаку» мог зацепить кольчугу, поднять ее и проткнуть врага острием: даже чтобы просто попасть копьем в движущегося человека, необходимо долго и упорно тренироваться.

II. Если буквально следовать тексту, горец должен был сидеть в седле и ждать, пока казак поднимет кольчугу и пронзит его пикой. Но всё это происходило не на месте, в спокойной обстановке, а на скаку, более того – в разгар схватки, когда черкес вертелся, изгибался, кружился вместе с конем, уклонялся от ударов и выстрелов – кольчуга (что бы ни писали И. Бларамберг и Д. Белл) (АБКИЕА, с.363, 499) может защитить только от холодного оружия.

III. Чтобы проделать такую операцию, необходимо было участие, как минимум, двух казаков. Первый должен был «на скаку» поднять кольчугу, а второй – проткнуть незащищенного горца. И неужели горец собирался ждать, пока его пронзят пикой? Может быть, он останавливался, чтобы дать

возможность казакам проделать всю эту операцию, или сам удерживал задранную кольчугу, пока казак управлялся с пикой? Проще было при непосредственном столкновении налететь на черкеса с разгону и выбить его ударом пики из седла. Последствия такой сшибки, в отличие от мифического приема Бларамберга, для горца были бы плачевны. Либо казачье оружие нанесло ему смертельную или тяжелую рану, либо же, если сила удара была незначительной, сбило его на землю, с серьезными повреждениями внутренних органов.

Следовательно, данный отрывок И. Бларамберга (заимствованный у Г.-Ю. Клапрота) необходимо отнести к категории мифов и легенд Кавказской войны. Несомненно, это связано с некритичным подходом к рассказам самих казаков, с их неизбежными преувеличениями и фантазиями.

МИФ ВТОРОЙ. На протяжении более десяти лет (Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ, с.54) в школе В.Б. Виноградова обсуждается некий «прием “огневого контакта”». Суть его в том, что в источниках 30-40-х гг. XIX в. упоминается некий способ «поражения горских панцирников из огнестрельного оружия», эффективный «против кольчуги как средства индивидуальной защиты социально-военной верхушки кавказских дружин» (Виноградов В.Б. «Заряд иголок вместо пули...», с.181). Источники эти:

1. Повесть А.А. Бестужева-Марлинского «Он был убит» (фуражировка на Кубани, сентябрь 1834 г.). «Застрелил одного Шапсуга из пистолета; он кинулся на меня с шашкой, но заряд иголок вместо пули прошил кольчугу и самого чуть не насквозь. Спасибо за эту выдумку кабардинскому абреку Адли-Гирею...» (Марлинский А. Второе ПСС, Т.IV, Ч.X-XII, 1847, с.109).

2. Поэма Н.С. Мартынова «Герзель-аул» (экспедиция 1840 г., стычка казачьей сотни с чеченцами) (Захаров В.А. Загадка последней дуэли..., с.289-290).

«...Напрасно наши в них стреляют...

*Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди;
Смекнул урядник, догадался...,
Поверх заряда в ствол винтовки
Пучок иголок посадил...,
Раздался выстрел...*

*В испуге конь от нас бежит,
А тело всадника свалилось...
Хвала тебе, заряд с иглами,
Ты пронизал его насквозь!».*

На основе этих источников делались следующие выводы: 1) Данный прием, «который на первый взгляд кажется невероятным» (Терещенко О.Н., 1998, с.48), родился в адыгской среде; 2) Он несет в себе социальный смысл, поскольку панцирниками являлись представители высшей адыгской знати; 3) Он проистекал из некоторых особенностей российско-горской торговли, в результате которой иголки русского производства массово завозились на Кавказ; 4) Он был своевременно и «достаточно широко» воспринят в среде линейного казачества (Виноградов В.Б., Хрипунова В.С., 1998, с.29-31; Токарева О.С., 1996, с.29-31) и армейских офицеров (Виноградов В.Б., Терещенко В.С., 1998, с.27-28), что

являлось еще одним знаком интеграционных процессов в условиях Кавказской войны (Виноградов В.Б. «Заряд...», с.182). Однако при внимательном прочтении источников возникает ряд вопросов, ставящих под сомнение подобную их трактовку и существование данного приема «огневого контакта».

I. Если можно согласиться с тем, что шапсуг у А.А. Бестужева был панцирником, то этого никак нельзя сказать о персонаже Н.С. Мартынова. Автор неоднократно подчеркивает, что казаки имели дело с **чеченцами**. Но откуда у них могли взяться всадники в кольчугах, более того – **множество** таких бронированных джигитов? Ведь даже среди гораздо более развитых и богатых черкесов кольчуги и шлемы были только у князей и дворян (Скиба К.В., 2003, с.162) – дорогим защитным вооружением располагала **только** сравнительно немногочисленная верхушка феодальных дружин (АБКИЕА, с. 499; Хан-Гирей, с.246). Но данный момент обойден вниманием в работах В.Б. Виноградова.

II. При всем уважении к литературному наследию А.А. Бестужева и Н.С. Мартынова, перед нами все же люди творческие, а их «произведения относятся к области художественной, а не научной» (Косвен М.О., 1961, с.167); это значит, что не все их сообщения должны приниматься на веру. Невозможно оспорить мнение видного этнографа и историка М.О. Косвена, **не считавшего** Марлинского специалистом по этнографии или кавказоведению. Свидетельства же о стрельбе иголками – адыгского происхождения. Но родились они не в социальной среде кабардинцев, а в **фольклорной**. Несомненно, и Бестужев, и Мартынов позаимствовали сюжет для своего рассказа из легенд горцев или, может быть, от казаков, не исключено, что из ходивших тогда по Линии слухов. «Если кто воображает по моим очеркам познакомиться с Кавказом, а не со мною, тот горько ошибается...». Не Марлинским ли сказано?

III. Пистолет служил оружием ближнего боя. На расстоянии дальше 7-8 метров его вообще не применяли за полной бесполезностью (вспомним «шесть шагов» М.Ю. Лермонтова) (Махлевич Я.Л., 1991, с.28-29). На больших расстояниях, на равнине, использование пистолета было исключено. Но тогда зачем нужны иголки? На таком расстоянии пистолетная пуля сама по себе прошьет и кольчугу, и человеческое тело.

IV. Встает вопрос: зачем казаку или офицеру возить с собой **много** швейных иголок? Вдобавок, пучок (!) их, т.е. уже собранный заранее и перевязанный. Но у казаков и горцев «почитается за стыд сшить что-нибудь иголкою» (АБКИЕА, с.500; Дмитриев В.А., 2001, с.61; Хан-Гирей, с.327). Далее, зарядание ружья – операция непростая и долгая, всадники при этом спешивались (Бларамберг, 61; Дубровин Н.Ф., Т.I, Кн.I, с.243). И каким же образом в ствол засыпались еще и иголки? Ствол в таком случае пришлось бы держать дулом вверх, а если засыпать его полностью, то при выстреле застряла бы пуля или разорвало ствол.

V. А.А. Бестужев: 1) откуда герой взял **столько** иголок? 2) пистолет должен был быть заряжен **заранее**, до столкновения – но почему иголки не высыпались из ствола? Поэтому данный отрывок не внушает никакого доверия.

VI. Н.С. Мартынов: урядник никак не мог попасть в панцирника на расстоянии **иголками** – они бы до него просто не долетели. Следовательно, и

этот эпизод – вымысел автора. Рассеивание заряда иголок можно сравнить с картечью или пуском из ракетного станка. В момент выстрела, при покидании ствола, иглы быстро разворачивало; стабилизации у них в полете не было, они кувыркались, поэтому **не** летели острием вперед и не попадали в цель. Отметим данный момент, поскольку в работах В.Б. Виноградова акцент делается на то, что иголки должны были именно **пронзать** кольчугу (попав в кольцо диаметром 10-11 мм!) (Аствацатурян Э.Г., с.53) и горца. Но это просто физически **невозможно**.

VII. И самый главный вопрос – **какой был смысл в применении иголок?** Кольчуга все равно не могла спасти от пистолетной пули на близком расстоянии, а от ружейного заряда она могла уберечь только на весьма значительной дистанции. Наконец, при столкновении с панцирниками (которых у черкесов были десятки, а у чеченцев не было вообще) напрашивалось простое и логичное решение – выстрел в незащищенную часть тела (голова и конечности), либо – в коня.

Итак, мы приходим к выводу, что второй миф, теория приема «огневого контакта», не соответствует действительности и ничем конкретно не подтверждается. Остается заключить наш анализ двух этих эпизодов Кавказской войны словами Н.С. Мартынова:

*И много вызвано рассказом
Веселых шуток, болтовни,
Смеялись все, шумели разом,
Как дети тешились они.*

Е. В. Ногина
Ставропольский государственный университет.
Аспирант

Краеведческие экскурсии как форма организации досуга городского населения Ставрополя в 1920-1930-е годы

В 1920-е годы досуг молодых горожан Ставрополя имел довольно разнообразную структуру. Молодые люди занимались самообразованием, посещали художественные выставки, научно-популярные лекции, участвовали в работе технических, агрономических, краеведческих секций, увлекались спортом и туризмом. Значительную помощь в этом им оказывали научные общества, которые организовывали такие формы досуга городского населения, как экскурсии, путешествия, прогулки, туризм, альпинизм.

С 1923 г. широкое распространение в городах Ставрополя и КМВ получили два типа экскурсий – краеведческие, связанные с деятельностью Кавказского горного общества и производственные, разрабатываемые силами экономических обществ.

В 1924 г. Кисловодское общество мелкого птицеводства, животноводства и поселковых хозяйств организовало ряд экскурсий на показательные фермы и образцовые огороды по выращиванию фруктов, овощей, птицы, мелкого племенного скота красной калмыцкой и белой английской породы. Целью экскурсии было ознакомление широких крестьянских масс, студентов аграрных вузов, лиц, интересующихся животноводством и сельским хозяйством, с методами рационального ведения трудовых хозяйств в регионе, с организацией продовольственного снабжения курортов и санаториев по Кисловодску и Минеральным Водам, с правилами применения многопольного севооборота и улучшения агрономических культур (1).

В 1925 г. Деловой клуб при Ставропольской товарной бирже провел свыше 60 научно-экономических экскурсий для 18730 участников. Социальный состав экскурсантов был весьма разнообразный: от людей, непосредственно занятых решением вопросов, связанных с производством, до сельских жителей, непомерно интересующихся работой городских заводов, фабрик, кооперативов. Тематика экскурсий также отличалась многообразием. Экскурсанты посетили Кожзавод «Профинтерн», Хлебопродукт, масло-мукомольный комбинат, суконную фабрику, АО «Шерсть», кооператив «Искра», торговые и базарные точки города (2).

С 1926 г. Ставропольское Агрономическое общество ежемесячно устраивало для городских и сельских жителей экскурсии на Егорлыкское опытное поле и организованную в округе сеть опытных сельскохозяйственных станций и лабораторий по сортоиспытанию. Участники экскурсий посетили 6 отделов Ставропольской опытной станции: полеводства, агроботаники, селекции, метеорологии, экономики и агрохимии. Например, в отделе полеводства с экскурсантами проводились популярно-познавательные беседы на тему селекции и демонстрировались достижения по сортоиспытанию яровых и озимых пород

пшеницы, кукурузы, картофеля и фасоли. Лучшие сорта кукурузы «Мотто», «Король-Филипп», «Норд-Вестерн» и картофеля «Император», «Эффилос» раздавались участникам экскурсии для их распространению на своих полевых участках. Ежегодно опытные лаборатории, станции и поля Ставропольского Агрономического общества посещало от 2000 до 2500 человек, при этом свыше 670 человек во время экскурсии было снабжено сортовым севоматериалом (3, с. 2-21).

Экономические общества придавали производственным экскурсиям большое значение, т.к. рассматривали их не только как один из видов интеллектуального досуга городского населения, но и как средство трудового воспитания масс, формирования у них здорового отношения к производственной работе, основанной на всестороннем изучении экономики, права, реальных условий труда. Одновременно, пропагандируя с помощью экскурсий передовые формы ведения сельского хозяйства, экономические общества реализовывали один из доктринальных лозунгов правящей партии, провозглашавший смычку рабочего класса с крестьянством, города с деревней.

Не меньшее значение в деле формирования нового человека придавалось краеведческим экскурсиям. В 1926 г. совет Кавказского горного общества открыл в г. Кисловодске Экскурсионное бюро, состоявшее из трех секций: природоведческой, знакомящей горожан и гостей юга с грозной и величественной природой Кавказа; прогулочной, осуществлявшей групповые экскурсии - прогулки по ближайшим окрестностям Пятигорска (Джинал, Водопад, Лермонтовская скала, Замок Коварства и Любви, Долина Нарзанов, ночные восхождения на Перкальский ключ по восточному склону Машука); туризма и горного альпинизма (4).

Туристические маршруты, предлагаемые секцией, были весьма разнообразны: по Военно-Сухумской дороге, с ее живописным Тебердинским ущельем; по Военно-Грузинской дороге через горное Дарьяльское ущелье с осмотром Девдаракского ледника; по Военно-Осетинской дороге для восхождения на Цейский ледник; по Баксанскому ущелью к Эльбрусу, на «кругозор» высотой в 350 м и леднику Азау (5). Свои восхищения горными восхождениями и прогулками по Пятигорью участники экскурсий оставляли в специальной книге «впечатлений» не только в виде описаний, дневников, отчетов, но и нередко в форме поэтических посвящений величественной красоте Кавказа (6).

Со второй половины 1920-х годов значительную роль в организации «культурно-насыщенного отдыха трудящихся масс на воздухе» начинает играть Ставропольское отделение общества пролетарского туризма, организовавшее в 1927 г. совместно с Северо-Кавказским союзом печатников, металлистов и пищевиков экскурсию по маршруту Лиманозеро. В 1928 г. Ставропольское общество пролетарского туризма (СОПТ) организовало несколько поездок рабочей молодежи по путевкам на Крымский полуостров (Крым, Севастополь, Ялта), в Туапсе с недельным отдыхом на черноморской базе «Магри», в Тифлис через Военно-Грузинскую дорогу (6).

Другим аспектом деятельности СОПТ стало дальнейшее развитие горного альпинизма для «вовлечения в этот вид спорта широких пролетарских масс». Уже в 1929 г. силами общества было проведено 7 групповых восхождений на Эльбрус, из них 2 на западную его вершину (7). С середины 1930-х годов СОПТ продолжило

традицию краеведческих обществ в деле организации экскурсий по Эльбрусскому району. Так, так 1935 г. обществом была проведена экскурсия вокруг Эльбруса к источнику Джилы-из (по-балкарски «теплая вода»), известному своими целебными качествами, а также к водопадам в долине замков. В долине Юсеньги и на пути к восхождению к Эльбрусу обществом пролетарского туризма были открыты две хорошо оборудованные туристические базы Кругозор и Приют (8, с. 28.).

В 1930-е годы распространенным видом досуга городского населения являлись групповые экскурсии, которые организовывались отделами общества пролетарского туризма, а также экскурсионным бюро при совпрофах. С 1936 г. горожане могли совершать загородные прогулки и экскурсии, сочетая здоровый отдых с изучением природных богатств окрестностей Ставрополя, Пятигорска, Железноводска (9). В городе Ставрополе секцией совпрофа при пединституте еженедельно для студентов вузов устраивались выходные прогулки на Сенгилеевское озеро, где студенты проводили свой досуг в играх и разнообразных развлечениях (10). По сути, в 1930-е годы место экономических и краеведческих организаций, занимавшихся в 1920-е годы организацией разнообразных форм интеллектуального досуга городского населения, заняли массовые общественно-добровольные организации: спортивные, профсоюзные, оборонно-технические объединения, реализовывавшие через виды досуговых развлечений населения государственные задачи в деле воспитания нового социокультурного типа горожанина.

Использованная литература и источники:

1. ГАРФ.Ф.А455.Оп. 1.Д. 125. Л. 1-8.
2. ГАСК. Ф. Р 404. Оп. 1; Д. 1. Л. 1-6.
3. Труды Ставропольской агрономической секции. Вып. 2. Ставрополь-Кавказский., 1927.
4. ГАСК. Ф. Р 1262. Оп.1. Д. 4, 5-8, 11.
5. ГАСК. Ф. Р 1262. Оп.1. Д. 4, 5-8, 11.
6. ГАСК. Ф. Р 360. Оп. 1. Д. 76. Л. 21.
7. ГАСК. Ф. Р 160. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.
8. Соловьев С. П. Экскурсии по Эльбрусскому району. Пятигорск, 1935.
9. Власть Советов 11 ноября 1936.
10. Власть Советов 26 ноября 1936.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Н.И. Овдиенко
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Старший научный сотрудник, доцент,
кандидат педагогических наук

Место Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в естественнонаучной и просветительной деятельности Ставропольского края

Изначально Ставропольский государственный краеведческий музей был не только культурным и научным, но просветительным учреждением. Об этом писал в 1915 году В. Лучник в статье «К вопросу о характере провинциального музея»: «У нас как-то укоренилось странное убеждение, будто бы основной задачей музеев является ознакомление его посетителей с данным краем. Эта задача, весьма почтенная сама по себе, кажется нам очень узкой, так как на местные музеи мы прежде всего смотрим как на просветительные центры, цель которых должно быть распространение знаний» (Лучник, 1915).

В основу коллекций современного музея были положены собрания двух музеев: Городского музея учебно-наглядных пособий Г.К. Пправе и Музея Северного Кавказа Г.Н. Прозрителева.

К созданию Музея учебных пособий побудило неудовлетворительное состояние школьных городских музеев с одной стороны и невозможность школ обеспечить себя наглядными пособиями – с другой. Базой для создания такого музея послужили коллекции по всем отраслям естествознания и учебные пособия к ним, собранные Г.К. Пправе (год создания – 1904).

Первоначально задача, поставленная перед музеем, была весьма незначительна: просто предполагалось, что музей будет складом учебно-наглядных пособий, за недостатком помещения. «Тем не менее, – писал В. Лучник, – коллекции Г.К. Пправе, выбранного к тому времени городским гласным и членом школьной комиссии, не лежали без пользы. Многие городские учительницы пользовались его пособиями, демонстрируя их на школьных уроках». Учащимся охотно предоставлялось право пользоваться фондами музея и его научной библиотекой.

Вскоре музей открыл свою первую экспозицию, которая состояла из трех разделов: первый из них составили коллекции по естествознанию, второй представлял учебно-наглядные пособия, третий показывал природу своей местности. И здесь уже на первое место выходит задача – народное просвещение в окраинной губернии России. В то время город имел незначительное число образовательных учреждений, поэтому музей сразу занял центральное место в области работы местного общества распространения народного образования среди населения, как города, так и губернии в целом.

С 1914 года Городской музей учебных пособий был уже крупным просветительным учреждением в Ставропольской губернии. С этого времени музей посильно удовлетворял разнообразные требования, предъявляемые ему учебными заведениями не только города, но и губернии. В основном требования заключались в отпуске учебно-наглядных пособий, чтении лекций, проведении учебных экскурсий и занятий на базе музея, организации выставок и т.д.

В задачу Музея Северного Кавказа, созданного в 1905 году, входил всесторонний показ местной жизни во всех ее проявлениях, т.е. это был музей местного края. Естественно-исторический отдел музея занимался сбором и научной атрибутикой коллекций по естествознанию, строго приуроченной к своей местности. В этом отделе зародилась ботаническая коллекция сегодняшнего музея.

Естественно, что в наглядных пособиях и в экспозиции музея были отражены некоторые естественнонаучные и экологические понятия. Понятно, что отдельной экспозиции, к примеру, по экологии, не было, но отдельные экспонаты все же давали некоторые элементарные понятия по экологии, которые были вкраплены в отдельные темы по ботанике, зоологии, географии и даже этнографии.

В музее в качестве экспонатов были учебно-наглядные пособия, которые использовались в школах начала 20 века, - стенные картины и таблицы по зоологии, к примеру, «Полезные и вредные птицы», составленные Д. Фюрстом и Д.Н. Кайгородским, где можно было рассмотреть животных по общежитиям; «Картины из жизни животных» Е. Елачича; стереоскопические картины, которые отражали в современном понимании теоретические основы экологии и природопользования, например, сезонное развитие лягушки, комара-кусака, различные типы хозяйственной деятельности человека в разных уголках Земного шара, и др.

Таким образом, сегодняшний музей, начиная с Музея учебно-наглядных пособий и Музея Северного Кавказа, занимает свое особое место в системе народного образования. Это и понятно, потому что идея систематического использования специфических возможностей музея в обучении и воспитании школьников, во всем мире признается стержневой.

Кроме того, единство учебных программ в их воспитательной целеустановке для общеобразовательных школ, профессиональных учебных заведений и университетов, создает благоприятные предпосылки для проведения широкой и многосторонней целенаправленной музейно-педагогической работы в музеях. Но это следует делать с учетом специальных психологических и социологических факторов. Это, наряду со специальными научными аспектами, играет важную роль как в учете педагогических критериев при создании экспозиций, так и в процессе непосредственного экскурсионного обслуживания.

В последнее время стало нормой, что воспитательная и образовательная роль музея многократно возрастает. Благодаря тесному сотрудничеству со школами, так как они дополняют и конкретизируют друг друга. Ярким примером такого сотрудничества являются развитие краеведческого движения и введение специальных курсов по краеведению и экологии в лицах и колледжах края,

созданию музеев природы, экологической направленности учреждений дополнительного образования города и края.

Для активизации контактов музея с учебными заведениями города и края, развития навыков самостоятельной работы учащихся в музейных фондах и экспозициях важно отметить два положения. Первое – постоянно повышать уровень современных педагогических знаний научных сотрудников музея. Сегодня педагогу (научному сотруднику), чтобы соответствовать требованиям времени, предстоит сделать следующее: 1) обеспечить коррекцию мировоззрения у учащихся, т.е. оно должно быть целостным, отражать не только науку, но и культуру, все многообразие мира; 2) реализовать эту сверхзадачу возможно только вместе с учащимся, в режиме субъектно-объектных отношений в педагогике сотрудничества; 3) гуманизация образования предполагает раскрепощение, возвышение, свободу личности; 4) уместен не только диалог педагога (экскурсовода) и учащегося, но и диалог различных культур, межпредметное освоение интегрированных блоков знаний; 5) образование должно стать функциональным, отвечать критериям практики.

Второе – разработка совместных экспериментальных педагогических технологий проведения тематических экскурсий (занятий, уроков, семинаров, лекций) с учителями школ и преподавателями вузов. Сегодня рушится стереотип, что образование – это получение знаний, их передача от педагога (экскурсовода) к учащемуся. Отсюда очень важен переход на новый уровень представлений об образовании и педагогических технологиях – это педагогика участия или содружества.

И самое главное – это эмоциональный фон, атмосфера доброжелательности – из этого рождается аура музея.

Исходя из положения Конвенции о правах ребенка (Генеральная Ассамблея ООН, 1989) о праве на развитие: образование, отдых, досуг, участие в культурной жизни, следует отметить ключевые процессы обновления воспитательной работы в учреждениях дополнительного образования (чем и является музей по своей сути):

- использование современных научных данных о значении внешкольного воспитания в становлении личности;
- гуманизацию музейно-педагогической деятельности;
- обеспечение преемственности между всеми сферами социального становления школьника (семья, дополнительное образование, музей, школа).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, экспозиции музея в целом и отдела природы в частности сегодня стали учебным и методическим центром для изучения особенностей природы и истории родного края.

И.В. Отюцкий
 Ставропольский государственный
 краеведческий музей
 им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
 Заведующий отделом археологии

О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа

При рассмотрении этого вопроса за основу был взят документ, хранящийся в фондах Ставропольского краеведческого музея. Он представляет собой рукописный текст на 26 сшитых листах и озаглавленный:

Ставропольский музей
 «Северного Кавказа»

Отдел
 Археологии
 (Общий список)

Написание заголовка и всех остальных записей подлинника выполнено с соблюдением правил грамматики того времени.

По этому списку значится 1289 номеров каталога (так названа вторая графа документа). Какое общее количество предметов коллекции сказать трудно: в большинстве случаев число неодинокных находок не указано.

Рядом с общим списком в старых инвентарных книгах располагалось оглавление. Судя по его содержанию, оно относится к упомянутому отделу, но отличается от современного состава археологической коллекции.

В оглавлении – 26 пунктов. Укажем некоторые с их порядковым номером:

1. Оружие и вооружение;
4. Украшения (браслеты, кольца, зеркала и т.д.);
6. Документы и рукописи;
7. Оковы, орудия наказания;
11. Медали и знаки достоинства;
14. Вериги;
16. Предметы культа;
18. Иконы;
20. Изваяния, статуи;
23. Игрушки;
25. Музыкальные инструменты.

Третья графа общего списка (неозаглавленная) содержит сведения о предметах и местах их обнаружения. Обзор предметов планируется сделать в следующем сообщении. Что касается географии поступлений, то она весьма любопытна.

За пределами Ставропольской губернии (по наибольшей удаленности) – это Керчь и Азов на западе и Дагестан и Бакинская губерния – на востоке. Отдельным пунктом проходит сибирское оружие из Красноярска.

На территории самой губернии следует назвать Бажиганские пески на востоке и Медвежинский уезд на западе. Разумеется, обозначен находками и город Ставрополь с его окрестностями.

И, безусловно, представляет интерес последняя, четвертая графа (также незаглавленная). Она знакомит нас с людьми, которые способствовали поступлению тех или иных предметов в отдел археологии музея Северного Кавказа.

Из довольно большого перечня фамилий и должностей отметим лишь несколько.

В первую очередь, сам Григорий Николаевич Прозрителев. Лесничий – Богоявленский Владимир Иванович; землемер – Абаев Даниил Михайлович; генерал-майор Вырубов Дмитрий Алексеевич; сотрудник Ставропольской архивной ученой комиссии Т.Д. Щегольков; Макар Иванович Ермоленко; Долинский.

Работа над документами об отделе археологии музея Северного Кавказа будет продолжена.

Н.А. Охонько

Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве.
Директор

Г.Н. Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея

Григорий Николаевич Прозрителев внес значительный вклад в сохранение историко-культурного наследия нашего региона. В широком диапазоне его деятельности особое место занимает музейное дело.

В 1898 г. он, совместно с учителем Кувшинским И.И., организует городскую историко-краеведческую выставку, а в 1903 г. в газете «Северный Кавказ» публикует большую статью о необходимости создания в Ставрополе музея.

24 февраля (ст.ст.) 1905 г. Губернский Статистический комитет учреждает такой музей. В протоколе заседания было записано: *«Основать при Ставропольском Губернском Статистическом комитете губернский музей...»* (1). В состав Статистического комитета вошел и Прозрителев Г.Н.

На очередном заседании Статистического комитета, состоявшемся 4 апреля 1905 г., *«организуется особое попечительство по устройству и заведыванию Губернским музеем»* (2). В данную структуру, помимо инициатора создания музея Г. Прозрителева, вошли также Качинский И.А., Польский А.А., Собриевский А.С., Успенский Д.И., Таланов В.В., Белецкий К.С., Норман А.П., Иванов Н.Т., Сергиевский В.Н. и Праве Г.К., имя которого с этого момента навсегда будет связано с краеведческим музеем Ставрополя.

6 апреля 1905 года состоялось первое заседание попечительства музея. Был избран председатель попечительства, им стал Собриевский А.С. Здесь же состоялся *«продолжительный обмен мнениями о задачах и желательной организации губернского музея»* (3). Об итогах заседания было доложено на заседании губстаткомитета, 8 апреля 1905 года.

12 апреля того года было проведено второе заседание попечительства, на котором выработали следующую структуру музея и распределили обязанности: музей включал 7 отделов с подотделами, за которыми закреплялись ответственные лица –

1. Отдел естественно-исторический с подотделами:

- 1) геология, минералогия и палеонтология (Белецкий К.С.);
- 2) зоология с отделениями позвоночных животных (Динник Н.Я.) и беспозвоночных (Праве Г.К. и Запасник К.А.);
- 3) ботаника (А.П. Норман).

2. Отдел этнографический с отделениями антропологии и этнографии (Польский А.А.).

3. Отдел исторический с отделениями археологии и нумизматики (Прозрителев Г.Н.).

4. Отдел сельскохозяйственный с подотделами:

1) земледелие, полеводство (Таланов В.В.);

2) животноводство (Колесников Г.Н. и де-Фриу В.И.);

3) лесоводство и лесоразведение (Богоявленский В.И.);

4) садоводство, огородничество, виноградарство и виноделие (Твалчрелидзе А.И. и Запасник К.А.);

5) пчеловодство и шелководство (Потапов С.Г. и Твалчрелидзе А.И.).

5. Отдел санитарно-гигиенический (Качинский И.А.).

6. Отдел народного образования (Сергиевский В.Н.).

7. Отдел кустарной и заводской промышленности (Семенов А.Н.).

Закрепленным за отделами и подотделами лицам было предложено разработать программы по каждому из направлений деятельности.

На заседании губстаткомитета 19 августа 1905 года, в целях *«полезности для Статистического комитета и организуемого при нем Губернского музея»*, в состав статкомитета, в качестве Почетного члена, был введен Епископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор, а в попечительство музея вошел председатель Ставропольского Епархиального церковно-археологического общества протоиерей Симеон Никольский (4).

На третьем заседании попечительства, 25 ноября 1905 г., решали финансово-хозяйственные вопросы по устройству музея. В отделении госбанка был открыт счет. В музее появилась должность смотрителя (он же - заведующий хозяйственной частью). Положено начало учету музейных предметов. Благодаря поддержке со стороны главного пристава кочевых народов Польского А.А., *«по приговору общества кочевых туркмен»* музеем выделили 3500 рублей. К этому времени в составе попечительства перестали числиться Пправе Г.К. и Таланов В.В. В него вошли Семенов А.Н., Твалчрелидзе А.И., Потапов С.Г. и Запасник К.А. Впоследствии членом попечительства музея станет и Динник Н.Я. (5).

Организационно создание музея завершилось 12 декабря 1905 года, когда утвердили программы отделов. На их основе была разработана концепция музея, опубликованная вначале в газете «Ставропольские губернские ведомости» (6), а затем отдельной брошюрой под названием «Ставропольский музей Северного Кавказа. Его задачи и программы по отделам» (7).

Основным автором концепции выступил Григорий Николаевич Прозрителев, который в апреле 1906 года был направлен в Петербург для ознакомления с музеями города. 20 мая того же года на заседании попечительства о музее Прозрителев сделал подробный доклад о поездке в столицу, об итогах своей работы по изучению музейного опыта, полезного для *«устройства нашего музея»* (5, с.20).

В окончательном виде структура музея выглядела так:

1. Этнографический отдел.

2. Исторический отдел.

3. Сельскохозяйственный отдел с подотделами:

а) земледелие,

- б) садоводство,
  - в) огородничество,
  - г) животноводство,
  - д) шелководство, тутоводство,
  - е) виноделие и виноградарство,
  - ж) пчеловодство.
4. Отдел лесоводства и лесоразведения.
  5. Естественно-исторический отдел с подотделами:
    - а) позвоночные животные,
    - б) беспозвоночные животные,
    - в) геология, палеонтология и минералогия.
  6. Отдел кустарной и заводской промышленности.
  7. Санитарно-гигиенический отдел.
  8. Отдел народного образования.

На третьем заседании попечительства, 25 ноября 1905 года, появилось название музея – «Ставропольский музей Северного Кавказа». Объяснение этому дано в концепции следующим образом: *«Ставропольский губернский статистический комитет ставит себе задачей – собирание материалов по истории, географии, этнографии, статистике и всестороннее обследование местного края, каковым разумеет весь район Северного Кавказа. Ставрополь слишком долгое время был столицею всего этого края, центром его управления, его культурной исторической жизни...»*

История Ставропольского края неразрывна с историей Северного Кавказа, - былой Кавказской губернией, как неразрывна связь военной и гражданской истории его, а затем - и той и другой – с историей экономического и культурного развития края...» (7,с.1).

5 ноября 1906 года в структуру музея была передана библиотека статистического комитета. В этот же день музей был открыт для посетителей. В журнале общего собрания Ставропольского губернского статистического комитета сделана запись: *«... музей открыть для свободного (бесплатного) доступа публики по воскресным и праздничным дням от 10 до 12 час. дня»* (8).

Музей разместился в здании губернского присутствия (ныне ул. Советская). В экспозиции, представленной для обозрения, – следующие разделы: археология, палеонтология, геология, зоология, промышленность, этнография, ветеринарная патолого-анатомия, сельское хозяйство, оружие, нумизматика. Гордостью музея стал этнографический раздел, комплексы которого достаточно полно показывали туркмен, ногайцев, калмыков, а также горцев. Ареал сбора коллекций включал в себя весь Северный Кавказ.

По своему содержанию музей, с момента его создания, был комплексным, построенным по краеведческому принципу.

Наибольший вклад в формирование музея на стадии его становления внесли Собринский А.С., Прозрителев Г.Н., Динник Н.Я., Белецкий К.С., Запасник К.А., Польский А.А., Колесников Н.Г., Богдавленский В.И. Серьезное содействие музею оказывал Георгий Константинович Праве.

Следует выделить особую роль Собриевского и Прозрителева. Первый, являясь заместителем председателя губстаткомитета и возглавляя попечительство музея, решал главные организационные вопросы, в то время как Прозрителев был главным разработчиком концепции музея. Возглавляя исторический отдел, он передал музею личную коллекцию старинного оружия, сборы по археологии и палеонтологии.

В июне 1906 года состоялся третий российский археологический съезд. Он проходил в г. Владимире. На съезд был командирован Прозрителев Г.Н., который записал, что с этого момента Ставрополь стал примыкать к семье всероссийских ученых, работающих по охране памятников старины и архивов, а ученые общества узнали о существовании музея Северного Кавказа.

В 1907 году Собриевский уезжает из Ставрополя и Прозрителев берет на себя основные организаторские и исполнительские функции по дальнейшему развитию музея.

Использованная литература и источники:

1. СГКМ ф.2, ед. хр. 168, л.2.
2. СГКМ ф.2, ед. хр. 168, л.20.
3. СГКМ ф.2, ед. хр. 168, л.28.
4. СГКМ ф.2, ед. хр. 168, лл. 37-37 об.
5. Г.Н. Прозрителев. Протоколы заседаний попечительства о Ставропольском музее Северного Кавказа и перечень предметов, поступивших в музей Северного Кавказа. Ставрополь, 1906.
6. Ставропольские губернские ведомости. №№ 2-8 за 1906.
7. Ставропольский музей Северного Кавказа. Его задачи и программы по отделам. Ставрополь, 1906.
8. Отчет по изданию трудов Ставропольского губернского статистического комитета, его библиотеке и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905-1906 гг. Ставрополь, 1908.

Отсутствующая «Другая» в трудах Г.Н. Прозрителева

В настоящее время одним из актуальнейших направлений в системе нового исторического знания являются проблемы женской и гендерной историй, в частности, вопросы социально-правового положения женщин в истории. Современная историография, пытаясь найти на них ответы, все чаще обращается к трудам историков прошлого, чтобы выделить сюжеты, связанные с Женщиной, желая узнать, как они описывали Женщин, интересовались Женщиной в истории, а если нет, то почему. Поэтому в рамках данного выступления мы обращаемся к трудам Г.Н. Прозрителева.

Научный интерес Г.Н. Прозрителева к истории народов Северного Кавказа, ограничивался, прежде всего, социально-экономическими вопросами развития этого региона, но и здесь надо сделать уточнение – территориальные границы чаще всего очерчивались рамками Ставропольской губернии.

Предлагаемая тема ставит перед собой задачу раскрытия отношения Прозрителева к Женщине, которая на территории Ставропольской губернии была представлена десятками различных народностей. В этнографическом отношении состав населения губернии пестрый. Здесь проживали: великороссы, малороссы, немцы, поляки, армяне, грузины, греки, эстонцы, евреи, ногайцы, туркмены, калмыки, персияне, турки и цыгане, составляющие самую малочисленную группу. В вероисповедном отношении преобладали православные, из остальных наибольшее число армяно-григорьян, туркмены, ногаи-магометане и калмыки-буддисты, которые пользовались особым интересом Прозрителева. В своих трудах историк с особым трепетом раскрывает странички истории кочующих народов, строя свои исследования на взаимосвязи исторического развития многочисленных народностей в одном поликультурном пространстве.

В работе «Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях» автор рисует довольно полную картину социальных, экономических и общественных отношений народов проживавших на территории Ставропольской губернии. «Постепенно выросли крупные скотоводы-крестьяне, а также овцеводы русских овец, особенно в селах, прилегающих к калмыцким степям... Скотоводство легло в основу благосостояния края. Широкое развитие скотоводства вызвало скотокрадство, достигшее громадных размеров, в губернии, особенно в восточных частях, прилегающих к калмыцким степям и т.д.» Следует отметить, что Г.Н. Прозрителев в своих трудах, довольно часто прибегает к образу частного обывателя, где основным героем является «мужик»: «Мужик кочевал со своим скотом в соседние области... Имея хороших быков, «мужик» начал чумаковать, развился извозный промысел и т.д.» В историческом нарративе историописателя женщине здесь не было места. Лишь касаясь культуры и быта калмыков, исследователь с особым восхищением пишет о женщине-калмычке:

«...своим характером, нравственностью и благоразумием умела себя поставить в самое прочное положение. Она часто приобретает большое нравственное влияние на мужа и смело может рассчитывать прожить с ним свой век, пользуясь любовью и уважением семьи, лишь бы не была бездетна». Превознося эту степную обитательницу, Г.Н. Прозрителев отмечает: «Мораль женщины калмычки – высокая мораль, и она дает детям, безусловно, твердые устои нравственности, идеи правды, добра, верности долгу, беззаветной покорности и стоической выносливости. К сожалению, в дальнейшей жизни женщина не имеет поддержки. И только за последнее время создавшиеся школы идут навстречу материнским заботам о воспитании».

Описывая быт калмыков, историк удивляется, что «надо поражаться, как калмычка может при данных условиях оставаться верной своей кибитке, не бросить свой очаг, около которого она видит постоянно пьяного мужа, полуголодное существование и вечную работу на себя, детей и мужа. Религия калмыка не охраняет брака и тяжелые условия, в которых протекает жизнь калмыцкой женщины, при пьяном и невежественном муже, мать-калмычка пользуется трогательной привязанностью сына, даже в то время, когда жизнь наложит уже на него свою тяжелую руку, и все житейские невзгоды перекажутся через его начесанную голову». В таком историческом описании калмыцкого народа очень четко проявляется отношение Прозрителева к женщине.

То же восхищение вызывает у Прозрителева образ русской женщины. В своем рассказе «Великая русская Авдотья» автор, наделяя женщину самыми благородными и достойными качествами, пишет: «Рядовая крестьянка. Сколько таится великих сил в этой серой неразгаданной массе, думал я, смотря вслед уходящей Авдотье. Русская женщина несомненно скажет свое великое слово в настоящий момент для России и скажет ко благу великой нашей Родины».

Женщина у Прозрителева ассоциируется с благородной и достойной уважения абстрактным образом, которому еще представится возможность «выйти» на историческую сцену. Женщина появляется в его этнографических, но не исторических сюжетах. Таким образом, отметим, что Г.Н. Прозрителев, как историописатель, посвятивший свою научную жизнь изучению прошлого народов Северного Кавказа, практически не обращается в своих трудах к исследованию социального статуса, правового положения женщин, проживавших в регионе, лишь вскользь выражая свое отношение к ней как «Другой», не являющейся столь важным и актуальным объектом исторического исследования, как мужчина.

Ю.А. Прокопенко
Ставропольский государственный университет.
Доцент, кандидат исторических наук

Фибулы среднелатенской схемы из памятников Центрального Предкавказья

В памятниках III в. до н.э. – начала I в. н.э. зафиксированы фибулы двух групп: проволочные фибулы (среднелатенской схемы) и фибулы-броши. Всего в Центральном Предкавказье обнаружено не менее 14 фибул среднелатенской схемы (фибулы из Заманкула не опубликованы, число 13 примерное). Средние размеры их – от 4,5 до 7,0 см. Все они бронзовые, лишь одна фибула сделана из золота.

Характерной особенностью фибул Предкавказья II – I вв. до н.э. является наличие бус. Бусинка на спинке – мелкая, бочковидной формы, сделана в большинстве случаев из сердолика, иногда из стекла. Исключение сделано в большинстве случаев из сердолика, иногда из стекла. Исключение составляют две бронзовые фибулы с насаженными на спинку большими плоскими овальными бусинами из горного хрусталя и янтаря, происходящие из погребения 10 Чегемского могильника (Кереев Б.М., 1985).

Фибулы среднелатенской схемы в основном открыты в памятниках западной группы: в грунтовых и курганных могильниках на территории Кабардино-Балкарии (могильники Нижний Джулат, Чегемский, Заюково), на территории Северной Осетии (Заманкул) и в памятниках Верховьев Кубани (скл. Коба-Баши; мог. в районе Эльбурганской больницы). В единичных случаях такие фибулы отмечены на территории восточной группы (Ханкальский могильник). При типологизации данных украшений использовались классификации фибул из памятников Предкавказья, предложенные М.П. Абрамовой (1993), В.Е. Еременко (1997) и И.И. Марченко (1996).

Все проволочные фибулы (отдел I) Центрального Предкавказья относятся к разделу среднелатенских. По особенностям крепления ножки фибулы следует отнести к 2 типам: со скрепкой и завязкой.

I тип – бронзовая проволочная фибула со скрепкой и расплющенной ножкой (мог. Нижний Джулат, погр.37) (Абрамова М.П., 1993). В.Е. Еременко отнес данную фибулу к подвязным с расплющенной ножкой (Еременко В.Е., 1997). Однако, не смотря на фрагментированность фибулы, судя по ее изображению, скорее права М.П. Абрамова, предположившая, что у данной фибулы конец ножки соединялся со спинкой при помощи скрепки (1993). Подобные фибулы с расплющенной ножкой и скрепкой-лапкой зафиксированы в Беляусском могильнике (Михлин Б.Ю., 1980);

II тип - бронзовые и золотые фибулы с «завязкой» (конец ножки обмотан вокруг спинки). По особенностям оформления ножки, а также присутствию в ряде случаев восьмерки на спинке выделяется 4 варианта:

1) бронзовая надвязная фибула неапольского варианта (Чегемский могильник, погр.4) (Абрамова М.П., 1993; Еременко В.Е., 1997). Фибулы неапольского варианта на кельтской территории известны в основном в малоазиатской Галатии и Синопе, с которыми и следует связывать их происхождение. Один из самых ранних экземпляров обнаружен в погребении в Кехах, датирующемся монетой кон. III – II вв. до н.э. Основная масса находок относится к кон. II – нач. I в. до н.э. (латен - период C₂) (Еременко В.Е., 1997, с.175). Б.Ю. Михлин осторожно датировал такие фибулы кон. II – первой пол. I в. до н.э. (Михлин Б.Ю., 1980). По мнению И.И. Марченко, данная датировка не противоречит хронологии унгентариев, открытых в комплексе с фибулой неапольского варианта в Мавзолее Неаполя Скифского (Марченко И.И., 1996);

2) золотая фибула с расплющенной ножкой и обмоткой свободной части спинки проволокой (могильник Нижний Джулат, погр.114) (Абрамова М.П., 1993; Еременко В.Е., 1997). Фибулы с расплющенной ножкой, покрывающей меньше половины спинки, аналогичные нижнеджулатской, происходят из малоазиатской Галатии, но, к сожалению, они обнаружены не в комплексах, что затрудняет их датировку (Еременко В.Е., 1997). Д.О. Дашевская и Б.Ю. Михлин датировали комплексы Беляусского могильника с такими фибулами временем не ранее кон. II в. до н.э. (латен - период C₂) (Дашевская Д.О., Михлин Б.Ю., 1983; Михлин Б.Ю., 1980). Как считает В.Е. Еременко, фибула из Нижнего Джулата представляет собой симбиоз фибул с расплющенной ножкой и фибул неапольского типа (Еременко В.Е., 1997);

3) бронзовые фибулы с проволочной восьмерковидной петлей - восьмеркой на спинке и обмоткой свободной части спинки проволокой – 5 экз. В ряде случаев восьмерковидные петли утеряны. Все экземпляры имеют на спинке насаженную бусину (Чегемский мог., погр.4; 10 – 2 экз.; могильник Нижний Джулат, погр.96; Ханкальский могильник, погр.56) (Абрамова М.П., 1993; Еременко В.Е., 1997). Наиболее близкие данным являются короткие фибулы с двумя восьмерками и обвитой проволокой спинкой, датирующиеся по сопутствующему инвентарю периодами латена V₂/C₁ – C₂ (Еременко В.Е., 1997). Фибулы из Центрального Предкавказья, скорее всего, более поздние. Вряд ли их следует датировать ранее середины II в. до н.э.;

4) бронзовые фибулы с расплющенной ножкой и восьмеркой на спинке (Заюково; могильник в р-не Эльбурганской больницы – верховья Кубани – хранится в Черкесском краеведческом музее) (Абрамова М.П., 1993; Еременко В.Е., 1997). По мнению В.Н. Игнатова, отмеченные фибулы близки к фибулам зарубинецкого типа и балканским копьевидным (Игнатов В.Н., 1986). Однако, как справедливо отметил В.Е. Еременко, дунайские фибулы – не с расширенной ножкой, а с треугольной спинкой, покрывающей большую часть фибулы. Фибулам с восьмерками и расплющенной ножкой гораздо ближе аналоги из Малой Азии. Автор относит данную разновидность фибул к кон. II в. до н.э., не исключая возможности их появления в несколько более раннее время, вместе с исходным вариантом – фибулами с восьмеркой на спинке (Еременко В.Е., 1997).

Кроме Центрального Предкавказья такие фибулы открыты в памятниках Прикубанья (Пролетарская I, кург.3, погр.3; Хоперская, кург.11, погр.8)

(Еременко В.Е., 1997). В последнем случае на спинке отмечены две восьмерки, как у ранних фибул, датирующихся кон. III – нач. II вв. до н.э. Автор раскопок датирует катакомбу, где найдена эта фибула, второй пол. II – I вв. до н.э. (Игнатов В.Н., 1986).

Кроме отмеченных экземпляров, в трех случаях зафиксированы фрагментированные среднелатенские фибулы неустановленных вариантов (Чегемский мог., погр.64; Ханкальский мог., погр.65; скл. Коба-Баши) (Абрамова М.П., 1993; Алексеева Е.П., 1971). Фибулы из кургана у с. Заманкул пока не опубликованы (Березин Я.Б., Ростунов В.Л., 1994).

Таким образом, почти все выявленные экземпляры имеют малоазиатское происхождение, что в свою очередь свидетельствует об участии местных сарматов в походах в Малую Азию.

С.Н. Савенко
 Ставропольский государственный
 краеведческий музей
 им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
 Заместитель директора по научной работе,
 кандидат исторических наук

Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н. Прозрителева с Д.М. Павловым и другими Кавминводскими археологами-краеведами

В обширном архивном фонде Григория Николаевича Прозрителева, хранящемся в краеведческом музее Ставрополя, содержится большое количество эпистолярных источников (писем, открыток, черновики, записки), научный анализ которых только начинается. Мы рассмотрим один аспект изучения данной документальной базы, связанный с перепиской Г.Н. Прозрителева с профессором Д.М.Павловым, с позиций содержащихся в ней сведений о развитии музейного дела и охраны историко-культурного наследия в регионе. В музейном фонде пока выявлено 10 писем Д.М.Павлова к Г.Н. Прозрителеву и 4 письма (черновика) Г.Н. Прозрителева Д.М. Павлову (СГКМ, ф.2, ед. хр. 133, л.971-974; 134, л.1474-1482, оф. 27533/ 38-39,108 и другие). Характер и содержание переписки позволяют предполагать выявление подобных документов и в других архивных собраниях (ГАСК, ГАРФ и др.).

Дмитрий Михайлович Павлов (1884-1931), со дня рождения которого недавно исполнилось 120 лет, являлся одним из крупных ученых-краеведов, музейных и общественных деятелей Северного Кавказа 1920-х гг. (1, с.37-39; 2, с.202-207).

Серия рассматриваемых писем относится к концу 1920 – весне 1921 г. В это время шло становление молодой советской системы музеев и охраны культурного наследия, развивалось краеведческое движение, организовывались и проводились многочисленные региональные и всероссийские конференции, съезды, совещания по указанной проблематике, возрождались и преобразовывались старые и создавались новые учреждения и т.п. (3, с.192-197).

Первое письмо Д.М. Павлова к Г.Н. Прозрителеву, на бланке государственного должностного лица – уполномоченного по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Ревсовтударме, датировано 25.12.1920 г. Известно, что отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины был первым государственным органом, занимавшимся вопросами музейного дела и культурного наследия (4, с.208-209). По содержанию письма можно полагать, что это первый письменный контакт северокавказских краеведов. В нем содержалось приглашение Г.Н. Прозрителеву принять участие в краевой конференции по охране памятников искусства и старины на Северном Кавказе, проведение которой планировалось в Кисловодске в феврале-марте 1921 г. Попутно был задан вопрос о судьбе кавказского музейного собрания в Тифлисе.

В ответ Г.Н. Прозрителев выразил желание участвовать в конференции, очертил свои интересы и возможности как «архивист и археолог», изложил обширную программу его возможного выступления. В справке о музеях в Тифлисе приведены малоизвестные сведения о судьбе коллекции «Храма Славы», которая была перевезена в 1915 г. в Ставрополь и складирована в специальном помещении под надзором чиновника. В 1918 г. данное имущество оказалось в городском музее им. Праве, где часть картин была вскрыта и экспонировалась в 1920 г.

Фактически сразу в переписке с Г.Н. Прозрителевым была обозначена сквозная тема – Музей Северного Кавказа, который был создан в 1905 г. по его инициативе и затем развивался его усилиями с немалыми затратами собственных средств (5, с.253-254). Григорий Николаевич неоднократно указывает основную концептуальную идею своего «детища» - «Музей, служащий полной картиной и показателем жизни края от самых отдаленных геологических эпох до наших дней и выполняющий культурно-просветительские задачи».

В последующих письмах Д.М. Павлов просил изложить письменно соображения о плане музейного строительства и планомерной охране памятников в краевом масштабе. Г.Н. Прозрителев поддержал идею о целесообразности создания Северо-Кавказского этнолого-археологического института.

Датированные письма и черновики второго блока укладываются во время с 1925 до 1928 г. Среди них есть открытка из Дагестанского музея с благодарностью Г.Н. Прозрителеву за представленные к печати рукописи. В двух письмах от 25.03.1926 г. Д.М. Павлов отвечает на 2 февральских послания Г.Н. Прозрителева. Григорий Николаевич делился опасениями в связи с возможным объединением музеев Северного Кавказа и городского им. Праве. Д.М. Павлов указывал, что планы слияния музеев существовали еще в 1921 г. Тогда эта идея не была поддержана Главмузеем. Дмитрий Михайлович надеялся, что, несмотря на перемены в Главмузее, решение останется прежним. В случае же, если Г.Н. Прозрителеву здоровье не позволит защищать свое «детище» в одиночку, он предлагал обратиться в Северо-Кавказскую горскую краеведческую ассоциацию в Махачкалу.

Тема объединения ставропольских музеев, волновавшая Г.Н. Прозрителева, присутствует в черновиках писем Павлову 1926 – начала 1927 г. Основатель Музея Северного Кавказа сокрушался по поводу «домогательств на уничтожение» его музея путем вливания по частям обширных коллекций в Городской музей, переживал, что «...Музей, существующий более 20 лет и принесший столько пользы в культурно-просветительском отношении, прекратит свое существование». В письме от 3.03.1927 г. Григорий Николаевич предлагал Д.М.Павлову «приехать... взглянуть на Музей (пока не поздно) в настоящем его виде и убедить объединителей – какого учреждения лишается в нем наш край».

Музеи в 1927 г. были все же объединены (6, с.206-207). Важно, что Г.Н. Прозрителев был избран Председателем совета объединенного краеведческого музея (7, с.73-85; 8, с.116). Несмотря на моральный удар, который перенес Григорий Николаевич, он продолжал напряженно работать в сфере краеведения, охраны памятников и музейного дела и в последующем. В

частности, им было много сделано для учета и постановки на государственную охрану историко-культурных памятников Ставрополья. Сохранились научные и человеческие контакты с Д.М.Павловым. Из письма на бланке Дагестанского НИИ от 13.02.1928 г. ясно, что в это время Г.Н. Прозрителев работает в Ставропольском архиве и подбирает необходимые материалы для научно-исследовательского института.

4 эпистолярных источника в выборке - без указания дат. Недатированные письма Д.М.Павлова к Г.Н. Прозрителеву по контексту относятся в основном к началу 1920-х годов. Так одно обширное письмо датируется, вероятно, началом 1923 г. В нем выражается сожаление в связи с тем, что Г.Н. Прозрителев отсутствовал на съезде в Екатеринодаре, где его очень ждали. Скорее всего, речь шла о I-ом съезде деятелей по краеведению (17.10.1922 г.). В тексте Д.М.Павлов пишет о состоянии музейного дела в Пятигорске. Сообщает, что музей Бальнеологического общества, которым он заведует, существует вместе с библиотекой формально в структуре созданного в 1920 г. Бальнеологического института, размещается в здании лаборатории Общества в Казенном саду. Дмитрий Михайлович питал надежды, что пострадавший в 1918 и 1920 гг. Музей соединится с созданным тогда на бумаге музеем Управления Вод и перейдет в Елизаветинскую галерею. В целом положение в музейном деле в Пятигорске оценивается как неблагоприятное. В него тогда вмешался Политпросвет, и упразднив из Лермонтовского музея ставленника Д.М.Павлова (вероятно, В.Р. Апухтина) и поставив вместо него «совершенно невежественного мужчину», который развернул вредные преобразования. Дмитрию Михайловичу пришлось этому противодействовать.

В письме указывалось также, что Северо-Кавказский комитет по делам музеев уже, наверно, был упразднен по финансовым соображениям, но существовал юридически и, по-видимому, он просил Г.Н. Прозрителева написать работу «Памятники искусства и старины Ставрополья». При условии готовности рукописи, Д.М. Павлов собирался содействовать проведению ее через Главмузей.

В письме обсуждался вопрос организации «Кавказской научной ассоциации» с целью объединения кавказоведения. Г.Н. Прозрителеву предлагалось приложить свою подпись в качестве учредителя и позаботиться о подписях других краеведов, краеведческих учреждений и организаций Ставрополья. Как следует из других писем без даты, Григорий Николаевич не сразу, но поддержал данную инициативу. В 1924 г. этот проект был частично реализован в виде Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации (9, с.142-146).

В следующих двух письмах Д.М. Павлов благодарит Г.Н. Прозрителева за очередные посылки с научной литературой и дает ему высокую оценку как «...очевидному вдохновителю и организатору ценных культурных начинаний в Ставропольском крае», имя которого краеведами «произносится с заслуженным уважением и почтением»".

Еще в одном из редких в подборке посланий, напечатанных на машинке, говорится о создании краеведческого музея в Махачкале. Следует полагать, что оно также относится к 1923 г. Д.М. Павлов просил Г.Н. Прозрителева поддержать

«его хлопоты» письменно и направить дубликаты экспонатов, связанных с Дагестаном. Из других писем мы знаем, что Григорий Николаевич послал в Махачкалу определенные материалы, в частности, сведения об одной из жен Шамиля.

Среди приводимых в переписке сведений, интересных для истории музейно-выставочного дела на Кавминводах, обращает внимание вопрос о геогностических коллекциях Управления Кавминвод, которые направлялись в Ставрополь в 1848 г. для представления проезжающим его высочайшим особам и оставались там до 1864 г. Григорий Николаевич обладал информацией об археологических ценностях Пятигорья (Бештау, Развалка и других) и делился ею с кавминводскими краеведами.

Г.Н. Прозрителев имел контакты и с другой заметной личностью – кавминводским археологом-краеведом, организатором и активистом музейного дела и развития охраны культурного наследия, также юбиляром 2004 г. В.Р. Апухтиным (1874- ?). Всеволод Ростиславович с 1902 г. изучал археологические памятники Кавминвод, а в первой половине 1920-х гг. заведовал секцией по охране памятников искусства, старины и природы при Терском ОНО, Терским губернским музеем и бюро Истпарта, Пятигорским городским архивом; сотрудничал в Пятигорском отделении Северо-Кавказского института краеведения, Прикумском (Пятигорском) отделении этнолого-археологической комиссии РАИМК. Работал в Ставрополе. Являлся одним из создателей и в 1926-1927 гг. – председателем Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии в Ростове-на-Дону.

В государственном архиве Ставропольского края (Р-3020, № 1) хранится 3 письма Г.Н. Прозрителева к В.Р. Апухтину, относящиеся к 1911 г. Они написаны на бланках Ставропольской архивной комиссии и по содержанию являются ответами на послания Всеволода Ростиславовича. Из первого письма от 22.07.1911 г., направленного в Кисловодск, понятно, что респонденты познакомились на областном археологическом съезде во Владимире (1906). В нем выражались благодарности и обязательства о денежном вознаграждении за предложения и намерения В.Р. Апухтина снять копии документов о создании ополчения из калмыков Ставропольской губернии в 1812 г. и передать в Музей Северного Кавказа находки из раскопок у с. Канглы. Г.Н. Прозрителев просил срочно прислать отчетные материалы об этих работах для публикации в Трудах комиссии. Из второго письма (1.07.1911) следует, что Апухтин отослал Г.Н. Прозрителеву изданный им оригинальный набор открыток, воспроизводящих его находки на раннесредневековом могильнике в Нальчикском округе (Хасаутском склеповом – авт.). Григорий Николаевич, в свою очередь, послал В.Р. Апухтину фотографии материалов могильника на городище Маджары и ряд публикаций из Трудов архивной комиссии. Сожалея о том, что он не сможет быть на археологическом съезде в Новгороде, Григорий Николаевич дает характеристику своему Музею Северного Кавказа, который «...несмотря на недавнее существование, представляет солидный интерес и служит на пользу местному населению... охватывает именно Северный Кавказ». Третье письмо от 26.11.1911 г. направлялось в Москву, содержало благодарность за доставку

документов о калмыцком полке и напоминание о материалах из Канглы. Материалы о калмыцких ополченцах Г.Н. Прозрителев использовал при подготовке капитального труда «Военное прошлое наших калмыков» (1912), за который он был удостоен звание почетного жителя Большедербетовского уезда и позднее – «почетного гражданина Калмыкии» (10, с. 143-145).

Несмотря на то, что данные письма выглядят вырванными и из общего контекста переписки, в них содержится ценная и конкретная информации по рассматриваемой проблематике. Не удалось пока выявить письма краеведов советского периода, которые, кажется, должны были быть.

Странным представляется то, что нами пока не обнаружены материалы переписки между Г.Н. Прозрителевым и Н.М. Егоровым (1876-1965). Уроженец г. Владикавказа – Николай Михайлович Егоров после окончания Петербургского историко-филологического института (?) и преподавания в гимназиях Батуми, Кутаиси, Тифлиса и Баку, переехал в Пятигорск. Здесь он некоторое время работал в Терском губернском отделе ОНО, а затем стал заведующим сначала музея Лермонтова (1923-1924) и с 1.10.1924 по 04.1931 г. – Пятигорского межрайонного (окружного) музея краеведения. Занимался изучением памятников археологии региона и вопросами сохранения историко-культурного наследия (11, с.292-293). В части архива Н.М. Егорова, хранящегося в Пятигорском краеведческом музее, нашелся один косвенный документ о возможных деловых контактах Н.М.Егорова с Г.Н. Прозрителевым. Речь шла об установлении судьбы одного из половецких каменных изваяний, обнаруженного в окрестностях Пятигорска в середине XIX в. и перевезенного, сначала в Ставрополь для экспонирования у здания Городской думы, а затем, с открытием Кавказского музея, в Тифлис. Возможно, находки на этом пути еще впереди.

Нам представляется, что приведенные сюжеты анализа эпистолярных источников позволяют дополнить и уточнить знания об истории музейного дела и охраны памятников истории и культуры региона в 1910-х-1920-х годах. Данный вид источников заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

Использованная литература и источники:

1. Коваленко А.Н. Д.М.Павлов – выдающийся краевед Северного Кавказа //Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФСЦ «Великий шелковый путь», 1992
2. Колесникова М.Е. Дмитрий Михайлович Павлов (к 120-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2004 год. Краеведческий сборник. Ставрополь: СГКУНБ, СГКМ, 2004.
3. Колесникова М.Е. Краеведческое движение на Северном Кавказе в 1917-1930 гг. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г.Ставрополь, 12-15.04. 2001 г.). Ставрополь: СГУ, СГКМ, 2001.
4. Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921-1937 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.П. М.: «Памятники исторической мысли», ГУП «Наследие», 2001.
5. Назаренко Я.Н. Музейное дело, охрана и изучение культуры на Кавказе // Казанский музейный вестник, № 2. 1922.

6. Охонько Н.А., Попова Е.П. Ставропольский объединенный краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс, Рипол-Классик, 2001.
7. Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. Ставрополь: СКУНБ им. М.Ю.Лермонтова, 1999
8. Прозрителев Н.А. Прозрителев Григорий Николаевич (1849-1933) // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс, Рипол-Классик, 2001.
9. Колесникова М.Е. Создание Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации: к истории локальных культурно-исторических исследований // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г.Ставрополь, 24-26.04. 2003 г.). Ставрополь: СГУ, 2003.
10. Охонько Н. Ревнитель Кавказской старины // Земля Ставропольская. Памятники Отечества. Вся Россия, № 48. М.: Альманах "Памятники Отечества", 2001.
11. Кузнецов В.А. Н.М.Егоров //СА, № 3. 1966.

С.Н. Савенко
 Ставропольский государственный
 краеведческий музей
 им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
 Заместитель директора по научной работе,
 кандидат исторических наук.

И.А. Лачинов
 Кисловодский историко-краеведческий
 музей «Крепость».
 Заместитель директора

Лапидарий Кисловодского музея

Традиция создания выставок монументальных каменных древностей берет свое начало еще в эпоху античности и в средневековье. В России первые лапидарии появились в конце XVIII – XIX веке. Распространены они были особенно на юге страны. Сам термин к нам пришел из французского языка в XIX веке. Сейчас традиция сохраняется в отдельных музеях северокавказского региона. Однако упорядоченные и профессионально организованные подобные экспозиции под открытым небом в настоящее время встречаются нечасто.

Собрание крупномасштабных экспонатов из камня Кисловодского музея стало формироваться еще в период его основания, в конце 1963-1964 г. Тогда курортным управлением города было принято решение о передаче под музей круглой башни Кисловодской крепости – памятника истории и архитектуры XIX в. республиканского значения. Одним из первых экспонатов стала «крышка саркофага», найденная на огороде в с. Учкеекн сотрудником начальной школы С.И. Баташевым летом 1960 г. и перевезенная в Кисловодск (акт Народного музея № 113 от 26.10.1963 г.). Уже в ходе приспособления башни под музей возле нее были размещены указанный «саркофаг», антропоморфная стела из окрестностей Пятигорска и некоторые другие археологические, а позднее - и этнографические предметы. Инициаторами и организаторами доставки таких памятников к музею и составления из них выставки под открытым небом были: один из основателей и создателей народного музея, заведующий его археологическим отделом, краевед, археолог-любитель Н.Н.Михайлов; первый директор музея И.Т.Тулинов и его жена Я.М.Тулинова. Временем создания первой экспозиции следует считать лето 1964 г.

Коллекция габаритных изделий из камня продолжала увеличиваться в течение второй половины 1960-х годов. Редкий и интересный экспонат пополнил собрание в 1966 г. Это был кубический доломитный блок (длина грани около 1 м) с надписью и изображениями православных крестов. Сначала дата на камне была прочитана неточно – «1821 год» (1). В действительности надпись гласила: «1921 года, 1 июля сооружен сей памятник Крестовоздвиженской общиной станицы Кисловодской в память молитвенного обращения к Богу по случаю засухи и тяжести жизни». На верхней грани значилась фамилия, а на других – выдержки из Священных писаний. Камень был обнаружен кисловодскими школьниками-

краеведами возле «Малого Красивого кургана», за урочищем Клин-Яр, примерно в 10 км к западу от Кисловодска.

В 1968 г. (акт № 1118) поступила каменная ступа, которую передал гражданин Баев. Были и другие поступления. Ко времени, когда в 1970 г. на базе Кисловодского народного музея готовилось создание первого филиала Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.К. Праве, была составлена «Коллекционная опись предметов основного фонда Кисловодского народного музея». В ней, в разделе с некорректной историко-культурной атрибуцией – «Половцы – XI-XII вв.», значились: каменная баба (район Пятигорска), 2 жернова небольших размеров, жернов большой (из катакомбы Рим-горы), «трехступчатое» надгробие, 3 фрагмента надгробий, надгробие плоское с гребешком, «саркофаг» из травертина (могильник у с. Учкеек).

Во время развертывания реставрации, в конце 1980-х годов, экспонаты были бессистемно перемещены с первоначального места и часть из них в результате этого, к большому сожалению, оказалась утраченной. Но тогда же на территорию музея была перевезена каменная ванна начала XIX века, использовавшаяся для приема нарзанных ванн в начальный период развития кисловодского российского курорта. Завозились к музею в качестве строительного материала и отдельные каменные надгробия с активно разрушаемых в тот период городских исторических кладбищ (вторая половина XIX – первая половина XX в.) бывшей станицы на улице Калинина и городского Братского кладбища между улицей 40-лет Октября и Проездом Цандера. Среди них были, например, содержащие следующие надписи: «Здесь покоится прах Григория Харитоновича Мамонова Ск. 1 октября 1910 года, на 60 году», «Здесь покоится прах Евдокии Григорьевны Кудиновой. Род. 1866 г. 26 февраля. Ум. 1892 г. 29 августа от холеры»; «Здесь покоится прах пятигорского мещанина...Герасимова...1908 (?)» и некоторые другие. Администрацией музея ставился вопрос о сохранении этих надгробий для будущей экспозиции, однако ко времени завершения работ остались нетронутыми только некоторые фрагменты от них.

После реставрации здания бывших мастерских крепости (1994 г.) возле него вновь была воссоздана экспозиция из каменных памятников. Ее оформление проведено ко времени работы на базе Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» XVIII-х «Крупновских чтений».

Отдельные крупные археологические и этнографические экспонаты поступали в музей и в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В этот период коллекция расширилась за счет крупной ладьевидной зернотерки с территории поселения середины I тысячелетия до н.э. Кордон в долине Аlikоновки; ступки I тысячелетия н.э. из окрестностей Кисловодска; фрагмента надгробного памятника и крупного жернова от мельницы-«вальцовки», найденными в реке Ольховке возле музея-усадьбы Н.А. Ярошенко. Интересный и пока еще не осмысленный экспонат был доставлен в музей (1995 г.) начальником археологической экспедиции, заместителем директора С.-Петербургского филиала Российского института культурного и природного наследия А.А.Ковалевым, который провел раскопки одного из курганов возле поселка Нежинского, совместно с

сотрудником Института истории материальной культуры, кандидатом исторических наук М.Б. Рысиным, с участием Кисловодского краеведческого музея. При детальном обследовании камней кольцевого кромлеха кургана конца III – начала I тысячелетия до н.э. исследователями выявлены вторично использованные куски плит с фрагментами изображений, относящихся, вероятно, к эпохе ранней или средней бронзы.

Весной 2004 г., в ходе проведения капитального ремонта здания и помещений мастерских крепости, было упорядочено и собрание лапидария музея. Экспонаты расставлены по определенной системе, атрибутированы, обозначены. С целью обеспечения сохранности и с учетом требований техники безопасности большая часть предметов была закреплена на бетонных подушках, а верхняя половина крупного скифского изваяния – установлена в стакан. Некоторые разбитые изделия собраны на бетонных прослойках.

Недавно в структуру экспозиции была включена верхняя часть креста XIX века с одного из первых кисловодских кладбищ на западном склоне Солдатской горки, обнаруженная и доставленная с помощью местных казаков, прихожан Свято-Никольского собора и группы спасателей под руководством А.В. Уварова (Борисенко С.М., Бондарев А.Л., Широков А.С., Нетеса А.Н.). Солдатское и слободское кладбище разрушалось дважды – в 1930-е и в начале 1960-х годов в ходе развития индивидуальной застройки и строительства корпусов и подсобных помещений обувной фабрики. Сейчас от него остались только небольшие разоренные участки. В наше время возрождения духовности целесообразно было бы обозначить, привести в порядок и освятить хотя бы сохранившиеся части исторического некрополя города.

К сегодняшнему дню в музейном собрании находится 20 выразительных экспонатов, относящихся к различным хронологическим и историко-культурным этапам истории заселения кисловодской земли, начиная с рубежа III-II тысячелетия до н.э. и вплоть до XIX – начала XX века нашей эры. Предполагается пополнение коллекции и развитие данной своеобразной экспозиции и в дальнейшем.

Уже первая выставка под открытым небом пользовалась интересом у посетителей музея и обращала на себя внимание краеведов и специалистов. Часть экспонатов подвергалась детальному изучению и публикации.

Каменные надгробия Учкеевского могильника X-XII вв. были обнаружены местными жителями, А.П. Руничем и Н.Н. Михайловым, в 1958-1960 гг. Их своеобразие побудило А.П. Рунича подготовить специальную статью, посвященную научной характеристике данного памятника. Но она осталась неопубликованной. Краткие сведения о могильнике приведены в обобщающей статье А.П. Рунича и Н.Н. Михайлова о Рим-горе (2, с.178-179). В ней подчеркивались существенные отличия катакомб, устроенных в открытом участке скалы и под ней, и особенно примыкавшего к ним грунтового некрополя. Погребения на нем представляли собой неглубокие вытянутые трапециевидные ямы с расширением в западном направлении и заплечиками, вырубленные в скале или выкопанные в плотной супеси. Погребенные укладывались вытянуто на спине, головой в западный сектор, с согнутыми и уложенными на живот или

грудь руками. Инвентарь был редким и малочисленным. Перечисленные признаки характерны для христианского обряда. Часть погребений перекрывала фигурные каменные надгробные плиты. А.П. Руничем выдвинуто резонное мнение о том, что данный могильник принадлежал христианскому, собственно византийскому, населению средневекового аланского города на Рим-Горе. Примечательно, что почти за 45-летний период интенсивного изучения археологических памятников Кисловодской котловины и прилегающих районов не удалось пока открыть ни одного подобного объекта.

Интересную историю создания мемориального кубического камня 1921 г. поведал в газетной публикации кисловодский краевед В.И. Попов, на основании семейного предания (3). Доломитный блок был заготовлен в карьере Аликоновского ущелья для строительства Ессентукской грязелечебницы в 1914 г., накануне I-ой мировой войны. Казаки станицы Кисловодской, как и местные слобожане, традиционно занимались заготовкой и извозом строительных материалов (бревна, балки, камень) для кавминводских курортов. Один из казаков не смог довести поклажу из-за того, что у него поломалась телега. Он вынужден был свалить камень в станице у своего двора, где он и пролежал несколько лет. И уже при советской власти, в 1921 г., ему нашли применение. Во время сильной засухи общество станицы Кисловодской прибегло к старинному религиозному ритуалу. Был организован крестный ход к отдаленному, действовавшему в жаркое время, роднику. Предварительно на кубе мастера каменотесы выбили изречения из Библии и Евангелия, исполнили памятную надпись. В ходе крестного хода монумент установили у родника. До конца 1980-х годов памятник стоял среди других подобных объектов на музейной территории. В период реставрации случилось несчастье! По недосмотру музейных работников и безответственности реставраторов ценный экспонат был уничтожен.

В начале 1980-х годов в поле зрения ученых попала «каменная баба». Как выяснилось, она относилась к раннему скифскому периоду – VII - начало VI в. до н.э. и принадлежала к малочисленной тогда группе разновидностей центральной части Северного Кавказа. Первая научная публикация экспоната осуществлена в 1986 г. В.Г. Петренко. В ней были приведены фотографии и чертежи изваяния с некоторыми неточностями, связанными, в частности, с тем, что части памятника были скреплены с помощью проволочных колец и цемента, и «баба» была вкопана в землю на глубину 70-80 см. Исследователь указала, что персонаж стелы изображен в шлеме предположительно коринфского типа (4, с.159-160, рис.1,1; 2, 1-4).

Изучение изваяния в начале 1990-х гг. продолжил В.С. Ольховский. Его заслугой было то, что он уточнил общий вид, некоторые детали и размеры стелы, которая имела удлиненное, зауженное к концу завершение и общую длину не 180, а более 260 см. Были определены атрибуты: «гладкий шлем (?), одновитковая гривна»; дана датировка в пределах середины VII - начала VI в. до н.э. Результаты более детального анализа изваяния были опубликованы в совместной с Г.Л.Евдокимовым монографии о скифских изваяниях VII-III вв. до н.э. (5, с.38,150, илл.86, 158).

Можно внести некоторые корректировки в представления об обстоятельствах находки и внешнем виде рассматриваемого изваяния. В фондовой документации музея сохранился акт за № 205/48 от 4.04.1964 г. с указанием, что баба каменная из двух кусков передана заведующей фондами Пятигорского музея Красивской Л.Н. В передаточной коллекционной описи археологических коллекций музея начала 1970-х гг. ошибочная интерпретация стелы как «половецкой каменной бабы» сопровождалась указанием на то, что она происходит из района Пятигорска. Я.Б. Березин, определил, что изваяние сделано не из песчаника, а из бештаунита, который особенно распространен в окрестностях Пятигорска. В.С.Ольховский посчитал, что она имеет заостренное нижнее окончание. В действительности нижний край более заovalен.

В.С.Ольховский впервые опубликовал второе кисловодское изваяние, значительно меньшее по размеру и примитивное по форме (6, 1998, с.29-30). Оно было обнаружено Я.Б.Березиным и Н.Н.Климовым на кургане в районе ГПТУ-29 в 1987 г. и затем доставлено к музею. В публикации были приведены и данные о ее размерах, морфологических особенностях и условиях нахождения.

Уточняются некоторые детали и в связи с этим артефактом. Курган, с которого происходит изваяние, находился на улице Белинского в Кисловодске, возле участка, переданного под строительство жилого дома ГПТУ № 29. В 1995 г. он был поставлен на государственный учет и охрану. Но в ходе развертывания работ (1998 г.) объект вновь существенно пострадал. Была снесена примерно половина насыпи высотой около 1,5 м и диаметром 20-24 м. Разрушено несколько погребений эпохи средней бронзы и в центральной верхней части кургана - прямоугольная выкладка из крупных обработанных столбообразных плит длиной в среднем 1 – 1,5 м. и размерами в сечении 20-35 см. По всей вероятности, выкладка была связана с указанным изваянием и представляла собой часть конструкции скифского ритуального комплекса. Возможно, при исследовании оставшейся части кургана удастся, хотя бы частично, восстановить историческую картину.

К числу экспонатов экспозиции, публиковавшихся в литературе, относится и каменная ванна начала XIX века. Она долго стояла у исторического подковообразного здания «Выставки истории кисловодского курорта», открытой в 1955 г. и существовавшей до 2003 г. Там ее замечали и неоднократно указывали в газетных публикациях журналисты и краеведы. В научной литературе она была опубликована Я.Л. Махлевиным, который обоснованно предположил, что первоначально ванна могла находиться на усадьбе известного кисловодского первопоселенца А.Ф. Реброва (7, 1983, с.15). В этом случае ею могли вполне пользоваться и такие знаменитые постояльцы ребровского дома, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие.

Часть памятников собрания пока не исследовались специально, но вполне заслуживают этого. Интересной и еще недостаточно изученной категорией крупных каменных изделий, представленных в кисловодском музее, являются так называемые ступы. Обычно ступа рассматривается как предмет, связанный с сельскохозяйственным, преимущественно зерновым производством. Так, в частности, определялись ступы в одной из ранних работ по истории земледелия

на территории Ставрополя Т.М. Минаевой (8, с.278, рис.2,4). Б.А. Калоев также говорит о ступах как предметах обработки продукции растениеводства и подчеркивает, что они появляются уже в I тысячелетии до н.э. (9). Но опубликованы и другие интерпретации «ступок». Так, Х.Х. Яхтанигов (10, с.24) и некоторые другие ученые связывают ступки с емкостями для измельчения селитры при производстве пороха. Обобщающую публикацию по теме в 1998 г. подготовили С.Н. Малахов и Е.И. Нарожный (11, с.19-23). Они привели мнения А.А. Бобринского о ступообразных камнях как о базах-опорах для ножного гончарного круга и В.А. Кузнецова – о камнях с округло овальными выемками как о базах для могильных стел. Ученые выделили 2 группы ступ и предположили их полифункциональное назначение с широким, еще не полностью установленным, спектром использования. Так не было названо применение «ступок» в качестве баз для столбов жилых и оборонительных построек средневековых поселений региона. Так они использовались на бытовых объектах Кисловодской котловины, в частности, на городище «Горное эхо». Ступы находились на городищах Кугуль (с его территории, вероятно, происходит одна из ступ лапидария), Крымушкина балка и других. In-situ подобная ступа зафиксирована на мощеной дороге – спуске с раннесредневекового Левоберезовского укрепления в районе нижнего участка аула Элькуш в 1996 г.

Ступы лапидария также могли иметь различное назначение потому, что форма донной части и глубина углублений заметно различаются. Более отработанную форму и обширное углубление имеет поздняя ступа, относящаяся, по всей вероятности, к эпохе позднего средневековья. Интересно то, что большинство известных ступ длиной и шириной 40-50 см.

В собрании представлен редкий экземпляр качественно вытесанного из плотного камня жернова крупных размеров, диаметром 1 м, вероятно, от водяной мельницы. На основании старой документации можно предполагать, что он найден на территории Римгорского могильника № 1. Во входной яме одной из катакомб Рим-горы действительно был жернов (12, с. 207). Однако для однозначной атрибуции указанного предмета данных недостаточно. Если же предположение удастся подтвердить – жернов станет уникальным сохранившимся образцом позднеаланской водяной мельницы XI-XII вв.н.э.

Другой поздний жернов от вальцовочной мельницы, найденный на территории музея Ярошенко, интересен тем, что он относился к одной из мельниц Кисловодской слободы. На Ольховке находилась мельница И.И. Подбуртного, который входил в слободское правление, а позднее был товарищем городского головы И.П. Кобыляцкого и временами исполнял обязанности главы городского самоуправления (13, с.33). Не исключено, что его мельница первоначально была общественной и использовалась для помолов зерна слобожан, как одного из источников пополнения местной казны.

Важным представляется то, что в коллекции нашли свое место хотя и не самые выразительные, но адресные части надгробий со всех основных исторических кладбищ города. Они являются свидетелями не только конкретных человеческих судеб кисловодчан, но и варварского отношения советских функционеров и части граждан к собственным памятникам и историко-

культурному наследию. Они всегда будут иметь не только научное и культурное, но и назидательное значение.

21.08.2004 г. состоялось официальное открытие новой экспозиции лапидария, посвященной его 40-летию. Она пополнилась еще одним экспонатом. Это часть каменной базы деревянного столба со сложным сквозным отверстием, обнаруженная на городище (VI-VIII вв. н.э.) «Горное эхо» экспедицией под руководством И.А. Аржанцевой и переданная начальником экспедиции в музей.

30.10.2004 г. на базе Кисловодского музея «Крепость» был проведен круглый стол по проблемам сохранения археологического наследия на юге России с участием ученых и специалистов Ставрополя, республик Северного Кавказа, Москвы, Абхазии и Германии. В программе данного круглого стола Кисловодский лапидарий фигурировал как ключевой объект показа, демонстрирующий одну из старейших форм сохранения археологических памятников.

Использованная литература и источники:

1. Петренко А. Каменный документ //Кавказская здравница. 1966 г. 2.08.
2. Рунич А.П. Катакомбы Рим-Горы // Советская археология. 1970, № 2.
3. Попов В. И поведал камень... // Кавказская здравница. 1983 г. 16.11.
4. Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
5. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния УП-III вв. до н.э. М.: ИА РАН, ИА АНУ, 1994.
6. Ольховский В.С. К изучению скифской скульптуры Северного Кавказа// Историко-археологический альманах. Вып.4. М.-Армавир. 1998.
7. Махлевич Я.Л. Мезонин у нарзана. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1983.
8. Минаева Т.М. К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 10. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1960.
9. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.
10. Яхтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. Нальчик: Эльбрус, 1984.
11. Малахов С.Н., Нарожный Е.И. Средневековые ступообразные камни Верхнего и Среднего Прикубанья // Пятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир: АГПИ, 1998
12. Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Городище Бургусант или Рим-Гора // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1976.
13. Савенко С.Н. Самоуправление Кисловодска. Кисловодск, 1999.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Г.Н. Прозрителев – сотрудник Ставропольского губернского статистического комитета

Григорий Николаевич Прозрителев (1849-1933) являлся активным общественным и научным деятелем Северного Кавказа. С 1905 г. по 1920 г. он был одним из ведущих сотрудников Ставропольского губернского статистического комитета (ГСК). Благодаря Г.Н. Прозрителеву, в 1907 году избранному вице-председателем статкомитета, данное учреждение возобновляет свою научно-исследовательскую деятельность, оживление которой наблюдается в течение последующих пятнадцати лет.

Руководя комитетом, Г.Н. Прозрителев вовлекает в него всех интересующихся изучением Северокавказского края и объединяет эти силы под эгидой ГСК.

С 1907 года под руководством Г.Н. Прозрителева начинается издание «Сборников Сведений о Северном Кавказе», содержащих исключительный по богатству и значению исторический материал. Всего под его редакцией вышло 11 томов (из 12). Один из выпусков Сборника представляет собой собрание многочисленных и разнообразных работ И.В. Бентковского, собранных и переизданных по инициативе Г.Н. Прозрителева.

На страницах Сборника помещены многие статьи и заметки самого Г.Н. Прозрителева. Одни из них («Первые русские поселения на Северном Кавказе...», «Борьба за обладание Северным Кавказом») посвящены Кавказу в целом, другие («Дело крестьян с. Маслов-Кут Ставропольской губернии 1853 года», «Шамиль в г. Ставрополе», «К 125-летию г. Ставрополя на Кавказе») освещают отдельные страницы истории Ставрополя и Ставропольской губернии, а третьи («Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа», «Древние христианские памятники на Северном Кавказе», «Древние Тебердинские могильники», «К истории Тмутараканского камня») содержат обширнейший материал по археологии Северного Кавказа.

Примечательно, что Г.Н. Прозрителев, один из первых, кто осознал необходимость изучения архивных и археологических источников, начал работу по организации их сохранения и изучения. Нельзя не согласиться с его мнением, что эти источники более чем другие позволяют раскрыть историю Северного Кавказа наиболее полно. А ведь в то время внимание работников статкомитета было направлено главным образом на всестороннее изучение современного состояния региона путем сбора и обработки статистических данных, рассмотрению же его прошлого не уделялось должного внимания.

По инициативе Г.Н. Прозрителева на заседаниях Ставропольского ГСК, состоявшихся 8 апреля и 19 августа 1905 года, был поставлен вопрос о необходимости изучения истории Северного Кавказа и необходимости разработки архивных источников. Было признано необходимым организовать в

Ставрополе ученую архивную комиссию (СУАК), которая взяла бы на себя заботу по сбору и сохранению письменных исторических источников. Как известно, торжественное открытие СУАК состоялось 17 февраля 1906 года

Таким образом, Г.Н. Прозрителев был одним из наиболее активных и деятельных сотрудников Ставропольского статкомитета. Он является одним из первых историописателей его деятельности. Его перу принадлежит «Очерк жизни и деятельности Бентковского – бывшего секретаря Ставропольского Статистического Комитета». Оценивая его деятельность и вклад в развитие научного изучения региона, Г.Н. Прозрителев в истории существования статкомитета выделял 20-летний период (с 1871г. по 1891г.), когда секретарем комитета был И.В. Бентковский, справедливо определяя его как время «расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и... целесообразного существования его».

Определяя основные задачи, стоящие перед комитетом, Г.Н. Прозрителев писал: «Ни одна сторона местной жизни не может пройти незамеченной, и ни одно явление не отойдет бесследно в прошлое», также подчеркивал, что многое зависит от правильной постановки дела и энергии лиц, входивших в состав комитета и на своих плечах выносивших всю тяжесть повседневной работы. К таким ключевым фигурам Г.Н. Прозрителев причислял И.В. Бентковского – человека, «проникшегося интересами и нуждами нашего края, посвятившего себя изучению условий его существования... и в течение всей своей жизни не оставлявшего без внимания и усиленной разработки вопросов, касающихся жизни Северного Кавказа». Об этом свидетельствуют многочисленные труды И.В. Бентковского, список которых приводит Г.Н. Прозрителев в своем очерке. Он акцентирует внимание на условиях, в которых приходилось работать И.В. Бентковскому, а значит и всем «добросовестным» членам комитета, которые во многом благодаря своей целеустремленности и увлеченности, занимались разработкой исторического прошлого Северного Кавказа. Он обращает внимание на то, что к сведениям, получаемым из вторых рук, нужно подходить с большой осторожностью, тщательно проверять и перепроверять исторические факты. Отмечая недостаток средств у статкомитета на проведение научных исследований, «едва оплачивающего скромное жалованье секретаря и содержание писца», а потому не имеющего возможность совершать опрос и производить исследования на месте, он пишет: «точность данных в работах Бентковского хотя и может быть признана относительной, тем не менее, он ... прилагал старания для проверки получаемых сведений». Тем самым он раскрывает перед нами лабораторию исследователя.

Г.Н. Прозрителев не просто познакомил нас с биографией человека, которому мы во многом обязаны своим знанием о прошлом Ставропольской губернии. Он проанализировал его научные труды, являющиеся ценными источниками, а через его деятельность – и 20-летний период истории существования Ставропольского статкомитета.

Е.Н. Стрекалова
Ставропольский государственный университет.
Преподаватель, кандидат исторических наук

Социальное положение технической интеллигенции Северного Кавказа в 20-30-е гг. XX века

В многочисленных документах 20–30-х годов формирование советской интеллигенции рассматривалось как одна из главных задач культурной революции. Подводя итоги ее осуществления к концу 30-х годов, ЦК ВКП (б) в резолюциях XVIII съезда констатировал, что интеллигенция стала совершенно новой, связанной своими корнями с рабочим классом и крестьянством. Подчеркивалась ее служба социализму и, как следствие, равноправное положение интеллигенции в советском обществе (1, С. 80).

Социальное положение технических специалистов определялось, прежде всего, политикой советского правительства, заинтересованного в их труде. Форсированный характер производства в период индустриализации увеличил ценность высококвалифицированных кадров. Следствием стало повышение оплаты труда, материального положения, появлялись дополнительные льготы. Однако укрепление командно-административной системы, использование производственных просчетов специалистов в политических процессах снижали социальный престиж технической интеллигенции. Поиски вредителей среди ИТР, формально осуждаемые и квалифицируемые как негативные, на деле дамкловым мечом висели над каждым из них. В общественной работе власть постоянно вела борьбу с «кастовостью» интеллигенции, за унификацию всего общества на единой марксистско-ленинской идеологической основе.

Вообще, после октября 1917 г., под влиянием общественной пропаганды, термин «интеллигенция» приобретает негативную окраску. Он начинает заменяться термином «специалисты», что отражало реальную установку на вытеснение старой буржуазной интеллигенции из общественной жизни страны. Ей на смену должны были прийти новые специалисты, социальные функции которых ограничивались профессиональными интересами. «Служение советской политической системе» должно было стать главной социальной ролью специалистов, а не выражением общественных потребностей, как укрепилось в сознании конца XIX – начала XX вв. (2, с. 20).

В народной среде появилось полупрезрительное обращение – «спец». В 1925г. журнал межсекционного бюро ИТР напечатал статью инженера, который писал о противоречии в положении специалистов. «Вроде бы специалист полезен обществу, но реально отношение к нему через 8 лет революции все еще враждебно». Для обывателя тот, кто чисто одет, не занимается физическим трудом, кто по-книжному разговаривает, тот «начальник, барин, буржуй. Для рабочих это и есть спец». Появился заводской фольклор, зло высмеивающий специалистов. (3, с. 6; 4, с. 85).

Повышению социального статуса способствовало постановление ЦК РКП (б) от 11 сентября 1925 г. «О работе среди специалистов». Оно являлось официальной реакцией власти на усилившиеся антиспецовские настроения на местах. Постановление устанавливало невозможность отношения к специалистам на основе их классового происхождения. Однако исследование показывает незначительный результативный эффект этого постановления для прекращения «спецедействия». Летом 1927 г. окркомы ВКП (б) и фракции Дорпрофсожа Северо-Кавказских железных дорог вновь столкнулись с необходимостью решать этот вопрос (5, с.497, 6). Такое отношение рабочих к специалистам безусловно негативно сказывалось на социальном статусе ИТР в обществе.

Причина сохранения негативного отношения заключалась, прежде всего, в негативном отношении к интеллигенции со стороны многих государственных и партийных деятелей. Это подмечали и современники. Так, председатель Северо-Кавказского исполкома Богданов, сам инженер по образованию, в «кратком сообщении» на имя Сталина, Рыкова, Томского, Дзержинского в 1926 г. писал, что одного постановления для создания нормального отношения к специалистам мало. Циркуляры не решают проблемы, когда пренебрежительные фразы о специалистах слышатся в Кремле от ответственных лиц (7).

В действительности, после Шахтинского дела 1928 г. происходит еще более значительное падение престижа ИТР, обострение негативного отношения со стороны рабочих (8,9). Недоверие народа к интеллигенции поддерживали периодически проходившие чистки аппаратов предприятий. Большую роль здесь сыграли доносы, личное сведение счетов, неосторожно оброненные слова специалистов, в которых можно было заметить неодобрительное отношение к советской власти.

Авторитет специалистов подрывался местными и центральными средствами массовой информации. В апреле 1928 г. краевая газета «Молот» писала, что специалисты – это «господствующая каста людей», от которой все зависит. Они подменяют всех при утверждении проектов, «разобщают рабочих», нацеливая на увеличение зарплаты, заботятся только о материальной выгоде (10, с.3).

К середине 30-х годов, в условиях индустриализации, усложнение технологической стороны производства способствовали росту статуса обладателей технических знаний. Важным было появление к этому периоду времени своих специалистов, из рабочих и крестьян. Расширилась категория лиц, желающих получить техническое образование. Исследователи говорят о формировании к середине предвоенного десятилетия единого слоя советской интеллигенции, куда вошли и старые специалисты (11, с. 106; 12, с.229; 13, с. 169, 172). О.В. Крыштановская подчеркнула чрезвычайно сложный процесс ассимиляции старых специалистов в новую структуру, так как «миссия технической интеллигенции заключалась в одновременном руководстве гегемоном и подчинении его воспитательного воздействия» (4, с.88).

Во второй половине 30-х годов техническая интеллигенция в большинстве своем состояла из специалистов, подготовленных советской системой. Однако репрессии вновь ударили по положению ИТР. В конце 1936 г. по стране

прокатилось эхо «ростовского дела», об орудовавших на угольных предприятиях Азово-Черноморского края врагах из числа специалистов (14,с.140).

На Северном Кавказе специалистов-врагов нашли на Беслановском маисовом комбинате в Северной Осетии, Дагестанском стекольном заводе, в консервной, нефтяной, цветной промышленности Орджоникидзевского края. Считалось, в частности, что ИТР в Карачаевской АО тщательно скрывали богатства недр, намеренно срывали исследования. Одна партия варенья, в которую попали осколки стекла, дала возможность подозревать ИТ-персонал консервного завода во вредительстве, в «троцкистско-фашистском пособничестве» (15, с.17; 16,с.1).

Очевидно, причина этих репрессий заключалась не в буржуазном происхождении интеллигенции. В этом смысле показательны слова из работы (1939 г.) М.И. Калинина. Говоря об интеллигенции как о злободневном вопросе, он отмечал, что недоверие к специалистам по-прежнему осталось. Более того, «люди, работавшие по-стахановски на заводах, а потом направленные в вуз для получения образования, перестают быть настоящими людьми – становятся людьми второго сорта» (17, с.1-5).

Эта фраза одного из руководителей государства, более чем парадоксально звучащая в свете приведенных решений XVIII съезда, показывает противоречивость социального положения интеллигенции. Специалисты-враги стали просто жертвами и фактором укрепления командных форм управления в производственной сфере, в наиболее важной сфере для преодоления индустриальной отсталости страны и постройки фундамента «социализма».

В то же время нередко были случаи защиты специалистов местными органами ВКП (б), когда дело не приобретало политической нагрузки. Если техническая халатность, просчет или случайность не оборачивались обвинениями в троцкистском пособничестве, то ячейки ВКП(б) предприятий стремились отменить мелочные обвинения. В первую очередь это касалось наиболее видных технических специалистов, потеря которых острейшим образом отразилась бы на предприятии. Особым постановлением 1936 г. Северо-Кавказский крайком ВКП (б) отменил «политически вредное» решение руководства Садонского рудоуправления Северо-Осетинской АО об увольнении и выселении как социально чуждых 18 технических специалистов (18,).

И все же, несмотря ни на что, престиж технической интеллигенции в 30-е гг. растет, не только по причине нехватки высококвалифицированных кадров в годы предвоенных десятилетий, но и пополнения состава технических кадров из народа. Создание собственной интеллигенции постепенно привело к росту терпимого отношения к ней. Резкое повышение престижа инженерных профессий приходится на военное время, когда технические разработки талантливых инженеров спасали страну.

Итак, социальный статус инженерно-технических специалистов, несколько установившийся к середине 20-х годов, под влиянием политических процессов рубежа 30-х резко падает. Однако социальная благонадежность новой технической интеллигенции, формировавшейся путем жесткого классового

контроля поступавших в вузы, пополнение ее состава из рабочих-выдвиженцев привели к лояльному отношению к ней.

Использованная литература и источники:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М. 1984.,Т. 7.
2. Матвеев Г.А. Об эволюции понятия «интеллигенция» в отечественной общественной мысли.// Интеллигенция России: уроки истории и современность. – Иваново, 1994.
3. Что такое «спец». // Инженерный труд. 1925. №2.
4. Крыштановская О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. – М., 1989.
5. Решения партии и правительства... М., 1967. Т. 1. С. 497.
6. ГАРО, Ф. – 7, Оп.1, Д. 476, Лл. 20-21.
7. ЦДНИРО, Ф. – 7, Оп. 1, Д. 938, Лл. 37-38; д. 717, л. 4-8.
8. ГАРО, Ф.Р. – 3555, Оп. 1, Д. 18, Лл. 44-221 об.
9. ГАКК, Ф.Р. – 379, Оп. 1, Д. 13, Лл. 14, 16; Ф.Р. – 226, Оп. 2, Д. 50, Лл. 123-179.
10. Молот. 1928. 25 апреля.
11. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. – М., 1983.
12. Советская культура в реконструктивный...
13. Селунская В.М. Социальная структура советского общества...
14. Лопатин Л.Н. Формирование псевдоинтеллигенции как способ укрепления командно-административной системы...// Интеллигенция в советском обществе. Межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 1993. С. 140.
15. Петрушин Г.В. Парторганизация Краснодарского края в борьбе за развитие промышленности в предвоенные годы (1937 – июнь 1941). // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательских работ за 1963 год. – Краснодар, 1964.
16. Орджоникидзевская правда. 1937. 16 мая. С. 3. 12 мая.
17. Калинин М.И О задачах советской интеллигенции. – М., 1939.
18. ЦДНИСК, Ф. – 1, оп. 1, д. 94, л. 70.

Г.К. Пправе как общественный деятель

Георгий Константинович Пправе, приехав на жительство в город Ставрополь в 1885 г., стал работать в отделении Крестьянского поземельного банка, а с 1892 г. – нотариусом. В этой должности он пробыл до 1920 г., до закрытия нотариальных контор. Получив закалку в Петербурге, он активно включился в общественную жизнь города и губернии. Его жена и ближайший помощник во всех его делах Мария Васильевна имела имущественный ценз, дававший право участия в выборах в городскую думу. Но как женщина, согласно закону, она не имела права голосовать непосредственно, но могла передать право голоса мужчине по своему усмотрению. Воспользовавшись этим, она при очередных выборах в городскую думу передала по доверенности свой голос мужу Георгию Константиновичу. Поскольку в городе его знали как человека ответственного, добросовестного, честно выполнявшего свой общественный долг, болевшего за нужды населения, то его выбрали городским гласным. После этого он постоянно избирался в состав городской думы и играл в ней видную роль в течение 35 лет. В городе он близко сошёлся с бывшим народовольцем Я. В. Абрамовым, вместе с которым в 1887 г. открыл первую в Ставрополе бесплатную общественную народную библиотеку. Активно участвовал в распространении в губернии просвещения, воскресных школ, в которых преподавал, библиотек, народных чтений. Был одним из организаторов народного университета в Ставрополе. Круг его научных интересов был весьма широк. Он был членом Русского экономического общества, председателем правления общества по изучению Северо-Кавказского края, почётным членом Ставропольского общества политкаторжан и т.д.

Г.К. Пправе не рвался в состав городской управы, но активно участвовал в обсуждении и решении всех вопросов, которые выносились на заседания городской думы. При обсуждении вопросов жизни города он не только принимал в нём активное участие, но проявлял при этом принципиальность и разумный подход. Будучи гласным, он неоднократно возглавлял комиссии городской думы. В 1904 г. училищная комиссия под его председательством предложила создать в Ставрополе городской музей учебных наглядных пособий. Эта инициатива была поддержана, и он получил официально статус музея с 1906 г., главной задачей которого было обслуживание школ и других учебных заведений. Благодаря стараниям Г.К. Пправе музей к началу Первой мировой войны располагал уникальной коллекцией по учебным предметам, сельскому хозяйству. В нём имелись гербарии, этнографические и другие коллекции.

Создание музея и его комплектование потребовали от Г.К. Пправе огромного напряжения сил, затраты материальных средств, в том числе и личных. Но благодаря целеустремлённости, самоотверженности, а также поддержке

населения, в Ставрополе был создан городской музей имени Марии Васильевны, один из лучших на Кавказе. Музей завоевал поистине всенародное признание, свидетельством чему явились не только массовое посещение его людьми разных поколений и сословий, но и те пожертвования, которые нередко достигали довольно внушительных размеров. Вот лишь один пример. В заявлении в городскую думу 27 февраля 1912 г. заведующий городским музеем Г.К. Пправе сообщал о том, что музеем получены пожертвования от О.К. Понятовской и А.К. Горошко в виде принадлежащей их матери библиотеки. В ней было 1000 томов печатных изданий XVIII – начала XIX в., начиная с царствования императрицы Екатерины II. Среди них было много чрезвычайно редких и ценных изданий, собраний сочинений русских писателей, переводов по русской и всеобщей истории, естествознанию, путешествиям и т.д. Стоимость библиотеки превышала пять тысяч рублей. По предложению Г.К. Пправе городская дума выразила О.К. Понятовской и А.К. Горошко благодарность «за пожертвованную ими в городской музей ценную библиотеку» (1).

3 марта 1905 г., когда в городской думе состоялось совещание гласных, обсуждавшее проект всеподданнейшего адреса на имя императора от имени ставропольской городской думы по случаю рескрипта на имя министра внутренних дел от 18 февраля, Г.К. Пправе, вместе с оппозиционной частью гласных, поддержал предложение гласного Я.В. Абрамова о том, чтобы избрать комиссию, которая бы внесла на рассмотрение думы проект представления императору «о способах усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» (2).

Ставропольская городская дума 9 марта поддержала это предложение, вызвавшее недовольство местных властей (3).

Когда в мае 1905 г. до Ставрополя дошла весть о поражении эскадры Рожественского в проливе Цусима, он вместе с частью гласных

Этой же теме было посвящено и заявление 25 гласных Думы. Рассмотрение этого заявления на заседании городской думы 3 июня 1905 г. превратилось при активном участии социал-демократов в политический митинг, на котором выступил представитель Кубанского комитета РСДРП В.Д. Сокольский («Тарас»). Здесь же были разбросаны прокламации, содержавшие «резолуцию рабочих города Ставрополя», в которой говорилось о том, что только с помощью революции можно добиться своих прав. Для наведения порядка в зал заседания была введена полиция. На требования полицмейстера разойтись часть присутствовавших взяла в руки стулья и заняла оборонительную позицию с криком «Долой полицию, бей полицию!», стали петь революционные песни. С криком «Долой самодержавие!» были брошены листовки на улицу (4, с.21; 5).

Когда в России развернулось движение по демократизации жизни страны и стали созываться земско-городские союзы, Г.К. Пправе был одним из тех, кто принимал в них участие от города Ставрополя. В октябре 1905 г. он участвовал в работе первого учредительного съезда конституционно-демократической партии, заявивший о своей оппозиции властям.

Во время Всероссийской октябрьской политической стачки император Николай II вынужден был подписать 17 октября манифест, которым даровал

населению страны гражданские свободы, объявил Государственную думу законодательной и допустил к выборам в неё рабочих. В ответ на манифест черносотенцы устроили погромы и избиение революционеров и инакомыслящих. Когда в Ставрополе стало известно о погромах в Одессе, Ростове-на-Дону и Кавказской, сопровождавшихся массовыми убийствами, в Ставрополе поднялась паника. Среди горожан, не веривших в способность полиции предотвратить погромы и защитить население, развернулось движение с требованием создать городскую милицию. Среди населения начался сбор денег на её содержание.

При обсуждении этого предложения 27 октября 1905 г., на чрезвычайном заседании Ставропольской городской думы, было принято решение «для защиты горожан и их имущества учредить городскую милицию на 3-4 месяца в составе 60 конных и 40 пеших милиционеров, выделив для этого необходимые средства» (6). Министерство внутренних дел было согласно создать городскую милицию, но только при условии её полного подчинения полиции. На такие условия городская дума не была согласна, поскольку в таком случае милиция выходила из её подчинения, и отменила ранее принятое решение. К этому времени острота вопроса уже спала.

В ноябре 1905 г. Г.К. Пправе был одним из учредителей Ставропольского отделения от конституционно-демократической партии. При избрании местного комитета партии он был избран его председателем (7,8).

Когда шли выборы депутатов Государственной думы России (1906 г.), Г.К. Пправе назывался одним из кандидатов в депутаты от конституционно-демократической партии (9). Губернским собранием выборщиков он не был избран в депутаты, потому что крестьянские выборщики, которых на собрании было большинство, даже и не рассматривали другие кандидатуры, поскольку целенаправленно выдвинули своих и проголосовали за них. Но само выдвижение кандидатом в депутаты говорило об общественном авторитете Г.К. Пправе.

Г.К. Пправе был в числе тех гласных, которые очень активно участвовали в подготовке и праздновании юбилеев по случаю знаменательных событий в истории России: 50-летие отмены крепостного права и введение земства, 100-летие Отечественной войны 1812 г., 200-летие Полтавской победы и др.

В годы Первой мировой войны Г.К. Пправе был инициатором многих начинаний в городе – по борьбе с дороговизной, борьбе со продажей спиртного. Так, 11 января 1915 г. городская дума поддержала предложение Г.К. Пправе, Ф.А. Пеньковского, С.И. Манжос-Белого в связи с запрещением продажи спиртных напитков, что благоприятно повлияло на российское общество. Полагали, что дума воспользуется благоприятным моментом и на основе утверждённого императором 27 сентября 1914 г. положения Совета министров возбудит ходатайство о полном запрещении продажи в Ставрополе крепких напитков (10).

Г.К. Пправе с вдохновением встретил Февральскую революцию и свержение самодержавия. Это отвечало всему духу его жизни. Авторитет Г.К. Пправе в общественной жизни города был неизменно высоким. Это подтвердили и выборы в городскую думу 6 августа 1917 г., когда он был снова избран гласным городской думы на новых демократических принципах. В новой думе он

отстаивал демократические принципы деятельности городской власти. В октябре 1917 г. Г.К. Пправе был одним из инициаторов подачи записки группы гласных на заседание городской думы о присвоении звания «Почётный гражданин города Ставрополя» выдающимся революционерам России, ставропольцам Г.А. Лопатину и М.Ф. Фроленко. При выборах в Учредительное собрание 14 ноября 1917 г. Георгий Васильевич был включён кандидатом в депутаты от конституционно-демократической партии.

После Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде и передачи Вторым Всероссийским съездом советов власти в России советам, на Ставрополье развернулась борьба за власть между различными группировками населения. Чтобы избежать кровопролития, было достигнуто соглашение о проведении общегубернского народного собрания для решения вопроса о форме власти в губернии. На него должны были делегировать своих представителей земства, советы и т.д. Когда встал вопрос об избрании представителей городской думы на предстоящее собрание, Г.К. Пправе единогласно избирали в состав делегации от города Ставрополя. Все знали, что он за бескровное решение вопроса.

Общегубернское народное собрание в ночь с 31 декабря 1917 г. на 1 января 1918 г. постановило власть в губернии передать советам депутатов. Будучи членом партии народной свободы, Г.К. Пправе не приветствовал советскую власть. В то же время, он считал, что поскольку власть утвердилась, то её нужно поддерживать, ибо без этого не будет порядка в стране.

Г.К. Пправе приложил немало сил в грозное лихолетье гражданской войны, чтобы сохранить городской музей, которым он стал заведовать с 1920 г., привлекая к его работе, формированию фондов многих известных людей не только на Ставрополье, но и в стране. Неоценимую помощь ему в этом оказало то, что он постоянно вёл большую общественную работу, сталкивался с сотнями самых различных людей, которые помогали в трудную минуту. Высокий общественный авторитет Г.К. Пправе был гарантией успеха многих его начинаний. С установлением в 1920 г. советской власти в губернии он активно сотрудничал с нею в вопросах культуры, музейного дела, просвещения народа и защиты его интересов. Как активист губполитпросвета, Г.К. Пправе был удостоен звания Герой Труда. С 1920 г. Г.К. Пправе избирался депутатом Ставропольского городского совета. Высоко оценивая его заслуги, совет Ставропольского сельскохозяйственного института избрал его в 1922 г. профессором педагогики. Г.К. Пправе и сегодня остаётся примером общественного деятеля, бескорыстно отдающего все свои знания, умения своему народу.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК. Ф. 60. Оп.1. Д. 419. Л. 89.
2. Северный Кавказ. 1905. 12 марта.
3. Северный Кавказ. 1905. 8 марта.
4. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.
5. ГАСК. Ф. 1008. Оп.1. Д. 60. Л.145-146.
6. ГАСК. Ф.95. Оп.1. Д. 1694. Л. 495.
7. ГАСК. Ф. в/с. 1008. Оп. 1.Д. 68. Л.
8. Северный Кавказ. 1905. ноября.

9. Речь. 1906. 9 февраля.

10. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8708. Л. 32.

Е.В. Хомченко
Ставропольский государственный
краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Младший научный сотрудник

**Энтомологическая коллекция Ставропольского
государственного краеведческого музея
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Сообщение 1. Hemiptera – Полужесткокрылые**

Энтомологическая коллекция музея насчитывает по разным оценкам от 20-25 до 35 тысяч экземпляров насекомых. Основой ее является коллекция В.Н. Лучника – крупнейшего русского энтомолога, доктора биологических наук, который с 1925 по 1930 г. являлся директором музея. В. Н. Лучник постоянно проводил сборы энтомологического материала самых разных групп насекомых. Кроме того, он имел постоянные контакты с крупнейшими российскими и зарубежными учеными того времени, с которыми постоянно обменивался сборами. В результате этого в музее хранится большая коллекция насекомых из разных точек России, Украины, Закавказья. В небольшом количестве присутствуют экземпляры из зарубежных стран (в основном европейских, а также стран Востока, Азии, Африки). Таким образом, основная масса сборов датируется периодом 1879-1930 гг. В фондах музея также имеется 27 коробок коллекции П.А. Резника (сборы 50-х гг. XX в.). Подавляющее большинство насекомых смонтировано на энтомологические булавки, находится в коробках со стеклянным верхом. Большие затруднения вызывает тот факт, что коллекция (особенно бабочек) пересыпана дустом (ДДТ) – опаснейшим хлорсодержащим химическим веществом. Хотя по этой же причине насекомые в настоящий момент не повреждаются кожеедами.

Из-за сложности работы с коллекцией и ее большого объема, в служебных документах музея сведения о коллекции в лучшем случае ограничиваются упоминаниями таксономического порядка до уровня рода и количеством экземпляров. Учитывая вышесказанное, в 2003 году мы начали работу по описанию и инвентаризации коллекции. Данное сообщение открывает цикл публикаций, в которых будут представлены систематические списки насекомых музея. В отдельном сообщении будет освещена география коллекции.

Основная масса представителей отр. Hemiptera коллекции краеведческого музея собрана на территории Северного Кавказа, (в т.ч. черноморского побережья Кавказа), Закавказья, Крыма, Узбекистана, бывшей Череповецкой губернии, Калужской и Орловской областей, разных точек Украины, Оренбургской области, в г. Санкт-Петербурге и его окрестностях в 1890-1930 гг. сборщиками: В. Лучником, В. Белизиным, Д. Тратниковым, Л. Бианки, Ф. Андерсоном, Н. Богдановым-Катьковым, Е. Хадариным, И. Зубченко, Сосенка, С. Рейцем, Гриневым, Черкасовым, В. Михайловым, Г. Жуковым, Мазаракий, К. Пправе,

Ю. Сахаровым, сотрудниками Ставропольского энтомологического Бюро и Северо-Кавказской краевой станции защиты растений. На большом количестве этикеток сборщик не указан. Многие экземпляры были определены А.Н. Кириченко – крупнейшим русским хемиптерологом, что придает им особую ценность. Помимо этого имеются этикетки det. Oshanin, det. Beloncov. Состав коллекции следующий: (в скобках указано число таксонов, отмеченных в «Определителе европейской части СССР») 19 (из 37) семейств, 106 родов (из около 430), 162 вида, из них для 14 видов имеются только этикетки, а сами насекомые не сохранились, (из примерно 1200). 277 экземпляров из коллекции В.Н. Лучника и 133 из коллекции П.А. Резника не идентифицированы. Общая численность коллекции (этикетированные и неэтикетированные экземпляры, серии и этикетки без насекомых) составляет 1831 единицу хранения. Описание коллекции с указанием **всех** точек сборов **каждого** вида уже составлено для отряда Hemiptera и находится в процессе создания для других таксонов. Учитывая, что коллекция представляет огромный интерес, в будущем ее подробное описание будет доступно в сети Internet.

Ниже приводим список видов отряда Hemiptera коллекции музея с указанием количества экземпляров каждого вида (в круглых скобках указано количество экземпляров, в квадратных – количество ед.хранения, у которых сохранилась только этикетка). В некоторых случаях указаны места сборов, мало представленные в нашей коллекции.

сем. **Corixidae**: *Corixa punctata* Ill. (1); *C. jakowleffi* Horv. (2). *Sigara striata* L. (1); *S. assimilis* Fieb. (7), [2]. *Cymata rogenhoferi* Fieb. (7).

сем. **Notonectidae**: *Notonecta glauca* L. (9), [6].

сем. **Nepidae**: *Nepa cinerea* L. (6), «Kasaub».

сем. **Nabidae**: *Prostemma guttula* F. (4); *P. sanguineum* Rossi (1), [1]. *Aptus lativentis* Boh. (неотм.) (1). *Himacerus apterus* F. (1), [1]. *Stalia major* Costa [1]. *Dolichonabis flavomarginatus* Scholtz. (1). *Nabis ferus* L. (4); *N. brevis* Scholtz. (1); *N. rugosus* L. (2); *N. spp.* (4).

сем. **Anthocoridae**: *Lyctocoris campestris* Fall. (2). *Anthocoris pilosus* Jak. (5); *A. nemorum* L. (3). *Orius niger* Wolff (6); *O. albidipennis* Reut. (2).

сем. **Cimicidae**: *Cimex lectularius* L. (2).

сем. **Miridae**: *Monalocoris filicis* L. [1]. *Dicyphus errans* Wolff. [1]. *Deraeocoris ruber* L. (2); *D. scutellaris* F. [2]; *D. rutilus* H.-S. [2]; *D. lutescens* Schill. (1); *D. punctulatus* Schill. (3), [1]. *Capsus ater* L. [2]. *Polymerus unifasciatus* F. [1]; *P. cognatus* Fieb. (3), [1]. *Lygocoris pabulinus* L. (1); *L. lucorum* M.-D. (2), [5]. *Lygus pratensis* L. (52) «Котляревская Кабард.-Балк. обл.», «Хандаоходзы Манчжурія»; *L. gemellatus* H.-S. (1). *Orthops campestris* L. (2), [3]; *O. kalmi* L. (2). *Liocoris tripustulatus* F. (5) «Серёжино, Ямбургск.у.», [2]. *Agnocoris rubicundus* Fall. (8). *Capsodes gothicus* L. (1), [1]. *Miris dolobratus* L. (не отм.) (3), [6]. *Adelphocoris seticornis* F. (2), [1]; *A. reicheli* Fieb. (1); *A. vandalicus* Rossi (1), [1]; *A. lineolatus* Gz. (21); *A. annulicornis* R. Sahlb. [1]. *Phytocoris populi* L. (1); *Ph. varipes* Boh. (1). *Trigonotylus ruficornis* Geoffr. (3), [3]. *Orthocephalus saltator* H.-S. [3]. *Cyllecoris histrionicus* L. (1); *C. flavoquadrimaculatus* Deg. [1]. *Globiceps flavomaculatus*

Deg.(1). *Mecomma ambulans* Fall. (1). *Pilophorus confusus* Kbm. (1). *Chlamydatus pulicarius* Fall. (3). *Campylomma verbasci* M.-D. [1]. *Tuponia elegans* Jak. [1].

сем. **Reduviidae**: *Rhynocoris annulatus* L. (2), [1]; *Rh. iracundus* Poda. (4), [2]. *Pirates hybridus* Scop. (3), [2]. *Ectomocoris ululans* Rossi (4) «Баку». *Reduvius personatus* L. [1]; *R. testaceus* H.-S. [2]; *R. fedtshenkianus* Osh. [1]. *Oncocephalus plumicornis* Germ. (1); *O. brachymerus* Reut. (2).

сем. **Aradidae**: *Aradus versicolor* H.-S. (1); *A. depressus* F. (1); *A. corticalis* L. (2); *A. betula* L. (2) «Европа»; *A. caucasicus* Kob. (не отм.) (1); *A. lugubris* Fall. (1); *A. crenaticollis* R. Sahlb. (7).

сем. **Lygaeidae**: *Tropidothorax leucopterus* Gz. (18). *Lygaeus saxatilis* Scop. (4); *L. equestris* L. (23).

сем. **Pyrrhocoridae**: *Scantius aegyptius* L. (11) «Пер. Мыса». *Pyrrhocoris apterus* L. (25), без этикеток – 7.

сем. **Stenocephalidae**: *Dicranocephalus agilis* Scop. (6); *D. albipes* F. (24).

сем. **Coreidae**: *Gonocerus acuteangulatus* Gz. (2). *Syromastus rhombeus* L. (5). *Coreus marginatus* L. (73), [19]. *Enoplops scapha* F. (4). *Centrocoris spiniger* F. (5). *Spathocera laticornis* Schill. (1). *Ceraleptus gracilicornis* H.-S. (6). *Coriomeris denticulatus* Scop. (6); *C. hirticornis* F. [1]; *C. spinolai* var. *fraudatrix* Reut. (1). *Alydus calcaratus* L. (3). *Camptopus lateralis* Germ. (15).

сем. **Rhopalidae**: *Corizus hyoscyami* L. (19). *Liorhyssus hyalinus* F. (2). *Brachycarenum tigrinus* Schill. (6), [1]. *Rhopalus maculatus* Fieb. (1); *Rh. subrufus* Gmel. (5); *Rh. parumpunctatus* Schill. (11), [1]. *Stictopleurus punctatonevrosus* Gz. (1); *S. crassicornis* L. (3); *S. abutilon* Rossi (11), [2]. *Myrmus miriformis* Fall. (2), [2]. *Chorosoma schillingi* Schill. без этикетки – 1.

сем. **Plataspidae**: *Coptosoma scutellatum* Geoffr. (13).

сем. **Acanthosomatidae**: *Acanthosoma haemorrhoidale* L. (1); *A. spp.* (3). *Tesseratonia papillosa* (1) «China Ker 1838». *Elasmostethus interstinctus* L. (21). *Elasmucha grisea* L. (12); *E. betulae* Deg. (5).

сем. **Cydnidae**: *Thyreocoris scarabaeoides* L. (4). *Aethus nigritus* F. (22). *Geotomus elongatus* H.-S. (12). *Cydnus aterrimus* Först. (5). *Adomerus biguttatus* L. (4). *Canthophorus melanopterus* H.-S. (10), [1]. *Tritomegas sexmaculatus* Ramb. (19), [1]; *T. bicolor* L. (17). *Sehirus luctuosus* M.R. (4); *S. parens* M.R. (5).

сем. **Scutelleridae**: *Eurygaster integriceps* Put. (11).

сем. **Pentatomidae**: *Graphosoma semipunctatum* F. (4); *G. lineatum* L. (95). *Derula flavoguttata* M.R. (1). *Sciocoris deltocephalus* Fieb.(3). *Aelia acuminata* L. (45); *Ae. klugi* Hahn. (1); *Ae. sibirica* Reut. (1); *Ae. rostrata* Boh. (34). *Neottiglossa pusilla* Gmel. (2). *Stagonomus pusillus* H.-S. (1); *S. bipunctatus* L. (1); *S. amoenus* Brulle' (1). *Eysarcoris fabricii* Kirk. (1); *E. aeneus* Scop. (1); *E. inconspicuus* H.-S. (10). *Staria lunata* Hahn.(6). *Dolycoris baccarum* L. (151). *Anthemina lunulata* Gz. (20). *Codophila varia* F. (5). *Carpocoris purpureipennis* Deg. (31) «Гудауты»; *C. fuscispinus* Boh. (16). *Holcostethus vernalis* Wolff. (13) «Астрахань». *Palomena prasina* L. (11) «Гудауты». *Pitedia juniperina* L. (4); *P. pinicola* Mls. (1). *Eurydema maracandica* Osh. (1); *E. ventralis* Kol. (27); *Eu. ornata* L. (52); *Eu. oleracea* L. (40). *Bagrada stolata* Horv. (1). *Nezara viridula* L. (5) «Гудауты». *Acrosternum heegeri* Fieb. (2). *Piezodorus lituratus* F. (1). *Rhaphigaster nebulosa* Poda. (6) «Гудауты».

Pentatoma rufipes L. (1). *Picromerus biden* L. (3). *Rhacognathus punctatus* L. (2).
Zicrona caerulea L. (36). *Desertominidae quadrimaculata* [1].

Начало историописания Северного Кавказа: взгляд «новой историографии»

Населённый множеством этносов, Северный Кавказ издревле привлекал внимание писателей и исследователей. Многие вопросы, поставленные ещё античными авторами, остались дискуссионными и в наши дни. Несмотря на то, что этот регион долгое время не являлся специальным объектом глубокого изучения отечественных историков прошлого, интересовавшие их вопросы, взгляды на историю народов, населявших Северный Кавказ, представляют интерес для современного исследователя. Новейшая историография, испытавшая влияние постмодерна, лингвистического и культурного «поворотов», стала чувствительна к проявлениям субъективности и к случайностям, к проблемам культурного разнообразия и профессионализма историков.

В настоящее время представляет интерес историографическое изучение, выполненное не в простой описательной процедуре, выявляющей расширение тематических полей. Исследование, определяющее историографические направления (государственный метанарратив, провинциальная историография, историческое краеведение) по степени их значимости в формировании исторических представлений в стране и в провинции носит тот же описательный характер. Изучение взглядов историков становится актуальным, если при этом обращается внимание на их глубинную сущность, на историологию направления и дискурсивные операции его представителей (1, с. 100).

Для «новой историографии», по определению Ф.Р. Анкерсмита, текст историка должен быть центральным пунктом, осознание непрозрачности исторического текста ведет к концентрации внимания на конфликтах, колебаниях, двусмысленности, амбивалентности – короче говоря, на неразрешенности исторического текста, где непрозрачность текста обнаруживает сама себя (2, с.266).

В этой связи нам представляется интересным рассмотрение вопроса начала формирования научных представлений отечественных историописателей о Северном Кавказе и народах, его населявших.

В историографии первой половины XVIII в. можно выделить отдельные сюжеты о Северном Кавказе из историй, написанных В.Н.Татищевым и А.Л. Шлецером. Татищев попытался дать классификацию источников, в которых есть свидетельства и о Кавказе, по степени их достоверности, и установил основные принципы их описания и источниковедческой критики. Историописатель больше выступал как «собиратель» древних летописей, сведений о народах России, лишь иногда, позволяя себе давать комментарии, сравнивая древнейшие источники с утверждениями современной ему исторической литературы, вскрывая ошибки.

Так, Татищев в «Истории Российской» несколько путано определил место скифов на Кавказе, приводя свидетельства нескольких источников: «Геродот их кладёт за горами Тауринскими или Каспийскими, от которых Имаус в Индию

происходит, и посему скифов надлежит разуместь всю Персию и где были турконы, яко же и Дагистанъ Птолемей же кладёт их на восток от Каспийского моря, где от них разные реки, в Каспийское море текуще, положил, Яксарт, ныне именуемая Аму, Оксус. На Аральское море и текущие в него великие реки Амунь, Кувакан и Сыр ни под каким именем не помянуты» (3, гл.11, с. 134).

Шлёцер пытался внести ясность в этот вопрос: «...хотя Байер давно уже доказал, как бестолково слово Скифия. Геродот принимал это слово в благоразумном смысле: он разумел под ним Валахию, Молдавию, Подолию и южную Украину; но тут услышал он; что и за Доном были люди; эту сказочную землю, о которой он по наслышке собрал некоторые частию глупые, явно выдуманные или не так понятные известия, назвал он также Скифию. Эта последняя Скифия осталась столь же неизвестною Грекам и Римлянам, как и Геродоту; но они все ещё не называли её Азиатскою Скифию и думали, что народы, показанные там Геродотом очень неверно, должны существовать там же и по прошествии 500 лет под древним своим названием»(4, с.369). В последних веках до н. э. скифов постепенно сменяют родственные им сарматы, в составе которых они, в конечном счёте, и растворились. В вопросе этногенеза В.Н. Татищев выдвинул новые, далеко идущие идеи: подвергая сомнению церковную библейскую схему, а равно принятое современной ему наукой механическое отождествление современных народов с древними, он указывал, что «чрез так много тысяч лет народы, приходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были» (3, с.225).

Шлёцер высоко оценил русскую начальную летопись – «Повесть временных лет». В своих работах он определил важнейшие задачи и методы её изучения. Шлёцер, в отличие от В.Н.Татищева, попытался выработать общую систему критики источника, определив следующие её важнейшие элементы: «малая критика», или критика слов, направленная к непосредственному восстановлению текста: «В дурных рукописях Байер не мог различить Н от К; по чему вместо Новгородци, читал Ковгородци и забрёл в Кабарду...» (4, с.192-193) – «толкование» текста с целью установления истинного смысла, вложенного в него автором; «высшая критика», или научная интерпретация текста. Однако, увлекшись задачей восстановления «очищенного Нестора», Шлёцер не закончил изучение летописи как законченного целостного памятника, что значительно затруднило в дальнейшем источниковедческое изучение русского летописания.

Использованная литература и источники:

1. Маловичко С.И. Эрудитский тип исторического знания в российской провинциальной историографии XIX века // Новая локальная история. Вып.1. Ставрополь, 2003.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003.
3. Н.Татищев «История Российская» М., 1964. т.1.
4. Нестор Русские летописи на Древне - Славянском языке.Сличенныя, переведённые и объясненныя Авг. Луд. Шлёцером.» СПб., 1809. Ч, 1.

А.К. Швырева
Ставропольский государственный краеведческий музей
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.
Заведующая отделом природы

Палеонтологические коллекции музея Северного Кавказа в начале XX века

Отдел палеонтологии музея Северного Кавказа обладал уникальной коллекцией, собранной на территории бывшей Ставропольской губернии. Большинство экспонатов этой коллекции добыто на средства и при непосредственном участии основателя музея Г.Н. Прозрителева. В благодарность за труд по комплектованию палеонтологического фонда палеонтолог В.В. Богачев называет рыбу тунец именем Г.Н. Прозрителева *Sarmata prozritelevi* (экспозиция Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н.Прозрителева и Г.К. Пправе - ниже в тексте СГКМ, ОФ № 8739). Скелет её был найден в 1894 году в сарматских отложениях при закладке ставропольского железнодорожного вокзала.

Слонообразные в коллекции музея были представлены зубами мастодонтов, южных слонов, остатками мамонтов. Среди них особый интерес представляет почти полный скелет мамонта, который был обнаружен в 1898-1899 г.г. в окрестностях с. Татарка. Г.Н. Прозрителев сам производил раскопки, реставрировал и монтировал части этого скелета, на это у него ушло пять лет. В документах фонда Г.Н. Прозрителева читаем: «Эта работа - огромная заслуга Прозрителева. По ней удалось установить размеры кавказского мамонта, превышающего размеры сибирского (А.Ш. - имеется в виду не видовая принадлежность, а места нахождения) в 1,5 раза сравнительно со скелетом Адамса в Геологическом музее в Петрограде. Бивни кавказского мамонта достигают 6 вершков в поперечнике и 6,5 аршин в длину» (СГКМ, фонд 7, ед.хр.2). Работа Г.Н. Прозрителева по сохранению этого скелета заслужила одобрение известного палеонтолога М.В. Павловой.

Первенство открытия на Ставрополье эласмотерия - удивительного и очень редкого животного принадлежит Г.Н. Прозрителеву, обнаружившему в 1913 году семь зубов этого зверя в обрывистых берегах р. Калаус близ с.с. Высоцкого, Рагули и Северного. Свою находку он передал для исследования московскому палеонтологу М.В. Павловой. В фондах музея хранятся фотографии этих находок. Оригиналы вошли в коллекцию Палеонтологического института РАН. К сожалению, не сохранилась затылочная часть черепа, о которой в документах Прозрителевского фонда указано, что это был «череп с шишаком как кокошником затылочной части» (СГКМ, фонд 7, ед.хр. 2). По всей вероятности, это был фрагмент черепа эласмотерия, затылочные гребни которого действительно сильно развиты. Из остатков других носорогов в коллекции музея Северного Кавказа отмечены рог, зубы, нижняя челюсть, происходящие из одного местонахождения.

И по нынешним временам находки рогов большерогих оленей - большая редкость. Такой уникам был и в коллекции Г.Н. Прозрителева.

Забавной представляется история находки черепа первобытного быка *Vos primigenius*. В документах записано: «Прошел слух, что в селении Кугульта Ставропольской губернии найдена голова чёрта. Как говорили крестьяне на базаре, принесло ее половодьем. Прозрителев немедленно едет в Кугульту. После долгих усилий его направляют к колдунье - древней одинокой старухе, жившей на краю села в ветхой избушке, у которой он находит этого редкого ископаемого, бережно и тщательно припрятанного старухой на чердаке для знахарских целей» (фонд 7, ед.хр.2) К сожалению, как гласит документ, «крестьяне топорами отбили рожища, имевшие каждое 7 четвертей длины - они все пробовали прочность рогов чёрта» (см. там же). В дальнейшем черепа первобытных быков - современников мамонта были найдены и в других местах бывшей Ставропольской губернии.

Предметом особого интереса Г.Н. Прозрителева был сбор окаменелостей древнего Сарматского моря. Раковинам, рыбам разного размера, позвонкам китообразных не было числа, как указано в документах. Особую гордость составляли остатки дельфинов. Вначале близ с. Надежда был найден фрагмент черепа дельфина. А в 1915 году, во время работ на Туапсинской железной дороге, в овраге, который открывался в речку Мутнянку, обнаружили полный скелет сарматского дельфина *Anacharis orbis* Vog. Он залегал в криптоактровом слое голубовато-серых, жирных глин. Раскопки искусно, как отмечают современники, были проведены Г.Н. Прозрителевым и Е.Р. Ходариным. Уникам и по сей день хранится в современной экспозиции музея (о.ф., № 8723).

Палеоботанические коллекции были представлены отпечатками на горных породах древних растений и окаменевшими стволами деревьев.

Большая часть палеонтологической коллекции музея Северного Кавказа является составной частью нынешней палеонтологической коллекции музея, на основе которой можно построить самостоятельный палеонтологический музей.

К.Э. Штайн

Ставропольский государственный университет.

Профессор, доктор филологических наук.

С.Ф. Бобылев

Художник-дизайнер.

К.В. Зуев

Ставропольский государственный университет.

Аспирант.

Д.И. Петренко

Ставропольский государственный университет.

Аспирант

Камень и солнце: традиционный уклад Ставрополя в семиотической перспективе

Названная тема связана с исследованием городов Ставропольского края, наиболее значимых в культурном отношении как культурного текста – рассмотрение структуры повседневности, языка повседневности и знаковой системы, связанной с образом жизни города как культурного социума.

1. Провинциальный город, находящийся в порубежной культурной зоне (русская культура, кавказские культуры), очень мало исследован. Культура Ставрополя – богатейшая в России. Культурные достижения нашего края дискретны, до сих пор не обобщены, не изучены. Сейчас настало время изучать культуру края «археологически», вглубь, собирать достижения, учить молодое поколение ценить свой край, понимать его значимость в культурном пространстве России. Это важно в процессе формирования геополитики края, так как именно Ставрополье – зона постоянных политических конфликтов, а изучение повседневности, языка повседневности, художественных произведений способствует пониманию социокультурных особенностей жизни Ставрополя, раскрытию характерных черт менталитета.

Во всем мире с начала языкового поворота в гуманитарном знании наблюдается тенденция изучать жизнь человека, образ жизни, ритуалы, культуру как текст, то есть системно, в границах, определяемых языком и его структурой (знаменитое Витгенштейновское: «границы мира определяются границами языка»). Именно лингвистическим поворотом объясняется интерес к повседневности: язык и его структура фиксируют всю информацию о мире, текст репрезентирует это в форме нарративов. Сейчас во всем мире наблюдается интерес к повседневной жизни человечества, идет переакцентуация: «глобальные» подходы сменяются «тотальными» (М. Фуко), или микроподходами.

Города Ставропольского края как культурная ценность, их архитектура, знаковая система, связанная с особенностями повседневной жизни, в настоящее время находятся под угрозой. Разрушаются старинные особняки, исчезает декор, мистические знаки на камне, которые представляют уникальное свидетельство

сложного менталитета жителей края, связанного с сочетанием языческого и христианского мировоззрений.

2. Используя данные о «языках» разных искусств, а также данные языка повседневности, следует изучить наиболее значимые в культурном отношении города Ставропольского края как текст. Особое внимание нами уделяется выявленной недавно системе языческой символики, находящей воплощение в каменной архитектуре городов, имеющей изоморфную реализацию в гражданском строительстве и во всех архитектурных стилях: от классицизма до модерна, сталинского ампира и современного «дворцового» стиля. Предполагается рассмотреть культурные контексты данной знаковой системы, связанные с литературой, языком, изобразительным искусством, обобщить имеющиеся материалы по истории культуры Ставрополя и городов Кавказских Минеральных Вод.

3. Исследование городов нашего края как культурного текста практически не осуществлялось. Знаковая система, связанная с языческой символикой в организации быта и культурной среды города, выявлена недавно (2004 г.), до сих пор о ней не имеется никаких упоминаний в работах по исследованию края. Участники семинара «Textus» обнаружили в городском архитектурном экстерьере связную знаковую систему, относящуюся к архаической мифологии. Знаки расположены на домах и представляют законченный комплекс известных славянских оберегов, связанных с куклами солнца, земли и неба (воды). Знаковая система, хорошо исследованная применительно к старинной русской деревянной архитектуре, находит особое визуальное воплощение в специфическом местном строительном материале – камне-ракушечнике. Отчасти в силу этой материальной особенности, отчасти по другим причинам, которые требуют анализа, этот мифологический слой выразительно представлен во всех архитектурных стилях, относящихся ко всем эпохам, начиная с конца XVIII в. Яркая картина знаковой системы обнаружена и в городах КМВ. Ставропольская городская среда как текст и города Кавказских Минеральных Вод представляет оппозицию закрытого (Ставрополь – город-крепость) и открытого (КМВ – конгломерат городов) пространства. Важно принять во внимание и другую оппозицию: города КМВ строились с ориентацией на стандарты западноевропейских курортов. В строительстве Ставрополя не было последовательных ориентиров такого плана.

4. Предполагается осуществить целостный многоаспектный анализ городов как текста и знаковой системы, репрезентирующей слой языческих верований, мнений, суеверий, привычек, связанных с организацией жизни и быта городского жителя конца XVIII – начала XXI вв. Рассматриваются многообразные факторы языка, истории, культуры и повседневной жизни Ставрополя в таком тематическом поле, где бы они обнаружили общие связи и смысл. Нарративный подход, основанный на эволюционном мышлении в понимании истории культуры, как думается, следует совместить (по принципу дополнительности) со структуральным семиотическим анализом определенных периодов, изучая их «археологически», вглубь, снимая постепенно, слой за слоем, культурные напластования в формировании города. Используются стратегии и подходы,

выработанные в семиотике: исследование целостной структуры города, рассмотрение семантики языческих символов с помощью синтагматического и парадигматического анализа, оппозиционного метода, иерархического подхода к описанию языка города. Отечественная гуманитарная традиция (работы Ю. Лотмана, Б. Успенского, В. Топорова и др.) дает возможность говорить о семиосфере, семиотике истории и пространства.

5. Считаем целесообразным описать иерархию следующих слоев текста каждого города:

- 1) эмпирический слой (объекты описания: дом и его хозяин);
- 2) технологический слой (ракушечник как строительный материал, имеющий особую семантику);
- 3) архитектура, планировка, расположение как способ организации бытового и культурного пространства;
- 4) функциональный слой (где? что? как? для чего? из каких компонентов состоит быт?);
- 5) мифологический слой (система знаков, оберегов, миф о городе и доме);
- 6) слой, связанный со стилевой принадлежностью (обычное гражданское строительство, отношение к культурным стилям: классический, модерн, сталинский ампи́р, современные стили);
- 7) слой автометадискрипции (самоописание (вербализация) дома, нумерация, знаковая система, связанная с социальным статусом, даты, имена мастеров, архитекторов);
- 8) философский слой (как связывал хозяин дома свое жилище со структурой идей своего времени, эпистемой, выбирая место, стиль, располагая дом определенным образом, соотнося с другими строениями; соседи, престиж, социальная означенность);
- 9) языковой слой (название строений, характерные для нашего региона – дом, хата, хибара, лачуга и т.д.; как и что говорят о доме, жилище; городское просторечие, языковая среда);
- 10) слой общей культуры Ставрополя: какое отражение находят быт, повседневность в литературе Ставрополя, в живописи, публицистике, фотографии; высказывания о городе, их семантика;
- 11) общенаучный слой (исследования ставропольских ученых о городе);
- 12) дух города (общие семантические показатели).

Исследования знаковой системы города Ставрополя и городов Кавказских Минеральных Вод предполагается осуществлять в оппозиции город-крепость (относительно закрытое пространство) и конгломерат городов (относительно открытое пространство – взаимодействие небольших городов: Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск). Используется дистрибутивный анализ: знаковая система, связанная с архаическими мифологическими представлениями, рассматривается в системе культурных контекстов. Это неопубликованные редкие произведения о нашем регионе, а также тексты исследователей Ставрополя, как правило, малоизвестные или неизвестные в настоящее время.

Ставрополье, его культура, язык повседневности, к настоящему времени оказавшись мало изученными, тем не менее, представлены большим количеством

дискретных материалов, которые нуждаются в обработке, подаче, обобщении, прояснении. Наше инициативное исследование направлено на сохранение культурного наследия Ставропольского края.

Кочевники Северного Кавказа в трудах ставропольских исследователей (конец XIX – начало XX в.)

Во второй половине XIX в. в русской исторической науке, как и европейской, господствовал евроцентристский подход к изучению народов мира. Русские исследователи XIX-XX в. рассматривали европейскую культуру как универсальную, высшую стадию развития человечества. Изучение неевропейских обществ давало возможность им «подтверждать» теорию стадильности, в которой присутствовали ступени движения человечества от низших образований к высшим – европейским. При этом история России мыслилась, прежде всего, в рамках истории Европы (1, с. 24-25).

Провинциальные историки в своих трудах следовали стереотипам, сложившимся в столичной историографии. Не были исключением и ставропольские историописатели, занимавшиеся изучением истории местных кочевых народов. В конце XIX в. в Ставропольской губернии вышло значительное число работ посвященных кочевникам Северного Кавказа.

В трудах таких исследователей, как Г.Н. Прозрителев, И.В. Бентковский, С.В. Фарфоровский, Я.П. Дуброва, И.Л. Щеглов, был собран значительный материал, где нашли отражение особенности быта и духовной культуры кочевых народов. Освещалась история активного взаимодействия кочевников с восточнославянскими переселенцами, политика государства в отношении степняков и результаты её воплощения в жизнь. Однако все эти исследования без исключения были написаны с позиций евроцентризма.

История степных народов Ставропольской губернии рассматривалась с точки зрения универсальной теории развития (кочевой быт – полукочевой быт – оседлый быт). Особое внимание акцентировалось прежде всего на «отсталости» кочевников, которые, по мнению наших исследователей, находились на более низкой ступени развития, нежели окружавшее их оседлое славянское население. Так, С.В. Фарфоровский, занимавшийся изучением истории ногайцев, отмечал: «Ногайцы полукочевой народ, бродящий по Северному Кавказу и постепенно переходящий к оседлости. Они переживают ту стадию развития, которую другие народы давно уже пережили, они переходят из кочевого состояния в оседлое» (2, с.179).

Подобный взгляд на проблему мы встречаем и в трудах И.В. Бентковского: «...Они только вчера вышли из состояния номадов», «...Оседлая жизнь и земледелие приняты не всеми и находятся ещё в зачаточном положении» (3, с.1). Я.П. Дуброва, долгое время проживший среди калмыков, и занимавшийся изучением их нравов, обычаев и быта, в своей работе подчёркивал, что «калмыки в гражданском своём развитии остановились на стадии родового быта» (4, с.97). По мнению Г.Н. Прозрителева 90-е годы XIX века характеризовались переходом кочевников Северного Кавказа от кочевого ведения хозяйства к оседлому (5,

с.15). Необходимо отметить и тот факт, что особый интерес исследователей к степным народам периода «оседания кочевников» на землю, был вызван стремлением проследить процесс перехода от более «низкой стадии развития» к «более высокой». Фарфоровский писал: «Интерес вопроса увеличивается ещё потому, что в данное время очень интенсивно происходит переход этих народов к оседлой жизни. Интересно проследить процесс и условия этого оседания народов» (2, с.179).

Безусловно, что гарантом перехода на более высокий уровень развития для кочевников, по мнению исследователей XIX в., могла служить только как составная часть европейской культуры - Россия. Постепенное усвоение условий быта и приобщение к духовной культуре окружающего их русского населения поможет перейти кочевым народам на качественно новую, прогрессивную стадию развития. Фарфоровский подчеркивал, что «пример крестьян приводит кочевников к осознанию преимущества оседлого быта. Без всяких мер давления совершался переход к оседлой жизни путем примера, который всюду и всегда в деле изменения бытовых экономических форм жизни был наилучшим фактором». (2, с.187- 188) Безусловным благом виделось приобщение кочевников к русской культуре и их стремление к изучению русской грамоты. Прозрителев замечал: «Прошлое этого народа [калмыков] обязывает его приобщиться к культурным успехам настоящего» (6, с.7).

Считалось, что степные народы, находящиеся в окружении более развитой культуры, вскоре полностью растворятся в ней. Практически во всех местных исторических нарративах мы встречаем утверждение о том, что нивелировка особенностей быта и духовной культуры произойдет под влиянием «господствующего народа», в данном случае в этой роли, безусловно, выступает русский народ. Необходимым и естественным виделось приобщение кочевников к достижениям цивилизованного общества. Как благо расценивалось изменение жизненных устоев степных народов, отмирание вековых обычаев и «первобытных норм права» под влиянием своего более развитого соседа.

По мнению ставропольских исследователей, цивилизаторская миссия России заключалась в принятии под свое покровительство кочевых народов, значительно отстававших в своем развитии от нее, а также приобщении их к достижениям европейской цивилизации. Наиболее четко эта мысль была сформулирована Бентковским: «... Этот этнографический элемент оказался удобным для усвоения начал лучшей цивилизации и насколько Россия, принявшая под свою державу, выполнила эту нелегкую задачу» (7, с.35).

Провинциальные историописатели стремились следовать стереотипам универсальной историографии. Однако они собрали и опубликовали значительный исторический и этнографический материал о степных народах Северного Кавказа. Их исследования сейчас помогают современным учёным рассматривать проблему культурного взаимодействия с новых позиций. Всё же очевиден и другой факт: современная историческая наука до сих пор ещё не изжила социальных теорий науки модерна.

Использованная литература и источники:

1. Маловичко С.И. Шумакова Е.В. Евроцентристское историческое время для «Другого»: Психологический дефицит отечественной универсальной и провинциальной историографии // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект СПб. 2003.
2. Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // ЖМНП. 1909. №12.
3. Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь, 1879.
4. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года. Казань, 1898.
5. Прозрителев Г.Н. Гибнущий народ туркмен. Ставрополь, 1914.
6. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков и ставропольский калмыцкий полк в войну 1812 года. Ставрополь, 1912.
7. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев магометан. Ставрополь, 1883.

Вклад Г.Н. Прозрителева в развитие периодической печати Ставрополья

Г.Н. Прозрителев был видным общественным деятелем, неутомимым исследователем Северного Кавказа, просветителем, архивистом, музейным работником, археологом, публицистом. Он из числа тех выдающихся деятелей науки и культуры, которые оставили заметный след в истории российской провинции XIX – начала XX вв. Как свидетельствуют документы, он был человеком высокодуховным с чётко обозначенной гражданской позицией, предельно честный и искренний. Г.Н. Прозрителев проявил глубокий интерес к истории и современности региона, в котором он жил, развивал и внедрял в общество лучшие традиции российской интеллигенции.

Источниковая база по истории жизни и деятельности этого удивительного человека уже послужила основой для создания ряда очерков о нем и позволяет продолжить исследования в этом направлении (1, с.68-71; 2, с.73-77; 3, с.19-32). Григорий Николаевич прожил долгую и интересную жизнь. Родился он 4(16) марта 1849 года в городе Ставрополе в семье служилого дворянина. После домашнего образования Г.Н. Прозрителев поступает в Кубанскую воинскую гимназию в г. Ейске, считавшуюся в то время одной из лучших на Кавказе. После её окончания, в 1868 г., поступил на юридический факультет Петербургского университета, а закончил уже московский университет. В студенческие годы, разделяя идеи народничества, принимал активное участие в пропагандистской работе и общественной жизни страны. «Хождение в народ» закончилось для него арестом 26 июля 1880 года и препровождением в г. Ставрополь, где он находился под негласным полицейским надзором вплоть до 1887 г. (по другим документам – вплоть до 1898 г.). Постепенно отходя от революционного движения, Г.Н. Прозрителев начинает активно заниматься научно-исследовательской и краеведческой деятельностью. В первый год своего пребывания в г. Ставрополе Г.Н. Прозрителев преподавал французский язык, математику и физику в Ставропольской духовной семинарии. Ставрополь в то время представлял «глухой пункт», и убежищем для интеллигенции было только что возникшее тогда «Общество народного образования», в состав которого и вступает Григорий Николаевич. Он принимает деятельное участие в делах общества, в надзоре за школами, принимает «на себя разного рода переделки и приспособления зданий школ, производя их частью за свой счёт» (1, с.67).

В 1881 г. он был определён кандидатом на судебные должности при Ставропольском окружном суде, а в июне 1882 г. утверждён в чине губернского секретаря. В августе 1882 г. он стал помощником присяжного поверенного Д.И. Евсеева, а с октября того же года получил разрешение выступать в роли частного поверенного (2, с.17). Во время выполнения обязанностей по этой

должности Г.Н. Прозрителев вёл дела инородцев. Во время поездок по делам службы имел возможность непосредственно знакомиться с культурой и бытом населения Северного Кавказа. Состоя в неформальном объединении местной интеллигенции, Г.Н. Прозрителев близко сошелся с Евсеевым Д.И. Тогда у Григория Николаевича впервые и возникает мысль о создании местной газеты, и он делает предложение Дмитрию Ивановичу Евсееву быть редактором задуманного нового печатного органа. Условия жизни в Ставрополе в то время настолько мало соответствовали задуманному делу, что потребовался целый год, пока эта мысль не перестала казаться невозможной, и Евсеев согласился выступить в качестве редактора. Появление первого номера газеты «Северный Кавказ» было настоящим праздником для кружка, хотя и испугало многих самим своим появлением. С первых дней газета завоевала симпатию не только местного общества, но и привлекла на себя внимание столичной прессы. В редакции газеты работали и печатались К. Хетагуров – известный на Кавказе поэт, историк казачества И.Д. Попко и первый исследователь-краевед И.В. Бентковский, которые проживали в Ставрополе. В своих статьях Г.Н. Прозрителев много пишет о театре, откликается на юбилеи А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова-Щедрина, делает обзоры различных книг и журналов, отражает события в городе Ставрополе, публикует материалы из зала суда, помещает путевые заметки по следам своих поездок (1).

Григорий Николаевич был постоянным сотрудником редакции и ему не раз приходилось переживать совместно с Евсеевым тяжёлые минуты жизни газеты. В 1907 было отпраздновано 25-летие первой на Северном Кавказе частной газеты, созданной по его инициативе. После судебного определения о прекращении издания «Северного Кавказа» Григорий Николаевич продолжает это дело и издаёт с 1908 г. «Северокавказскую газету», выступая одновременно ее редактором и издателем.

Помимо того, что Г.Н. Прозрителев работал в указанных газетах, результаты его исследований постоянно печатались в других изданиях периодической печати региона.

Использованная литература и источники:

1. Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно-аналитический вестник. 1998. № 3.
2. Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. – Ставрополь, 1999.
3. Колесникова М.Е. Г.Н. Прозрителев – историк-краевед, собиратель архивов // Отечественные архивы. 2002. № 3.
4. Прозрителев Г.Н. (К 60-летию со дня смерти). Памятные даты Ставропольского края на 1993 год. - Ставрополь: СКЦУНБ, 1992.